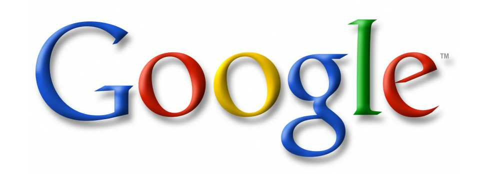
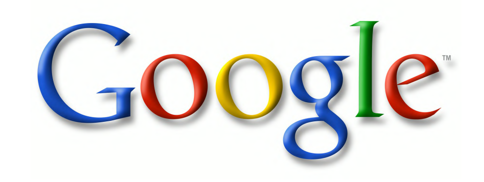
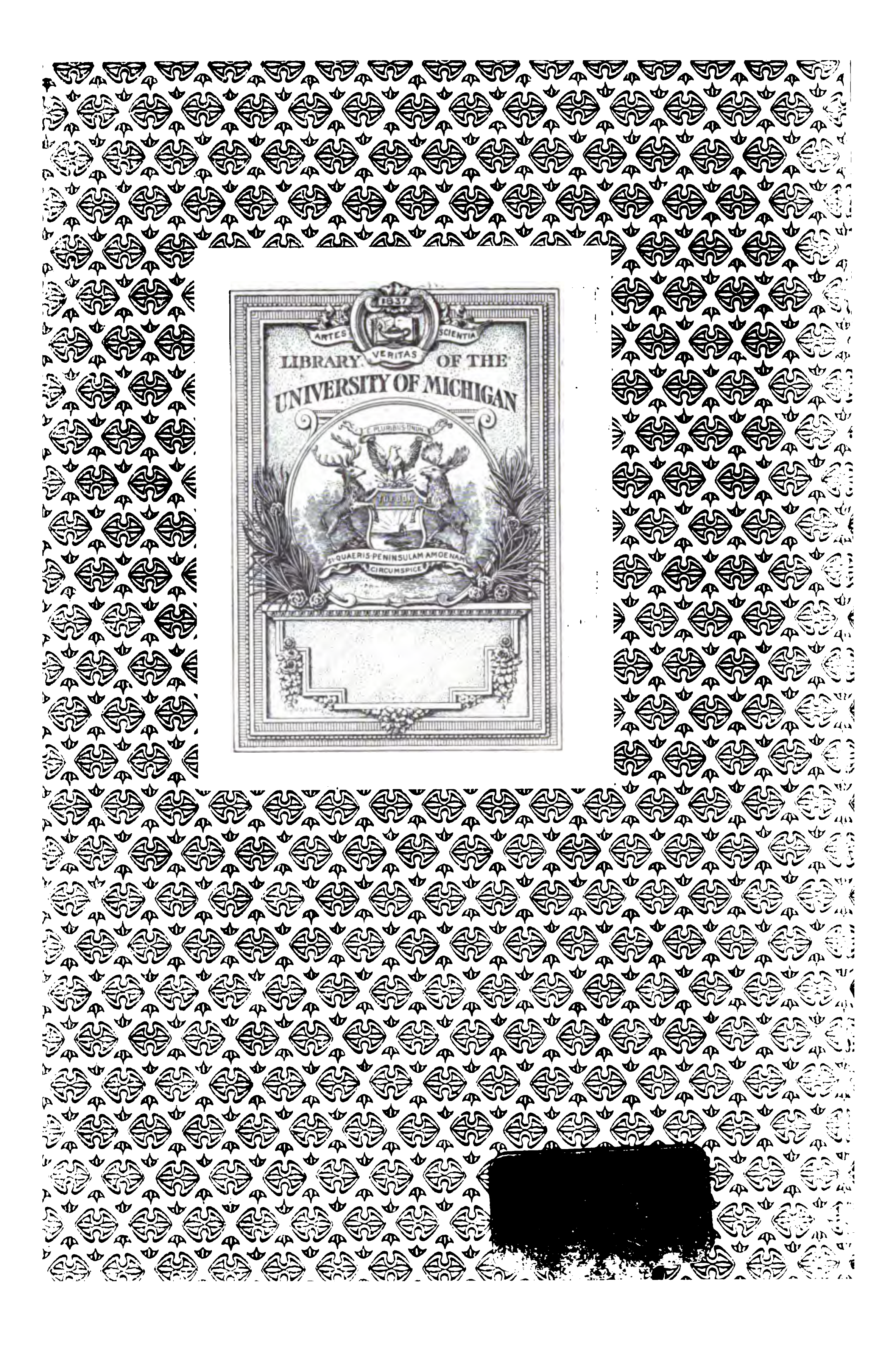
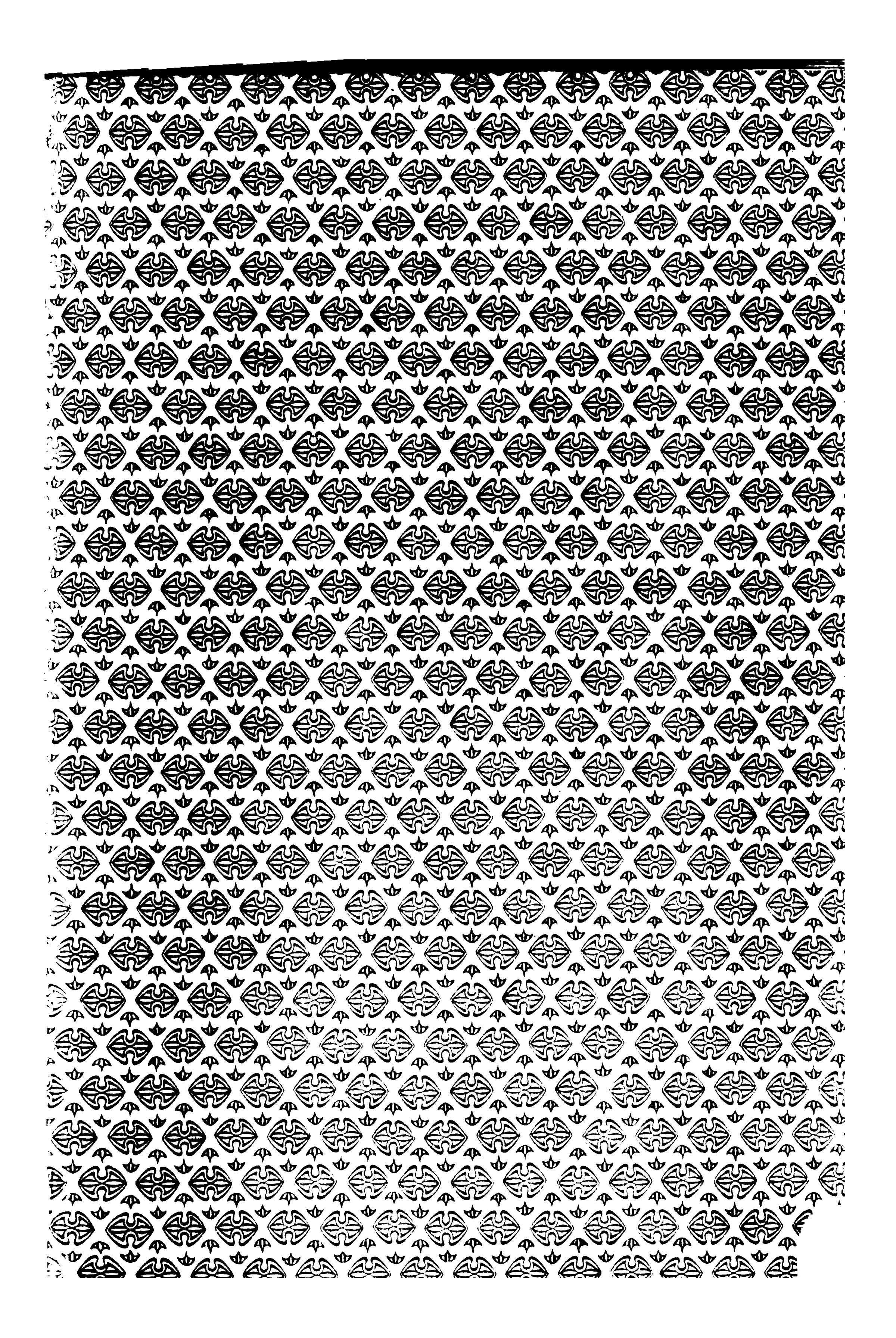

UNIV.
OF
MICH.

1837
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

Собраніе сочиненій

А. И. НЕЗЕЛЕНОВА.

Изданіе Н. Г. Мартынова.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ПРОФЕССОРА

А. И. Незеленова.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

А. Н. ОСТРОВСКІЙ

въ его произведеніяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1903.

А. Н. Островскій.

Александръ Николаевичъ

ОСТРОВСКІЙ

въ его произведеніяхъ.

Первый періодъ дѣятельности

(до историческихъ хроникъ).

Сочиненія профессора А. Н. Незеленова одобрены ученымъ Комитетомъ Министр. Народнаго Просвѣщенія и помѣщены въ каталогахъ, изданныхъ Министерствомъ для Среднихъ Учебныхъ Заведеній на стр. 84 за № 1261, 62, для Безплатныхъ народныхъ читаленъ на стр. 85.

С.-Петербургъ.

Изданіе Книгопродавца Н. І. Мартынова.

1903.

Тип. Исидора Гольдберга, Спб., Екатеринин. кан. 94.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга заключаетъ въ себѣ разборъ драмъ, комедій и сценъ *перваго періода* дѣятельности Островскаго. Это тѣ піесы, за которыми установились названіе *бытовыхъ*.—Анализъ историческихъ хроникъ поэта и произведеній послѣдняго періода его жизни составитъ второй томъ сочиненія.

Авторъ рѣшается выпустить въ свѣтъ начало своего труда ранѣе полнаго его окончанія по нижеслѣдующимъ причинамъ:

Во 1-хъ, первый періодъ дѣятельности Островскаго представляетъ собою нѣчто цѣльное и законченное, и слѣдовательно—тѣми-же свойствами можетъ отличаться и разборъ его.

Во 2-хъ, хотя надъ этимъ именно періодомъ работала критика Добролюбова и Аполлона Григорьева; но оба критика умерли давно и совершенно не были знакомы со второй половиной дѣятельности великаго народнаго драматурга. Вслѣдствіе этого представляется не безполезнымъ пересмотрѣть сдѣланное ими дѣло. Кромѣ того Аполлонъ Григорьевъ (лучшій цѣнитель

поэта) высказывалъ свои взгляды или въ общихъ чертахъ (не входя въ подробный разборъ піесъ), или эпизодически.

Въ 3-хъ, давно уже одинъ за другимъ сошли въ могилу тѣ великіе сценическіе дѣятели, которые были блистательными исполнителями піесъ Островскаго; а съ этимъ вмѣстѣ какъ-то отодвинулись на второй планъ на сценѣ и самыя пьесы, уступивъ первое мѣсто смѣнившимъ, но не замѣнившимъ ихъ сочиненіямъ новыхъ писателей. Молодое поколѣніе артистовъ какъ-то плохо умѣетъ играть бытовыя комедіи и драмы Островскаго, что стоитъ, разумѣется въ связи съ равнодушнымъ отношеніемъ молодого поколѣнія вообще къ этой полосѣ творчества народнаго драматурга. Такое явленіе, конечно, не нормально и преходяще. Авторъ льститъ себя надеждой, что своимъ трудомъ, напоминаніемъ о великихъ произведеніяхъ поэта, внесетъ хотя малую долю въ то общее дѣло, за которое должна-бы теперь приняться наша литература, а въ-частности театральная критика (если-бы таковая у насъ существовала), дѣло— возстановленія на сценѣ бытовыхъ комедій и драмъ творца народнаго русскаго театра, возстановленія путемъ пробужденія въ обществѣ сознанія о важности этихъ произведеній. Еще связи съ прошлымъ сцены не порваны; еще есть артисты, стоящіе на высотѣ задачи, о которой идетъ рѣчь: молодымъ сценическимъ дѣятелямъ еще есть у кого поучиться...

Авторъ льститъ себя и тою надеждой, что книга его, попавъ въ руки молодого поколѣнія вообще, пробудитъ,

хотя-бы даже въ немногихъ, интересъ и живое участіе и къ той полосѣ творчества Островскаго, которая была такъ дорога современникамъ поэта. Этимъ-же послѣднимъ книга напомнитъ о томъ, что такъ несправедливо стала забывать новая жизнь.

А. Незеленовъ.

14 февраля
1888 г.

Александръ Николаевичъ

Островскій

въ его произведеніяхъ.

Александръ Николаевичъ

ОСТРОВСКІЙ

въ его произведеніяхъ.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

ГЛАВА I.

Островскій—народный поэтъ.—Періоды его дѣятельности.

Втораго іюня 1886 года въ спокойномъ и привольномъ краѣ, въ деревнѣ близъ города Кинешмы, на Волгѣ, въ сердцѣ Россіи, неожиданно скончался Островскій.— Внезапно остановилась великая творческая дѣятельность, создавшая цѣлый міръ новыхъ образовъ въ поэзіи, создавшая народный театръ...

Русское общество встрѣтило тяжкую утрату почти равнодушно и холодно... Не будемъ здѣсь входить въ разборъ причинъ такого страннаго явленія; но вспомнимъ, что почившій писатель прежде, втеченіи многихъ лѣтъ, увлекалъ насъ.—Еще болѣе будетъ увлекать онъ, конечно, наше потомство, ибо принадлежитъ къ числу тѣхъ избранниковъ Божіихъ, отмѣченныхъ печатью генія, чьи труды переживаютъ время.

Началу дѣятельности Островскаго посчастливилось: его первыя пьесы не только были встрѣчены вниманіемъ и восторгомъ читателей и зрителей, но ихъ привѣтствовали и два выдающихся критика: Добролюбовъ и Аполлонъ Григорьевъ.—Первый анализировалъ темныя стороны изображеннаго писателемъ быта; вто-

рой понялъ дѣло глубже, и опредѣлилъ Островскаго какъ *народнаго поэта*, сказавшаго своими комедіями „новое слово“ въ нашей литературѣ.—Но оба критика рано сошли въ могилу,—и вторая половина дѣятельности народнаго драматурга не подвергалась уже, къ сожалѣнію, ихъ суду; критика же послѣднихъ 15—20 лѣтъ стояла ниже своего призванія. Сдѣлалось, напр., общимъ мѣстомъ считать послѣднія пьесы Островскаго слабыми и недостойными его таланта. А рядъ некрологовъ и критическихъ очерковъ дѣятельности знаменитаго писателя, появившихся вслѣдъ за его кончиной, почти только повторялъ мысли Добролюбова; Аполлонъ же Григорьевъ, лучшій цѣнитель Островскаго, оказался забытымъ, чтобы не сказать болѣе—неизвѣстнымъ современнымъ литературнымъ судьямъ. Въ послѣднее время, впрочемъ, сдѣланы были попытки болѣе серьезной оцѣнки творчества поэта.

Такъ обстоитъ дѣло пониманія Островскаго и созданнаго имъ поэтическаго міра.—Самое цѣнное изъ всего сказаннаго о поэтѣ есть, конечно, наименованіе его народнымъ писателемъ.

Народный поэтъ... Опредѣленіе это, повидимому такое ясное, такое простое, на самомъ дѣлѣ есть одно изъ самыхъ неопредѣленныхъ и смутныхъ понятій въ нашей литературѣ и жизни. Много было споровъ о томъ, что такое народность и что надо понимать подъ народностью литературы,—и, однако, вопросъ донынѣ остается открытымъ.—Справедливость требуетъ сказать, впрочемъ, что одна сторона дѣла прекрасно объяснена Апол. Григорьевымъ.

Какъ подъ именемъ народа (говоритъ критикъ) *) разумѣется народъ въ обширномъ смыслѣ и народъ въ тѣсномъ смыслѣ, такъ

*) Соч. Апол. Григорьева, Спб., 1876 г., т. I, 120.

равномѣрно и подъ народностью литературы... Литература бываетъ народна въ первомъ смыслѣ, когда она въ своемъ міросозерцаніи отражаетъ взглядъ на жизнь, свойственный всему народу, опредѣлившійся только съ бо́льшею точностью, полнотою и, такъ сказать, художественностью въ передовыхъ его слояхъ... Въ тѣсномъ смыслѣ литература бываетъ народна, когда она или 1) принаравливается къ взгляду, понятіямъ и вкусамъ неразвитой массы, для воспитанія ея, или 2) изучаетъ эту массу какъ terram incognitam, ея нравы и понятія какъ нѣчто чудно́е, ознакамливая съ ними развитые и, можетъ быть, пресытившіеся развитіемъ слои. Во всякомъ случаѣ, въ томъ или другомъ,—существованію такой литературы предпосылается историческій фактъ разрозненности въ народѣ...

Народность литературы въ обширномъ смыслѣ слова есть понятіе безусловное; въ тѣсномъ смыслѣ—понятіе относительное, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ литература

перестаетъ быть художествомъ, а становится педагогикой или естественной исторіей.

Если Островскій поэтъ народный, то, конечно, въ обширномъ смыслѣ слова народность.—А то обстоятельство, что типы первой половины своей дѣятельности онъ бралъ преимущественно изъ купеческаго міра (т. е. народнаго въ тѣсномъ смыслѣ), Григорьевъ объясняетъ весьма остроумнымъ соображеніемъ, что

въ этомъ мірѣ цѣльнѣе удерживаются и яснѣе обозначаются типы общей, родовой національности, которой существенныя, коренныя черты одинаково общи всѣмъ слоямъ.

Мы теперь, зная весь кругъ пьесъ Островскаго, можемъ прибавить къ словамъ высокодаровитаго критика, что поэтъ и не ограничился купеческимъ бытомъ, а бралъ типы и изъ другихъ слоевъ общества, и если эти послѣдніе оказались въ его драмахъ блѣднѣе первыхъ—то въ этомъ не его вина, а такова уже характеристическая черта жизни нашего времени.

Такъ объяснилъ дѣло и попытался рѣшить вопросъ о народности литературы Апол. Григорьевъ. Но не трудно замѣтить, что его рѣшеніе—неполное и даже относится больше къ внѣшней сторонѣ объясняемаго понятія. Въ самомъ дѣлѣ: народный поэтъ—тотъ, кто въ своемъ міросозерцаніи выражаетъ народный взглядъ на жизнь... Но вѣдь въ этомъ смыслѣ народенъ не одинъ Островскій, а точно также народны и Тургеневъ, и гр. Л. Толстой, и Пушкинъ и т. д. Всякій истинный поэтъ, конечно,—представитель своего народа и выражаетъ въ своихъ сочиненіяхъ народное міросозерцаніе. Если же судить не качественно, а количественно, т. е. признать, что Островскій *болѣе* народный поэтъ, чѣмъ другіе наши крупные писатели, полнѣе выражаетъ народную мысль, народное чувство и наши національныя особенности,—тогда придется вмѣстѣ съ этимъ поставить его выше и Тургенева, и Достоевскаго, и Пушкина, и Гоголя, чего, конечно, не думалъ дѣлать Ап. Григорьевъ и что вышло бы абсурдомъ.

И такъ, вопросъ о томъ, что такое *народность* литературы и что такое народное начало вообще,—требуетъ инаго рѣшенія. Слѣдуетъ вникнуть въ сущность дѣла, поставивъ его на психологическую почву.

Душа человѣка проста и несложна по своей природѣ; но путемъ отвлеченія мы можемъ разложить ее на отдѣльныя стихіи, силы, или способности, каковы: воображеніе, чувство, мысль. И не только отвлеченно, но и въ дѣйствительной жизни совершается это раздѣленіе души. Историческое развитіе человѣчества такъ сложилось, что человѣкъ не живетъ теперь всею полнотою своего духовнаго существа,—въ жизни каждаго изъ насъ обыкновенно преобладаетъ то или другое начало: кто

живетъ преимущественно умомъ, кто руководится впечатлѣніями и порывами чувства, кто увлекается образами, создаваемыми его фантазіей. Притомъ въ разные періоды человѣческаго развитія преобладаетъ та или другая стихія его души: воображеніе отличаетъ младенческій возрастъ, ранней юности свойственно увлеченіе чувствомъ...

Есть аналогія между отдѣльнымъ человѣкомъ и народомъ, или обществомъ: какъ въ жизни личности, такъ и въ жизни человѣческаго общества или народа бываютъ эпохи младенчества, юности, зрѣлаго возраста, бываютъ времена умственныхъ сомнѣній, времена увлеченій сердца.—Творческая фантазія отличаетъ древній міръ, до совершенства доведшій пластическое искусство, давшій намъ образцы прекрасныхъ формъ, красоты какъ красоты. Романтизмъ, юношеская жизнь сердца характеризуетъ средніе вѣка, эпоху рыцарскихъ подвиговъ, рыцарскаго обожанія женщины. Умъ и его развитіе въ философіи и наукахъ составляетъ отличительный признакъ жизни новыхъ временъ Западной Европы.—И какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ можно подмѣтить обыкновенно перевѣсъ одной изъ душевныхъ силъ, такъ точно можно подмѣтить это и въ жизни отдѣльныхъ племенъ и народовъ: чувство отличаетъ народы романскіе, мысль есть принадлежность и отличіе германскаго племени... Сообразно съ этимъ то или другое племя выступаетъ въ разныя эпохи на первое мѣсто въ исторіи.

Но, какъ ни раздваивается душа человѣка, какъ ни обособляются въ насъ отдѣльныя стихіи духа,—гдѣ-то тамъ, въ сокровенной глубинѣ нашего существа сохраняется первоначальное единство; есть у каждаго изъ насъ такой уголокъ души, въ которомъ соблюдается

гармонія силъ, и умъ не споритъ съ чувствомъ, сомнѣнія не подрываютъ вѣры, не обособляется дѣятельность фантазіи. Если говорить не объ отдѣльныхъ личностяхъ, а о народахъ, то хранительницей такого первоначальнаго единства является народная масса, т. е. такъ-называемый простой народъ.

Этотъ нераздвоенный уголокъ души называется совѣстью. Не будь его—и та или другая исключительно развившаяся въ насъ жизненная сила закружила бы насъ въ своемъ безъудержномъ стремленіи и погубила въ односторонней крайности увлеченія. Нѣтъ человѣка, у котораго не было бы подобнаго уголка души; но у однихъ онъ замѣтнѣе, у другихъ слабѣе.

Замѣчательно, однако, что, поставленный такимъ образомъ на одну линію съ обособившимися и отдѣльно развившимися силами, онъ самъ становится какъ бы отдѣльной стихіей, отдѣльной силой души. Въ немъ—правда, потому что онъ не одностороненъ; но какъ не захватившій всей души, а превратившіяся въ одно изъ ея началъ, онъ этимъ самъ дѣлается одностороннимъ, и его односторонность сказывается въ недостаткѣ энергіи, страстной силы стремленія и порыва. Люди, которые ему отдали предпочтеніе, отличаются спокойствіемъ, трезвымъ пониманіемъ правды, отсутствіемъ ложныхъ увлеченій; но въ нихъ мало огня, мало силы духовной жизни,—и это даетъ просторъ плоти, въ нихъ развивается (правда, не въ злобныхъ порывахъ, а въ спокойныхъ формахъ) чувственная сторона человѣческаго существа и какъ бы заявляетъ о равноправности тѣлесной жизни съ жизнью духовной. У такихъ людей мало идеализма; они неподвижны и лѣнивы и легко могутъ впасть въ сонъ духа. Илья Ильичъ Обломовъ—чудесный человѣкъ, съ безконечно добрымъ, незлобивымъ сердцемъ;

но душа его не унеслась въ духовную высь, а удовлетворилась добродушнымъ прозябаніемъ на Выборгской сторонѣ, въ хозяйственномъ домѣ Агафьи Матвѣевны.— Одностороннее развитіе той или другой душевной силы, ума, или сердца, или фантазіи—есть, конечно, заблужденіе; но заблужденіе заключается здѣсь именно въ односторонности, а не въ развитіи, не въ силѣ увлеченія; эти послѣднія, напротивъ, составляютъ правду такой жизни. До величайшаго идеализма, до Мадонъ Рафаэля въ искусствѣ, до благоговѣйнаго уваженія къ женщинѣ, до платонической любви поднималось чувство средне-вѣковаго человѣка. Съ уваженіемъ останавливается нашъ взоръ передъ идеализмомъ германской философствующей мысли, стремившейся проникнуть въ сущность жизни, охватить весь міръ однимъ принципомъ. Правда, такіе порывы идеализма имѣютъ и оборотную сторону: порывъ по самому существу своему есть нѣчто непродолжительное, временное, и какъ таковой онъ смѣняется обыкновенно противоположною крайностью; благоговѣвшіе передъ женщиной и ея чистотою въ свѣтлыя минуты увлеченія, рыцари въ другое время падали въ страшныя бездны разврата. Смѣлость и глубина мысли въ германскомъ племени уживается съ непониманіемъ комическихъ явленій жизни, съ отсутствіемъ юмора, быстроты пониманія и ясной трезвости ума.—Но причины этого—не сила развитія обособившейся душевной способности, а именно ея обособленіе, т. е. раздвоеніе души. Это раздвоеніе ведетъ также къ себялюбію, къ эгоистическому развитію личнаго начала. Возвышенный и смѣлый искатель истины, благородный мученикъ сомнѣній. Фаустъ безжалостно губитъ Гретхенъ и потомъ, въ новыхъ поискахъ за истиной, даже забываетъ ее, страдающую, измученную, заключенную, потому что онъ

не могъ и не хотѣлъ поставить ее наряду съ собою и свысока смотрѣлъ на ея наивную непосредственность, на ея простодушное сердце.

По строгой аналогіи между жизнью отдѣльныхъ человѣческихъ личностей и жизнью цѣлыхъ племенъ, есть племена, историческое назначеніе которыхъ было развить до крайнихъ предѣловъ ту или другую обособившуюся стихію человѣческаго духа; таковы племена западно-европейскія;—и есть племя, призваніемъ котораго было хранить, при раздвоенности исторической жизни человѣчества, нетронутую цѣлость души; таково племя славянское; но, по волѣ Провидѣнія, назначеніе славянства было именно только консервативное, охраненіе твердыхъ устоевъ жизни, а не прогрессивное движеніе ума или чувства, науки, искусства, творческой дѣятельности.

Оттого на Западѣ развилась жизнь личности, или отдѣльныхъ личностей съ ихъ раздвоеніемъ, съ ихъ эгоизмомъ и взаимной враждою, но и съ энергіей и силой творчества. Въ славянствѣ, и въ частности у насъ на Руси, въ противоположность этому, развилась жизнь общинная съ ея тишиною и миромъ, жизнь, гдѣ человѣкъ служитъ обществу, личность преклоняется передъ народной правдою, но гдѣ эта личность лишена была иниціативы, а сама жизнь легко переходила въ застой.

Но какъ душа не можетъ вся превратиться въ одну силу, или стихію, и за ея односторонней жизнью таятся другія силы, таится и уголокъ нетронутаго, нераздвоеннаго бытія; такъ и въ народахъ и въ племенахъ, не смотря на преобладаніе одного начала, живутъ и начала другія. Центръ жизни славянства—въ народныхъ массахъ, хранящихъ въ себѣ нераздвоенную цѣльность духа; личности играли въ нашей старой исторіи неболь-

шую роль; но эти личности все-таки были, и въ нихъ проявлялись обособившіяся стихіи души. На Западѣ Европы, напротивъ, главное мѣсто въ жизни принадлежало отдѣльнымъ личностямъ съ ихъ одностороннимъ развитіемъ силъ; а народныя массы занимали мѣсто второстепенное; но эти массы все-таки жили, и въ ихъ жизни сказывалось то же, что и въ народныхъ массахъ славянства—нераздвоенная цѣльность духа.

Отсюда, изъ этихъ общихъ психологическихъ соображеній слѣдуетъ, что понятіе „народный писатель", „народный поэтъ" можетъ имѣть два смысла: народнымъ можно назвать или того писателя, который выражаетъ въ своихъ произведеніяхъ существенную сторону жизни своего племени, будетъ ли эта сторона проявляться въ жизни общества и его отдѣльныхъ личностей, или въ жизни народныхъ массъ; или народнымъ писателемъ можно назвать того, кто выражаетъ въ себѣ сущность жизни именно народной массы. Гете будетъ народенъ въ первомъ смыслѣ, какъ поэтъ-мыслитель, ибо мысль есть существенный признакъ германскаго племени, и не народенъ во второмъ смыслѣ, или, по крайней мѣрѣ, такое народное значеніе его можетъ быть сильно заподозрѣно.—Не трудно замѣтить, что для племени славянскаго оба смысла понятія „народный писатель" сливаются въ одно.

Какъ же примѣнить это къ Островскому и къ нашей русской литературѣ вообще? Въ какомъ смыслѣ народный поэтъ Островскій? — Здѣсь мы опять должны сдѣлать отступленіе.

Современная русская жизнь—не то, что жизнь до-Петровской Руси, и хотя имѣетъ съ этой послѣдней преемственную историческую связь, но не есть ея простое и прямое продолженіе. Жизнь русскаго *общества*

послѣ-Петровскихъ временъ явленіе необычайное въ исторіи. Реформа Петра Великаго была переворотомъ въ полномъ и истинномъ значеніи этого слова: Петръ не просто сблизилъ насъ съ Западной Европой, онъ породнилъ насъ съ нею; и прошлое Запада, прошлое чужихъ странъ стало послѣ этого для насъ, русскихъ, нашимъ прошлымъ; мы сдѣлались наслѣдниками не только образованности нашихъ предковъ, но и богатыхъ цивилизацій западныхъ народовъ; для насъ крестовые походы, реформація—чуть не такое же, или почти такое же, родное минувшее, какъ татарское иго или 1612 годъ на Руси; кому изъ насъ Шекспиръ не такъ же близокъ, какъ „Слово о полку Игоревѣ"?—Не переставая быть самими собой (хотя иной разъ и казалось, что мы отреклись отъ себя), мы, со временъ геніальнаго Преобразователя, стали жадно и страстно усвоивать себѣ и формы, и содержаніе чужихъ жизней. Выходилъ подчасъ хаосъ невообразимый; но здоровая природа русской души все выносила,—и чужое добро незамѣтно и тайно сливалось съ роднымъ богатствомъ. Много злаго, темнаго и пустаго въ нашей новой жизни; но Петровскій періодъ нашей исторіи есть, однако, великая эпоха гармоническаго слиянія воедино переживаемыхъ нами тревожныхъ, энергическихъ и страстныхъ западно-европейскихъ началъ съ простыми, смиренными и добрыми началами русской народной жизни. Необычайный историческій процессъ еще не завершился; но мы уже вышли изъ его хаоса, успокоились бродившія въ немъ силы, — и начинаетъ выясняться новая, *наша* идея, новый духовный историческій образъ, своеобразное міросозерцаніе.

Какъ для отдѣльной души человѣческой должно наступить время гармоническаго слиянія и примиренія бро-

дившихъ силъ между собою и съ внутренними устоями духа, съ его совѣстью,—иначе не будетъ для человѣка спокойствія и счастья;— такъ и въ жизни историческихъ народовъ должно было наступить время соединенія и примиренія выражаемыхъ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности стихій духовной жизни. Въ исторіи новаго русскаго общества и совершается этотъ великій міровой процессъ сліянія противоположныхъ элементовъ, — общиннаго начала древней Руси и личнаго начала западноевропейской образованности.

Темна и безотрадна во многомъ наша жизнь, но назначеніе ея — великое. „Недостойные избранья", мы избраны, — невольно припоминаются намъ слова благороднаго поэта, обращенныя къ горячо любимой имъ родной землѣ:

О, недостойная избранья, ты избрана!
Скорѣй омой себя водою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!

Тяжело переживаются великія историческія событія, особенно когда онѣ совершаются не во внѣшнемъ мірѣ, а во внутреннемъ мірѣ народнаго духа. Но если мы переживемъ, вынесемъ то, что теперь испытываемъ, мы овладѣемъ свѣтомъ Божіей правды, и чистымъ потокомъ разольется этотъ свѣтъ по народамъ и странамъ міра,— и мы подготовимъ „царство Божье на землѣ".—Да не смущается только сердце наше царящей у насъ теперь апатіей, холоднымъ замираніемъ жизни: когда (по вдохновенной мысли великаго поэта) посланникъ Божій шестикрылый Серафимъ разсѣкъ мечемъ грудь человѣка предназначеннаго въ пророки и, приникши къ устамъ его, вырвалъ языкъ его, и вложилъ ему въ грудь пы-

лающій угль вмѣсто трепетнаго сердца, а въ уста жаломудрой змѣи вмѣсто языка, празднословнаго и лукаваго,— человѣкъ замолкъ и замеръ отъ страшныхъ ощущеній, пораженный и измученный; онъ лежалъ въ окружавшей его пустынѣ безжизненно, какъ трупъ. Но голосъ Бога воззвалъ къ нему:

Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей!

И человѣкъ всталъ — сильный, могучій, свѣтлый, и пошелъ на вдохновенную проповѣдь—жечь своимъ глаголомъ людскія сердца.—Раздается и для насъ, въ нашей безотрадной пустынѣ, голосъ зовущаго Бога; только да не исчезнутъ и не умолкнутъ наши затаенныя сердечныя стремленія къ царству правды и свѣта и наши молитвы объ озаряющей благодати, о Божіей помощи нашему невѣрью.

Великимъ историческимъ назначеніемъ нашей новой жизни объясняется и тотъ, повидимому странный, фактъ, что эта кажущаяся такою бѣдною жизнь можетъ похвалиться необычайно богатою, высокою литературою. — Прошло или проходитъ уже то время, когда мы не рѣшались цѣнить своего богатства и простодушно воображали и говорили, что, конечно, Пушкинъ и Гоголь великіе поэты, но куда-же имъ равняться съ европейскими геніями, съ Байронами и Шиллерами! Сама Европа отдала справедливость нашимъ писателямъ и стала удивляться ихъ творчеству; за Европой и мы начали понимать, что напрасно себя унижали... Байроны и Шиллеры, Гете и Гюго, при всемъ величіи ихъ поэзіи, оказываются, однако, выразителями одностороннихъ идей, обособившихся духовныхъ стихій, развивавшихся въ жизни ихъ народовъ. Наши поэты—носители высшихъ началъ: въ ихъ творчествѣ отражалась и отражается многосто-

ронняя и богатая новая русская жизнь; Пушкинъ въ юности воспринялъ въ себя Байрона, и поэзія міровой скорби англійскаго генія стала однимъ изъ элементовъ его поэзіи; но его поэзія богата еще и другими элементами,—она восприняла въ себя міръ народнаго русскаго творчества, и изъ всѣхъ усвоенныхъ и пережитыхъ ею стихій выработала свое особое, высшее творческое начало.

Поэзія по самому существу своему противна душевному раздвоенію; смыслъ искусства — въ томъ, что оно носитъ въ себѣ гармонію и примиреніе. Поэтъ — тотъ, въ комъ стройно сливаются во-едино разрозненныя въ нашей жизни силы духа; это и даетъ поэту возможность спокойно судить жизнь въ ея отклоненіяхъ отъ вѣчной правды, озаряя ее немеркнущимъ свѣтомъ тѣхъ высотъ, на которыя возносится его примиренный духъ.—Наша жизнь, въ которой совершается процессъ сліянія и примиренія мысли, чувства, фантазіи, совѣсти, наша жизнь поэтому и благопріятствуетъ развитію поэтическаго творчества, давая ему богатое содержаніе, создавая и самихъ поэтовъ.

Но до полнаго гармоническаго единства наша жизнь еще не дошла, она еще не чужда нѣкотораго раздвоенія и односторонностей. И вотъ почему въ творчествѣ и нашихъ поэтовъ, дѣтей своего общества, при всей многосторонности ихъ созданій, при всей гармонической полнотѣ содержанія ихъ идеаловъ, все еще слышится перевѣсъ той или другой стихіи духовной жизни. Такъ, въ поэзіи Пушкина главный элементъ — фантазія, красота образовъ, картинъ, стиха и слога; потому онъ былъ поэтъ положительной стороны дѣйствительности, ея прекрасныхъ явленій,—и какъ поэтъ красоты, какъ художникъ, Пушкинъ не имѣетъ себѣ равного, не имѣетъ со-

перника. Но въ чуткости и впечатлительности, въ нѣжности чувства онъ уступаетъ Гоголю; чувство, сердце— отличительный признакъ творчества автора „Мертвыхъ душъ“; страстной тоскою отзывался поэтъ на открывавшіяся его чуткому взору отрицательныя явленія жизни, потому что его любящее сердце не могло не трепетать отъ диссонансовъ дѣйствительности.—Въ противоположность Гоголю, Тургеневъ былъ поэтъ мысли по-преимуществу, поэтъ анализа, сознанія и сомнѣнія, хотя, конечно, поэтъ мысли не въ томъ смыслѣ какъ Гете, идеализировавшій мысль и ея служителей до высокомѣрнаго отношенія къ жизни непосредственной, до холодности своей поэзіи: поэзія Тургенева была вся проникнута чувствомъ и не высокомѣрно смотрѣлъ на непосредственную жизнь авторъ „Записокъ охотника“.

Такое-же значеніе въ нашей жизни, какъ чувство, какъ мысль, имѣетъ и живущее въ ней, сливающееся въ великомъ историческомъ процессѣ съ другими ея элементами, народное начало. Какъ Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ были многосторонними выразителями нашей жизни вообще, а въ-частности и преимущественно одной изъ ея стихій, фантазіи, чувства, мысли; такъ Островскій былъ тоже выразителемъ и поэтомъ ея многосторонняго содержанія вообще, преимущественно-же ея *народнаго начала*. Онъ не поэтъ народной стихіи въ ея непосредственной жизни въ народныхъ массахъ, а поэтъ народнаго начала въ томъ его видѣ, въ какомъ оно живетъ въ нашемъ обществѣ, въ соприкосновеніи и сліяніи съ стихіями страстной мысли, глубоко развитаго чувства.

По этимъ причинамъ Островскій съ особенной любовью останавливался (по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ своей дѣятельности) на изображеніи купече-

скаго быта, въ которомъ, въ его столкновеніи съ образованнымъ классомъ, особенно оригинально и ярко выразились народныя особенности. Но Островскій не могъ ограничиться этимъ бытомъ,—и уже параллельно съ первыми бытовыми комедіями онъ пишетъ комедіи изъ жизни чиновниковъ и дворянъ; а затѣмъ, во второй половинѣ своей жизни, даже преимущественно останавливается на изображеніи образованнаго класса.

Въ идеалѣ Островскаго, въ его отношеніяхъ къ жизни преобладають народные чувства и взгляды; но поэтъ поднимается выше непосредственности народныхъ отношеній; сознательно скорбное или радостное чувство, глубоко анализирующая мысль заставляютъ его объективно взглянуть на народный міръ—и зачастую неудовлетвориться имъ и его жизнью.

Мѣсто Островскаго, такимъ образомъ, — наряду съ Гоголемъ, Тургеневымъ... Прибавимъ къ этому (для уясненія индивидуальныхъ особенностей поэта) два слова объ отношеніяхъ творчества Островскаго къ творчеству такихъ писателей, какъ Лермонтовъ, Достоевскій, гр. Л. Толстой.

Геніальный и рано погибшій юноша Лермонтовъ былъ поэтъ бурныхъ и страстныхъ увлеченій, огненныхъ чувствъ. До конца не могъ онъ освободиться отъ вліянія Байрона и идеализировалъ въ своихъ произведеніяхъ гордые и страстные байроническіе характеры. Въ этомъ у него, конечно, нѣтъ ничего общаго съ Островскимъ. Единственной точкой соприкосновенія между ними можетъ служить народный образъ Лермонтовскаго Максима Максимыча да два-три спокойнымъ чувствомъ проникнутыхъ стихотворенія.

Точно такъ-же мало общаго между Островскимъ и Достоевскимъ. Избравъ своей спеціальностью изображе-

ніе людей униженныхъ и оскорбленныхъ, нравственно и физически больныхъ, безвольныхъ, внося страстную силу анализа и порой духъ христіанскаго сочувствія въ этотъ больной міръ, Достоевскій не уберегъ, однако, отъ болѣзни и свое поэтическое міросозерцаніе; неспокойное, тревожное, его творчество доходитъ до идеализированія болѣзненныхъ чувствъ и хилыхъ морально и физически людей.—Островскій былъ чуждъ всего этого.

Больше, повидимому, сходства между Островскимъ и гр. Л. Толстымъ: оба писателя стремятся къ правдѣ и отъ трезваго взгляда обоихъ не укроется ложь. Но Островскій ищетъ и находитъ правду положительную, правду въ реальныхъ явленіяхъ жизни. Гр. Толстой во имя требованій правды разрушаетъ дѣйствительную жизнь, заподозривъ ложь во всѣхъ ея явленіяхъ. Одинъ поэтъ положенія, другой—отрицанія.

Опредѣливъ мѣсто Островскаго въ исторіи нашей жизни и литературы, назвавъ характеристическій признакъ его творчества—*народность*, обратимся теперь къ разсмотрѣнію самой дѣятельности поэта.

„Новое слово“ Островскаго въ нашей литературѣ—былъ тотъ новый взглядъ на жизнь и людей, которымъ онъ поразилъ современниковъ своихъ первыхъ комедій. Островскій посмотрѣлъ на жизнь спокойно, безпристрастно, благодушно, взглядомъ здоровымъ, безъ увлеченія бурными страстями, безъ идеализированія приподнятыхъ или болѣзненныхъ чувствъ, безъ крайняго отрицанія, и въ то-же время съ юморомъ трезваго ума, здраваго русскаго смысла. Притомъ въ первыхъ же своихъ созданіяхъ онъ заявилъ себя именно *поэтомъ* жизни, а не ея обличителемъ и карателемъ. Онъ осмѣялъ

и казнилъ судомъ поэтической правды самодурство народнаго быта; но онъ-же съ глубокимъ сочувствіемъ изобразилъ намъ и всю поэзію этого быта, его вѣрованій и обычаевъ, его человѣческихъ отношеній и чувствъ.

Въ закончившемся на нашихъ глазахъ творчествѣ великаго художника мы можемъ различить три эпохи: къ первой относятся бытовыя комедіи и драмы; ко второй— пьесы историческаго содержанія и вообще рисующія древнюю русскую жизнь; въ третьемъ періодѣ Островскій изображалъ беспочвенные слои нашего общества. Какъ у всякаго высокаго поэта, для котораго поэзія есть цѣль жизни, весь этотъ кругъ піесъ Островскаго представляетъ цѣльный и стройный, въ самомъ себѣ замкнутый міръ, и въ этомъ мірѣ главное мѣсто принадлежитъ выражающейся въ немъ, въ его безконечно разнообразныхъ явленіяхъ, личности творца его. Мы можемъ наблюдать, какъ эта личность живетъ высокою поэтическою жизнью, то подмѣчая свѣтлыя явленія дѣйствительности, то ея отрицательныя стороны, то увлекаясь, то разочаровываясь, и вѣчно стремясь къ своему идеалу, судя жизнь при его правду и ложь озаряющемъ свѣтѣ. Подмѣтить эту *личность* поэта и ея идеалъ — будетъ главной задачей настоящаго сочиненія, ибо смыслъ искусства вообще, а поэзіи въ-особенности, и заключается [illegible]нно въ личности поэта, въ его міросозерцаніи, въ т[illegible] точкѣ зрѣнія, съ которой онъ освѣщаетъ изобража[illegible]ыя имъ явленія. Искусство безъ такого озаряющ[illegible] свѣта идеала—уже не искусство, а простая копія съ д[illegible]ствительности.

О[illegible]овскій началъ комедіей *„Свои люди сочтемся“*, гдѣ и[illegible]разилъ живыми, яркими чертами самодурство сильны[illegible] людей; онъ продолжалъ живо писать это самодурств[illegible] и въ слѣдующихъ піесахъ, прибавивъ къ его

типамъ еще образы забитыхъ и приниженныхъ слабыхъ людей. Но въ комедіяхъ: *„Не въ свои сани не садись“* и *„Бѣдность не порокъ“* выступаетъ передъ нами свѣтлая сторона жизни: поэтическіе обычаи и пѣсни народа, благодушныя семейныя отношенія, кроткое чувство любви, чувство примиренія и всепрощенія, порывы къ христіанской правдѣ и къ правдѣ и миру семейной жизни и честнаго труда.

Въ драмѣ *„Не такъ живи какъ хочется“*, высокой по замыслу, но къ сожалѣнію недозрѣвшей въ душѣ поэта, Островскій, глубоко всматриваясь въ народную жизнь, рисуетъ крайнія ея грани, высшее и нисшее явленія: ея чувственный разгулъ и силу проникающаго и животворящаго ее религіознаго начала. Послѣднее, по взгляду поэта, пересиливаетъ разгулъ...

Иное говорятъ драмы *„Гроза“* и *„Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“*, важныя произведенія перваго періода, захватывающія народную жизнь полно и глубоко, со всѣхъ ея сторонъ, въ отрицательныхъ и положительныхъ ея явленіяхъ. Поднимаясь здѣсь до объективности воззрѣнія, поэтъ проявляетъ, однако, свою личность въ безмолвномъ указаніи на трагическій характеръ выбраннаго имъ быта: въ обѣихъ пьесахъ энергическіе душой люди гибнутъ,—Катерина бросается въ Волгу, Красновъ убиваетъ жену. — Мы слышимъ какъ бы разочарованіе поэта въ состоятельности рисуемой имъ жизни...

Новую вспышку любви къ ней можно видѣть, однако, въ отрицательныхъ образахъ и сценахъ *„Воспитанницы“*, если сопоставить ихъ съ типами и сценами почти одновременно написанной *„Грозы“*: самодурство личнаго произвола помѣщицы Уланбековой несравненно возмутительнѣе самодурства Кабанихи, опирающагося

на принципы, какіе-бы то ни было, но все-таки принципы.

Если міръ барства является въ первомъ періодѣ лишь эпизодически, то міръ чиновниковъ изображенъ полно и обстоятельно въ чудесныхъ комедіяхъ: *„Бѣдная невѣста“* и *„Доходное мѣсто“*. Объективно и спокойно, гуманно, терпимо смотритъ Островскій на своихъ героевъ; но какъ истинный поэтъ съ высокимъ идеаломъ онъ изображаетъ слабость нравственныхъ устоевъ въ чиновничьемъ быту, силу въ немъ денежнаго интереса пренебреженіе къ человѣческой личности, слабохарактерность вращающихся въ немъ хорошихъ людей.

Весьма замѣчательны комедіи и сцены, въ которыхъ чиновничій міръ встрѣчается съ купеческимъ, ища покормиться въ немъ, прямыми и не-прямыми путями. Въ піесахъ этого порядка мы встрѣчаемся съ двумя наиболѣе яркими по художественности изображенія и силѣ психологическаго анализа типами; это дикій, но благодушный самодуръ Титъ Титычъ Брусковъ (герой *„Тяжелыхъ дней“* и *„Въ чужомъ пиру похмѣлье“*) и простодушный и безконечно глупый *Бальзаминовъ* (герой высоко-комической трилогіи). Комедіи: *„Пучина“* и *„На бойкомъ мѣстѣ“* представляютъ переходъ ко 2-му періоду, какъ бы служа выраженіемъ неудовлетворенности поэта изображаемымъ имъ до тѣхъ поръ бытомъ: хорошіе люди въ нихъ гибнутъ въ тинѣ мелочнаго эгоизма и мошенничества окружающихъ лицъ.

Во *2-ю эпоху своего творчества*, отвернувшись отъ современности, Островскій ищетъ правды и истины въ прошломъ русской исторіи.

Въ поэтической хроникѣ *„Кузьма Захарьичъます Мининъ Сухорукъ“* поэтъ изображаетъ высшія начала народной жизни: горячую любовь къ родной землѣ, поддерживае-

мую высокимъ, сердечнымъ религіознымъ одушевленіемъ; аскетическіе порывы отъ земнаго нечистаго міра къ свѣту духовнаго идеала.—Но, какъ совершенная противоположность этой драмѣ, въ концѣ эпохи появляется драматическая сказка „*Снѣгурочка*“, рисующая въ образахъ древняго языческаго міра чувственную стихію народной жизни, ту сторону быта, гдѣ человѣкъ грубо подчинилъ себя природѣ.

Середину между этими двумя полюсами народной дѣйствительности изображаетъ драма „*Воевода*“, представляя намъ обыденную жизнь древней Руси, его поэзію удали, любви, поэтическихъ вѣрованій — съ одной стороны, грубость и безпощадность самодурства и эгоизма его сильныхъ людей — съ другой стороны.

Въ историческихъ хроникахъ: „*Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій*“, „*Тушино*“, „*Василиса Мелентьева*“—замѣчательно стремленіе поэта изобразить энергическихъ людей, найти крѣпкіе волей характеры въ нашей старой исторіи. Но замѣчательно также, что въ названныхъ драмахъ эти энергическіе люди (Людмила въ „Тушинѣ“, Самозванецъ, Василиса), всѣ они, независимо отъ ихъ нравственнаго достоинства, добрые и злые, гибнутъ въ окружающей ихъ жизни, въ исторической безурядицѣ.—Это опять какъ будто приводитъ Островскаго къ разочарованію... По крайней мѣрѣ мы видимъ новый поворотъ въ его творчествѣ.

Третій, или послѣдній, *періодъ* дѣятельности поэта ознаменовывается оригинальнымъ характеромъ. — Изъ подъ пера его выходятъ комедіи, рисующія въ противоположность прежнимъ, бытовымъ, *безпочвенные* слои общества. Таковы пьесы: „*Поздняя любовь*“, „*Невольницы*“. „*Трудовой хлѣбъ*“, *Бѣшеныя деньги*“, „*Волки и овцы*“, „*Безприданница*“, „*Сердце не камень*“, „*Не было ни гроша*

да вдругъ алтынъ" и т. д.; герои ихъ: частные адвокаты, учителя, крупные дѣльцы, раззорившіеся дворяне, мелкіе чиновники, мелкое купечество, мѣщане... Русское общество холодно встрѣтило всѣ подобныя піесы. Это объясняютъ обыкновенно блѣдностью въ нихъ очерковъ и красокъ; читатели и зрители помнили и помнятъ (говорятъ объяснители) первыя драмы Островскаго, гдѣ яркими и крупными чертами нарисованы яркіе типы... Но зачѣмъ винить поэта за слабость и блѣдность изображенія, когда блѣдна, плоска и безцвѣтна сама изображаемая имъ наша современная дѣйствительность! Поэтъ былъ только вѣренъ въ своихъ картинахъ правдѣ.

Да, съ другой стороны, въ самомъ ли дѣлѣ такъ блѣдны названныя пьесы?—Если всмотрѣться въ нихъ, то мы замѣтимъ чрезвычайно интересное и важное явленіе; это то, что на блѣдномъ, безцвѣтномъ фонѣ плоской сѣренькой жизни поэтъ рисуетъ намъ въ этихъ комедіяхъ крайнія проявленія добра и зла человѣческой души. Вѣрный своему высокому идеалу, онъ безтрепетно-смѣло изображаетъ самыя безнравственныя явленія жизни, и рядомъ съ этимъ — идеально-чистыя, безконечно-свѣтлыя личности. Таковы, напримѣръ, поэтическіе образы Вѣрочки въ „Шутникахъ", Агніи Кругловой въ сценахъ „Не все коту масляница"; таковы: умный, прямой и любящій учитель Корпѣловъ въ „Трудовомъ хлѣбѣ"; недалекій, но идеально-правдивый Платонъ (въ „Правда хорошо, а счастье лучше"), Ксенія Васильевна Кочуева, женщина „не отъ міра сего", не могущая примириться съ житейскою пошлостью, и другіе честные, чистые люди. И тутъ-же, вмѣстѣ съ этими лицами, отъ созерцанія которыхъ свѣтло становится на душѣ и на жизнь смотришь бодрѣе, поэтъ рисуетъ намъ такую грязь, такую засасывающую тину, отъ которыхъ за-

мретъ сердце и станетъ страшно за человѣка: мы присутствуемъ при позорномъ униженіи человѣческаго достоинства изъ-за денегъ, мы видимъ притворную нищету, мелкое мошенничество, крайнюю глупость. („Не было ни гроша...“); безстыдное стремленіе къ роскоши, готовность всѣмъ пожертвовать для пріобрѣтенія богатства („Бѣшеныя деньги“, „Волки и овцы“); наглое и циническое волокитство за честной дѣвушкой („Безприданница“); безстыдную клевету изъ разсчета („Сердце не камень“), и т. д. и т. д. — Нѣтъ, не безцвѣтны такія сочиненія, которыя, если только мы всмотримся и вдумаемся въ нихъ, не смущаясь кажущеюся блѣдностью ихъ типовъ, могутъ волновать, могутъ глубоко потрясать душу!

Среди комедій послѣдняго періода особенный интересъ возбуждаютъ піесы, изображающія театральный міръ (*„Лѣсъ“*, *„Таланты и поклонники“*, *„Безъ вины виноватые“*); присутствіе въ этомъ мірѣ искусства придаетъ его картинамъ яркую жизненную окраску. Въ этомъ мірѣ особенно оригинально встрѣчаются, сталкиваются противоположныя крайности, представители добра и зла, какъ напр. различные герои комедіи „Безъ вины виноватые“, или благородный трагикъ Несчастливцевъ и негодяй комикъ Счастливцевъ въ „Лѣсѣ“.

Вѣрнымъ изобразителемъ нашей скорбной эпохи, глубокимъ сердцевѣдцемъ является Островскій въ послѣднемъ періодѣ своей дѣятельности. Въ его комедіяхъ какъ въ зеркалѣ отразилось наше безцвѣтное, холодное прозябаніе, при которомъ такой просторъ всякимъ безсердечнымъ дѣльцамъ, хищникамъ, алчущимъ наживы, и всякимъ развратникамъ. Но великая слава и великая честь чистому сердцу поэта за то, что, онъ не утратилъ вѣры въ родную страну, за то, что, озаряя дѣйствительность свѣтомъ своего идеала, онъ въ этой сухой и

грязной дѣйствительности съумѣлъ увидѣть людей идеально прекрасныхъ, и вмѣсто отчаянія далъ намъ надежду, показалъ живыми образами своего творчества, что не угасъ свѣтъ Божій во мракѣ и хаосѣ нашей жизни.

Изобразитель народнаго быта, его оригинальныхъ чертъ и особенностей, писатель, смотрящій на міръ съ народной точки зрѣнія, спокойно и благодушно, Островскій въ послѣднихъ пьесахъ своихъ поднялся выше, ушелъ въ ту заоблачную высь, въ то царство идеаловъ, изъ котораго жизнь представляется не просто спокойнымъ ходомъ событій, а извѣчной борьбою добра и зла, борьбою человѣческаго духа и матерьяльныхъ стремленій, Божіей правды и дьявольской злобы.—То-же глубокое проникновеніе въ тайну жизни мы видимъ и у Тургенева, въ послѣдніе его годы. Тургеневъ также всей душой своей стоялъ на сторонѣ добра. Но, поэтъ страсти, сомнѣнія и огненныхъ увлеченій, не обладавшій гармоническимъ равновѣсіемъ душевныхъ силъ, онъ не могъ, какъ Островскій, спокойно, повѣрить побѣдѣ правды надъ ложью, духа надъ грубыми матерьяльными порывами.— У Островскаго не было столько огня какъ у Пушкина, какъ у Тургенева, но — благодушная и спокойная — его поэзія успокоиваетъ душу, даетъ твердую устойчивость, нужную каждому изъ насъ въ каждому предстоящей великой жизненной драмѣ.

Сблизиться душою съ народомъ—значитъ встать на твердую почву. Народный поэтъ въ высочайшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, Островскій ведетъ насъ къ народу. Но онъ не останавливается, однако, на его непосредственной жизни,—а указываетъ на его твердые нравственные устои лишь какъ на ту почву, опираясь на которую можно идти дальше въ человѣческомъ развитіи, въ вѣчномъ стремленіи души къ идеалу.

ГЛАВА II.

„Семейная картина“. — „Свои люди — сочтемся“.

Островскій — поэтъ народа и народныхъ началъ.... Отчего-же онъ, въ своемъ творчествѣ, не остановился на изображеніи народа въ тѣсномъ смыслѣ слова, народной массы, крестьянства? отчего бытъ, выведенный имъ въ первыхъ пьесахъ на театральную сцену,—бытъ міра купеческаго?

На этотъ вопросъ можетъ быть два отвѣта. Одинъ уже данъ Апол. Григорьевымъ: въ нашемъ купеческомъ мірѣ, говоритъ критикъ поэта,

„цѣльнѣе удерживаются и яснѣе обозначаются типы общей, родовой національности, которой существенныя, коренныя черты одинаково общи всѣмъ слоямъ народа“ *).

Къ этому онъ прибавляетъ, что рѣзкое и опредѣленное выраженіе народныхъ стихій въ ихъ добрѣ и злѣ нашло себѣ мѣсто преимущественно въ купеческомъ бытѣ потому, что этимъ стихіямъ пришлось здѣсь столкнуться съ бытомъ другимъ, съ другими типами, понятіями, идеями, развившимися у насъ на Руси подъ иностранными вліяніями.

Другой отвѣтъ на вопросъ вытекаетъ изъ психологическихъ соображеній, приведенныхъ выше: Островскій

*) Соч. Апол. Григорьева, Спб. 1876 г. т. I, 120.

поэтъ народности, но не въ ея первоначальномъ выраженіи въ простонародныхъ массахъ, а въ томъ ея видѣ, въ какомъ она проявляется въ жизни нашего общества, не только въ столкновеніи, но уже и въ сліяніи съ началами иными, съ началами личнаго развитія.

Правда, эти личныя начала не заключаются въ типахъ собственно-купеческаго міра; но этотъ міръ, народный по-преимуществу, столкнувшись въ нашей общественной жизни съ мірами иными, не только ярче выказалъ свои особенности, а и самъ подвергся измѣненіямъ: въ народной стихіи, какъ отличающейся именно полнотою и многосторонностью, заключены всѣ элементы духовной жизни, хотя и не въ ихъ обособленномъ, энергическомъ и страстномъ проявленіи, однако съ возможностью такого проявленія; и вотъ, подъ вліяніями иныхъ типовъ и иной жизни, въ купеческомъ мірѣ, изображаемомъ Островскимъ, начинаютъ развиваться эти стихіи духа и проявляться съ страстной энергіей въ такихъ, напр., личностяхъ, какъ Левъ Красновъ, Катерина („Грозы“), Любимъ Торцовъ...

Вотъ почему народный поэтъ нашего вѣка остановился первоначально на купеческомъ бытѣ.

Во всѣхъ, или почти во всѣхъ, бытовыхъ піесахъ Островскаго кромѣ купцовъ есть и лица другихъ сословій, состоящія съ первыми въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ. Могутъ возразить, что эти лица другихъ сословій — все почти люди стоящіе на очень низкомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія: неужели народная жизнь могла подвергнуться измѣненіямъ подъ вліяніемъ выгнанныхъ со службы пьяныхъ чиновниковъ Рисположенскихъ, или прокутившихся отставныхъ кавалеристовъ Вихоревыхъ?—Въ подобномъ возраженіи есть большая доля правды... но именно только доля, — ибо

купцы Островскаго встрѣчаются, кромѣ Ризположенскихъ, Перцовыхъ, Вихоревыхъ и т. п. людей, еще съ Досужевыми, Ивановыми. Титъ Титычъ Брусковъ (въ комедіи „Въ чужомъ пиру похмѣлье") сталъ благоговѣйно уважать учителя Иванова, когда понялъ его благородство. Дикіе и Кабанихи въ своемъ собственномъ кругу встрѣчаютъ самоучекъ Кулигиныхъ, которыхъ живо коснулось вѣяніе науки и литературы: съ жаромъ занимаясь механикой, Кулигинъ къ обстоятельствамъ жизни примѣняетъ стихи Ломоносова и Державина.

Критики, желающіе видѣть въ Островскомъ сатирика, обличителя „темнаго царства", могутъ съ нѣкоторымъ, повидимому, правомъ указывать на „Семейную картину" и комедію „Свои люди — сочтемся", пьесы, которыми поэтъ началъ свою дѣятельность: здѣсь, дѣйствительно, являются передъ нами люди умственно и нравственно темные, самодуры и плуты.... Но отношеніе Островскаго къ нимъ, къ этимъ темнымъ героямъ, особенное и оригинальное: поэтъ рисуетъ ихъ совсѣмъ спокойно и безпристрастно; онъ выставляетъ на всенародныя очи, на позоръ ихъ темныя черты, всю со дна душъ ихъ поднятую мерзость; но онъ же подмѣчаетъ въ нихъ и слѣды добрыхъ свойствъ. Замѣчателенъ юморъ Островскаго: въ немъ нѣтъ страстнаго негодованія, но отъ поэта не укроется ни одна комическая черта человѣка, онъ заставитъ насъ посмѣяться здоровымъ смѣхомъ надо всѣмъ, что смѣшно и порочно. И особую бодрость вливаетъ въ душу этотъ совершенно спокойный смѣхъ: его спокойствіе и самоувѣренность ручаются за его могущество, за крѣпость нравственнаго идеала поэта, за его вѣру, что порокъ не есть самъ по себѣ сила и что передъ нимъ нечего смущаться.

Первая піеса Островскаго — „*Семейная картина*". Произведеніе это есть уже зрѣлое художественное созданіе: въ немъ передъ нами живыя лица. Но талантъ Островскаго еще не развернулся здѣсь въ полной силѣ; мы еще не видимъ въ этихъ сценахъ истинныхъ отношеній поэта къ избранному имъ для художественнаго воспроизведенія быту. — Островскій въ „Семейной картинѣ" стоитъ на границѣ сатиры: онъ рисуетъ почти только темныя черты своихъ героевъ.

Передъ нами купецъ самодуръ — Антипъ Антипычъ Пузатовъ. — „Не обманешь—не продашь"—девизъ его торговли. Съ простодушнымъ спокойствіемъ сообщаетъ онъ матери, между прочимъ, въ разговорѣ: „А я нынче, матушка, Брюхова-то рублевъ на тысячу оплелъ" *).— „Ужь гдѣ тебѣ, дитятко! Самого-то, чай, кругомъ обманываютъ", замѣчаетъ на это болѣющая объ немъ сердцемъ мать.—Впрочемъ Пузатовъ знаетъ и совѣсть (по-своему): онъ осуждаетъ старика Ширялова, находя, что тотъ „ужь больно плутъ".

„Что говорить! (разсуждаетъ онъ). Отчего не надуть пріятеля, коли рука подойдетъ. Ничего. Можно. Да ужь, матушка, иногда и совѣсть зазритъ. (Чешетъ затылокъ). Право слово! И смертный часъ вспомнишь (Молчаніе). Я и самъ, коли гдѣ трафится, такъ не хуже его мину-то подведу. Да, вѣдь, я и скажу потомъ: вотъ, молъ, я тебя такъ и такъ, помазалъ маненько. Вотъ въ прошломъ году Савву Саввича, при разсчетѣ, рубликовъ на пятьсотъ поддѣлъ. Да, вѣдь, я послѣ сказалъ ему: вотъ, молъ, Савва Саввичъ, промигалъ ты полтысячки, да ужь теперь, братъ, поздно, говорю, а ты, молъ. не зѣвай. Посердился немножко, да и опять пріятели. Что за важность!.." (Соч. I т. 11 стр.).

Дѣло такое простое, обычное и пріятельское, что

*) Сочиненія Островскаго, изд. Н. Г. Мартынова, т. I, 1885 г., стр. 5.—Дальнѣйшія ссылки будутъ на то-же изданіе.

сами надуваемые не сердятся на надувателей и безъ всякой злобы отплатятъ имъ тѣмъ-же. — Антипъ Антипычъ находитъ даже своего рода юморъ, удовольствіе и увеселеніе въ обманѣ. „Вотъ смѣху-то было!“ говоритъ онъ про нѣмца-купца Карла Иваныча, котораго онъ „рубликовъ на триста погрѣлъ“, не додавъ ихъ за забранные Матреной Савишной наряды. Почти художественно повѣствуетъ Антипъ Антипычъ, какъ „взбѣленился нѣмецъ“ и заявилъ:

Такъ, говоритъ, русскій купецъ дѣлаетъ, нѣмецъ никогда; я, говоритъ, въ судъ пойду. Вотъ и толкуй съ нимъ, словно больной съ подлекаремъ! (Смѣются). Поди, я говорю, — немного возьмешь! (I, 12).

На судѣ Антипъ Антипычъ, человѣкъ крѣпкій въ своихъ правилахъ, преспокойно отперся отъ долга, не обезпеченнаго векселемъ.

Ужь что съ этимъ нѣмцемъ (продолжаетъ онъ свое повѣствованіе) смѣху было — бѣда! Такъ и таращится: это, говоритъ, безчестно! А я ему послѣ-то и говорю: я бы тебѣ и отдалъ Карлъ Иванычъ, да деньги, говорю, братъ, нужны. Наши-то рядскіе животики надорвали со смѣху. (Смѣются). А то все ему отдать? да за что это? Нѣтъ, ужь опосля честь будетъ.

Жену Пузатовъ любитъ (по-своему, какъ онъ понимаетъ чувство любви). „Что-жь, ничего, пусть щеголяетъ!“ говоритъ онъ по поводу накупленныхъ Матреной Савишной тысячи на двѣ нарядовъ.

„Отчего-жь и не нарядиться, коли есть во что? Ничего. Можно. Что за важность! — Да она у меня (хвалитъ онъ жену), какъ разрядится-то, такъ лучше всякой барыни, вальяжнѣе, ей Богу! Вѣдь тѣ все мелочь; съ позволенія сказать — взглянуть не на что нашему брату. А она-то у меня таки — тово.... То-есть, я... насчетъ тѣлеснаго сложенія. Ну, и все такое!

Ужь ты, Антипъ Антипычъ, заврался, кажется (скромно замѣчаетъ скромная Матрена Савишна).

И въ любви жены къ себѣ Антипъ Антипычъ увѣренъ:

„Чтобъ она меня, молодца такого, да промѣняла на кого-нибудь, красавца-то этакого!“

говоритъ онъ матери въ отвѣтъ на ея подозрѣніе, что наряды приведутъ Матрену Савишну къ мечтамъ, что мужъ-то у нея

„пузатый да бородастый такой, а не фертикъ дескать какой-нибудь раздушенный да распомаженный!“

„Ну-ка, Матрена Савишна, поцалуйте-съ!“

спокойно обращается онъ къ женѣ.

Заходитъ рѣчь о замужествѣ Марьи Антиповны. „То-ли дѣло, Маша, купецъ-то хорошій,“ говоритъ мать.

„Знаешь-ли, Маша (добавляетъ Антипъ Антипычъ), гладкій да румяный, вотъ какъ я. Ужь и любить-то есть кого, не то что — стракулистъ чахлый. Такъ-ли, Маша, а? (10).

Антипъ Антипычъ — простодушное животное, и на чувство смотритъ по-животному.

Такъ-же смотритъ на это и жена его Матрена Савишна. Она и золовка ея, Марья Антиповна, молоденькая дѣвушка 20 лѣтъ, завели себѣ обожателей изъ бѣдненькихъ мелкихъ чиновниковъ — Ивана Петровича и Василія Гаврилыча — и тайно ѣздятъ съ ними въ Останкино да въ Марьину рощу, захвативши съ собою мадеры и съѣстныхъ благъ. Иванъ Петровичъ мечтаетъ и о благахъ болѣе существенныхъ:

„съ чиновникомъ [говоритъ ему Василій Гаврилычъ] все можетъ случиться... зима... ну и шуба енотовая. Какъ ни-на-есть...“ (3).

Самъ Василій Гаврилычъ — въ положеніи худшемъ: онъ бы очень не прочь жениться на Марьѣ Антиповнѣ, но убѣжденъ, что это слишкомъ трудно: „не съ нашимъ рыломъ да въ калачный рядъ“, говоритъ онъ, „того-и-гляди, что за бородача за какого-нибудь выдадутъ.“ На счастье Матрены Савишны и Марьи Антиповны

обожатели ихъ оказываются не столько ловеласами, сколько бѣдняками, желающими покормиться насчетъ чужаго „баловства“.—Марья Антиповна, впрочемъ, не сознаетъ всего ужаса подобныхъ свиданій, всей грязи ихъ; и у нея даже, по молодости лѣтъ, еще сохранились кое-какія юношескія идеальныя мечты: посылая, вмѣстѣ съ невѣсткой, служанку къ молодымъ людямъ условливаться о свиданіи, она велитъ имъ сказать:

„что принесите, молъ, какихъ-нибудь книжекъ почитать; дескать, барышня проситъ.“ (3).

Это, однако, не мѣшаетъ ей высматривать въ окно проѣзжающихъ офицеровъ.

„Сестрица! сестрица! (кричитъ она) офицеръ ѣдетъ!... поскорѣй, сестрица!... съ бѣлымъ перомъ! (1).

Матрена Савишна бросается по этому призыву къ окну и отъ души, съ восторгомъ восклицаетъ: „Какой хорошенькій!“ Но тутъ-же, по опытности своей, предостерегаетъ золовку, что не надо офицера „пріучать“ ѣздить подъ окнами:

„Ужь я этихъ военныхъ-то знаю. Вонъ Анна Марковна пріучила гусара: онъ ѣздитъ мимо, а она поглядываетъ да улыбается. Что-жь, сударыня моя: онъ въ сѣни верхомъ и въѣхалъ.“ (I, 2).

Скромная и опытная Матрена Савишна умѣетъ провести мужа, притворно приласкавшись къ нему во-время, да пользуясь увѣренностью его въ неотразимой красотѣ своей упитанной фигуры. Но иногда она его и побаивается, тѣмъ болѣе, что онъ самодуръ не изъ послѣднихъ и любитъ иной разъ потѣшиться страхомъ домашнихъ. Ни съ того, ни съ другаго, сидя на диванѣ въ ожиданіи чая, онъ вдругъ грозно кричитъ, ударяя кулакомъ по столу:

Жена! поди сюда!... поди сюда, говорятъ тебѣ!

— Да что ты, очумѣлъ, что-ли?

Что я съ тобой исдѣлаю!

— Да что съ тобой, Антипъ Антипычъ? — (робко спрашиваетъ Матрена Савишна).

А! испугалась! (смѣется онъ). Нѣтъ, Матрена Савишна, это я такъ, — шутки шучу.

Впрочемъ, онъ серьезно-то не притѣсняетъ жену,— не даромъ его мать, Степанида Трофимовна, недовольна семейной жизнью сына:

Мы съ покойникомъ жили не вамъ чета (поучаетъ она Антипа Антипыча); гораздо-таки полюбовнѣе, да все-таки онъ меня въ страхѣ держалъ, царство ему небесное! Какъ ни любилъ, какъ ни голубилъ, а въ спальнѣ на гвоздикѣ плетка висѣла про всякій случай. (I, 7).

Степанида Трофимовна — женщина такихъ-же воззрѣній, какъ и ея сынокъ: плутни въ торговлѣ считаетъ она дѣломъ вполнѣ естественнымъ и хорошимъ; нравъ у нея грубый, и она сама хвалится, что отъ 7 собакъ отгрызется. Но въ ея душѣ сохранились кое-какія преданія лучшей жизни: мы видѣли, что она полюбовно жила съ мужемъ; она недовольна праздностью сына:

торговлей не занимаешься (говоритъ она ему). Ужь какая это Антипушка, торговля! съ утра до вечера въ трактирѣ сидите, брюхо наливаете. Охъ, никакого-то, какъ посмотрю я, у васъ порядку нѣту. (I, 5).

У нея проявляется порою здравый взглядъ на жизнь: она подсмѣивается надъ выходомъ купчихъ замужъ за благородныхъ: „не садись не въ свои сани,“ говоритъ она.

Ужь будто, матушка, промежду благородныхъ-то и путныхъ нѣтъ совсѣмъ? Нѣтъ, что-жъ, бываютъ. (Смѣется Антипъ Антипычъ).

Какъ, батюшка, не быть: во всякомъ сословіи есть (возражаетъ она). Да ужь всякому свое. Отцы-то наши не хуже насъ были, да въ дворяне не лѣзли.... Эхъ, голубчикъ! хорошій-то который,

постепеннѣе, не возьметъ: тому надо мало-мало сотню тысячъ, а то двѣ, либо три: ну, а другіе, такъ хоть-бы ихъ и не было совсѣмъ. Только-что чванится собой да благородствомъ своимъ похваляется: „я-де благородный, а вы мужики"; а самъ-то вѣдь голь какая-нибудь, такъ, выжига, прости Господи! Знаю я ихъ". (I, 9).

И она права, конечно: Василіи Гаврилычи и Иваны Петровичи, Вихоревы и Баранчевскіе (въ „Саняхъ") и другіе прогулявшіеся дворяне, ищущіе богатыхъ невѣстъ-купчихъ,—въ самомъ дѣлѣ голь и выжига.

Но вотъ и все доброе, что мы видимъ въ Степанидѣ Трофимовнѣ и вообще въ лицахъ первой піесы Островскаго. Въ спокойныхъ и рельефно-художественныхъ образахъ ея передъ нами рисуется озаренная, осмѣянная здоровымъ, спокойнымъ юморомъ, животненная жизнь ожирѣвшихъ отъ праздности и довольства людей. Комедія оканчивается позорнымъ сватовствомъ сластолюбиваго старика-плута купца Ширялова за Марью Антиповну: Антипъ Антипычъ—не прочь выдать сестру за человѣка, про котораго самъ отзывался: „ужь больно плутъ"; не прочь будетъ сдѣлаться женой Ширялова и сама Марья Антиповна, уже въ дѣвушкахъ научившаяся обманывать и заводить интриги. Да и мать будетъ согласна на этотъ бракъ.

„Что-жь, мы съ нашимъ удовольствіемъ! Ничего, можно-съ! (эффектно оканчиваетъ піесу Антипъ Антипычъ). Только, Парамонъ Ферапонтычъ, насчетъ приданаго-то кто кого обманетъ — дѣло темное-съ! Мы тоже съ матушкой-то на свою руку охулки не положимъ! (I, 22).

Гораздо выше поднялся поэтъ въ художественной силѣ изображенія жизни и въ широтѣ взгляда на нее во второй своей комедіи: „*Свои люди — сочтемся*". — Здѣсь купеческій быть представленъ въ его соприкосно-

веніи, во 1-хъ, съ внѣшней и ложной стороной образованной жизни; во 2-хъ, съ мелкимъ чиновничествомъ, промышляющимъ плутнями. Народный бытъ сопоставленъ съ вліяющими на него и разлагающими его подонками цивилизаціи.

Прямо противоположны другъ другу двѣ женскихъ личности комедіи—мать и дочь, Аграфена Кондратьевна и Олимпіада Самсоновна, или Липочка. Первая — глуповатая, но добрая старуха, живущая, думающая и чувствующая по-старинѣ; вторая — по-модному образованная, умѣющая танцовать, знающая двѣ-три французскихъ фразы, „подражающая всякой модѣ“ купеческая барышня на новый ладъ.

Середину между ними, представительницами стараго и новаго въ жизни, занимаютъ Самсонъ Силычъ Большовъ и Лазарь Елизарычъ Подхалюзинъ. Первый тяготѣетъ больше къ старинѣ, второй—къ новизнѣ и модному образованію.

Яркими комическими чертами обрисовалъ поэтъ Липочку Большову.

„Какое пріятное занятіе эти танцы! Вѣдь ужь какъ хорошо! Что можетъ быть восхитительнѣе?“ (I, 23)

разсуждаетъ она сама съ собою, мечтая о томъ главномъ знаніи, которое она усвоила изъ европейской цивилизаціи, учась въ пансіонѣ. И не даромъ поэтъ началъ очеркъ своей героини съ этого знанія: не она одна, а и дѣвушки умнѣе ея, дѣвушки образованнаго общества, донынѣ пребываютъ въ упоеніи отъ танцевъ.

То-ли дѣло отличаться съ военными! (продолжаетъ Липочка). Ахъ, прелесть! восхищеніе! И усы, и эполеты, и мундиръ, а у иныхъ даже шпоры съ колокольчиками. Одно убійственно, что сабли нѣтъ! И для чего они ее отвязываютъ? Странно, ей Богу! Сами не понимаютъ, какъ блеснуть очаровательнѣе! (24).

Считая себя просвѣщенной, Липочка свободна отъ „предразсудковъ“:

Отчего это не учиться танцовать! Это одно только суевѣріе! (говоритъ она). Вотъ, маменька, бывало, сердится, что учитель все за колѣнки хватаетъ. Все это отъ необразованія! Что за важность! Онъ танцмейстеръ, а не кто-нибудь другой.

И не только отъ подобнаго „предразсудка“, Липочка свободна и отъ всѣхъ другихъ предразсудковъ и „суевѣрій“, къ числу которыхъ она относитъ: стыдъ, уваженіе и любовь къ родителямъ, человѣколюбіе и т. п. устарѣлыя (по ея мнѣнію) чувства и понятія.

Невѣжественная Марья Антиповна въ „Семейной картинѣ“ еще не утратила стыда: когда братъ начинаетъ разъяснять ей, что гораздо пріятнѣе выдти за купца, чѣмъ за благороднаго,—„вѣдь купецъ лучше, а? (говоритъ Антипъ Антипычъ)... ужь и приласкать есть кого“,—она убѣгаетъ;

„Стыдно стало, Антипушка: дѣло дѣвичье“ (поясняетъ мать).

Олимпіадѣ Самсоновнѣ стыдно не станетъ; она находитъ, что стыдиться стыдно.

Мнѣ мужа надобно! (кричитъ она матери). Что это такое! Страмъ встрѣчаться съ знакомыми: въ цѣлой Москвѣ не могли выбрать жениха—все другимъ да другимъ. Кого не задѣнетъ за живое: всѣ подруги съ мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вотъ одинъ, такъ и тому отказали. Слышите, найдите мнѣ жениха, безпремѣнно найдите!... Впередъ вамъ говорю, безпремѣнно сыщите, а то для васъ же будетъ хуже: нарочно, вамъ на зло, по секрету заведу обожателя, съ гусаромъ убѣгу, да и обвѣнчаемся потихоньку.

„Какіе у тебя тамъ гусары, безстыжій твой носъ! Тьфу ты, дьявольское навожденіе!“ (кричитъ на нее мать). (27).

Зная нравъ и наклонности своей барышни, Ѳоминишна простодушно грубо проситъ сваху:

Ужь порѣши ты ея нужду, Устинья Наумовна! Ишь ты, дѣвка-то измаялась совсѣмъ; да вѣдь ужь и время, матушка....... Я по тринадцатому году замужъ шла, а ей вотъ черезъ мѣсяцъ девятнадцатый годокъ минетъ. Что томить-то ее понапрасну! Другія въ ея пору давно ужъ дѣтей повывели. То-то, мать моя, что-жь ее томить-то! (57).

На окрики, на наставленія, точно такъ-же какъ и на ласки матери Липочка не обращаетъ никакого вниманія.

„Только и ладите, что отца да отца (говоритъ она матери, сознающей, что не можетъ сладить съ дочкой); бойки вы при немъ разговаривать-то, а попробуйте-ка сами!"

„Ужь молчали-бы лучше, коли не такъ воспитаны (прибавляетъ она въ дальнѣйшемъ теченіи разговора). Все я скверна, а сами-то вы каковы послѣ этого? Что, вамъ угодно спровадить меня на тотъ свѣтъ прежде времени? извести своими капризами! (Плачетъ). Что-же, пожалуй, я ужь и такъ, какъ муха какая, кашляю! (Плачетъ). (27 — 28).

Точно также не уважаетъ Липочка и отца: „вамъ съ тятенькой только кляузы строить, да тиранничать", говоритъ она матери по поводу отказа жениху-вертопраху изъ благородныхъ.—Принаряженная для жениха (въ 3 актѣ комедіи), Липочка и нарядомъ своимъ, и тѣмъ, что становится невѣстой, растрогиваетъ сердце матери Аграфена Кондратьевна начинаетъ ласкать ее (правда, очень комически), приговаривать:

„Присядь, Липочка, присядь, душечка, ненаглядная моя сокровища!"

а та огрызается:

Ахъ, отстаньте, маменька! измяли совсѣмъ.

— Ну, такъ я на тебя издальки посмотрю!

Пожалуй, смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одѣться порядочно: „вы тотчасъ разчувствоваетесь". (73)-

Сначала негодуя на Подхалюзина, какъ онъ, прикащикъ и необразованный, „мужикъ“, смѣетъ свататься за нее, Липочка очень скоро примиряется съ нимъ, когда тотъ съумѣлъ понять ея вкусы и практически разъяснить ей, что она будетъ жить за нимъ въ свое удовольствіе. И примирившись, она сейчасъ-же начинаетъ жаловаться ему на родителей. Особенно комично ея негодующее восклицаніе, когда Подхалюзинъ сообщилъ ей, что денегъ у Самсона Силыча нѣтъ:

Что-жь это такое со мной дѣлаютъ? Воспитывали, воспитывали, потомъ и обанкрутились!

Наивный взрывъ беззастѣнчиваго и чисто животнаго эгоизма!

Безсердечіе Олимпіады Самсоновны выразилось въ концѣ комедіи въ отношеніяхъ къ посаженному въ долговое отдѣленіе отцу. — Когда Большовъ, отпущенный на-время изъ „ямы“, посѣтилъ зятя и дочку, Аграфена Кондратьевна расплакалась надъ нимъ.

„Что это вы, маменька, точно по покойникѣ плачете! Не Богъ знаетъ что случилось“ (77).

оговорила ее образованная дочка. — А когда Большовъ сталъ уговаривать Подхалюзина заплатить кредиторамъ, она грубо и рѣзко обратилась къ отцу со словами:

Я у васъ, тятенька, до 20 лѣтъ жила—свѣта не видала. Что-жь мнѣ прикажете отдать вамъ деньги, да самой опять въ ситцевыхъ платьяхъ ходить?

а потомъ пытается закончить разговоръ о деньгахъ рѣшительнымъ заявленіемъ:

Мы, тятенька, сказали вамъ, что больше 10 копѣекъ дать не можемъ—и толковать объ этомъ нечего. (101).

Мужъ ея, Лазарь Подхалюзинъ, оказывается гораздо мягче ея сердцемъ и человѣколюбивѣе.

Аграфена Кондратьевна — прямо противоположна своей дочкѣ. Это женщина глупая и смѣшная, но добрая и сердечная.

Она грозитъ Липочкѣ, что пошлетъ ее на кухню горшки парить, что нажалуется отцу за то, что та пляшетъ, „озарничаетъ“ ногами „ни свѣтъ, ни заря, не поѣмши хлѣба Божьяго“, да грубитъ матери; но угрозы эти—только желаніе соблюсти форму, поддержать хоть внѣшнимъ образомъ родительскій авторитетъ; на самомъ дѣлѣ ей жаль дочку,—жаль и потому что жениха до сихъ поръ нѣтъ, и потому даже, что Липочка устала, кружившись по комнатѣ; когда Липочка расплакалась, Аграфена Кондратьевна плачетъ тоже, сама-не-своя отъ огорченія, и смиренно говоритъ дочкѣ:

Липочка! Липа! Ну, будетъ! ну, перестань! (Сквозь слезы) Ну, не сердись ты на меня... (плачетъ)... бабу глупую... неученую... Ну, прости ты меня... сережки куплю...

Мы видѣли уже комизмъ сцены, гдѣ Аграфена Кондратьевна рыдаетъ надъ разряженной дочкой, потому что ждутъ жениха; теперь прибавимъ, что сцена эта, комичная съ одной стороны, съ другой стороны—трогательна; особенно замѣчательно ея чисто эпическое окончаніе: причитанія Аграфены Кондратьевны почти переходятъ въ народную пѣсню:

ростили, ростили, да и выростили—да ни съ того, ни съ сего въ чужіе люди отдаемъ, словно ты надоѣла намъ да наскучила глупымъ малымъ ребячествомъ, своимъ кроткимъ поведеніемъ. Вотъ, выживемъ тебя изъ дому, словно ворога изъ города, а тамъ схватимся да спохватимся, да и негдѣ взять. Посудите, люди добрые, каково жить въ чужой дальней сторонѣ, чужимъ кускомъ давишься, кулакомъ слезы утираючи! Да, помилуй Богъ, неровнюшка выйдется, не ровенъ дуракъ навяжется, аль дуракъ какой—дурацкій сынъ! (Плачетъ).

А объ чемъ бы ты это, слышно, разрюмилась? (спрашиваетъ Большовъ). Вотъ спросить тебя, такъ и сама не знаешь.

„Не знаю, батюшка, охъ, не знаю; такой стихъ нашелъ“ (сознается она).

То-то вотъ сдуру. Слезы у васъ дешевы.

„Охъ, дешевы, батюшка, дешевы! и сама знаю, что дешевы, да что-жъ дѣлать-то? (74).

Добрая и смиренная, Аграфена Кондратьевна способна, однако, упрекать мужа въ глаза, если заподозритъ въ немъ недостатокъ любви къ дочери. Но обыкновенно она преклоняется передъ нимъ и уважаетъ его авторитетъ. Когда Олимпіада Самсоновна согласилась на бракъ съ Подхалюзинымъ, Аграфена Кондратьевна начавшая было безпокоиться о судьбѣ своего дѣтища, успокоилась и обрадовалась:

„Ахъ, ненаглядная ты моя!“.

восклицаетъ она, и тутъ-же прибавляетъ:

„Вотъ то-то-же, дурочка! Ужъ отецъ тебѣ худа не пожелаетъ. (87—88).

Когда Самсона Силыча посадили въ яму. Аграфена Кондратьевна „вся измаялась“ (по ея выраженію) въ тоскѣ по немъ, Она его любитъ, искренно и нелицемѣрно. „Голубчикъ ты мой, Самсонъ Силычъ, золотой ты мой!“ (причитаетъ она, когда Большовъ зашелъ къ зятю изъ „ямы“). „Оставилъ ты меня сиротой на старости лѣтъ!“ Живя у зятя и у безсердечной дочки, завися отъ нихъ, она не боится и не задумывается въ глаза упрекать ихъ и проклинать за мужа:

„Варваръ ты, варваръ! (говоритъ она Лазарю, отказывающемуся платить кредиторамъ 25 процентовъ). Разбойникъ ты этакой! Нѣтъ тебѣ моего благословенія! Изсохнешь вѣдь и съ деньгами-то, изсохнешь, не доживя вѣку. Разбойникъ ты этакой, разбойникъ!“ (102).

Самсона Силыча *Большова* обыкновенно считаютъ однимъ изъ наиболѣе типичныхъ самодуровъ; но едва-ли это вполнѣ вѣрно. Самодуръ онъ, конечно, несомнѣнный; но это далеко не то, что Гордѣй Карпычъ Торцовъ, или Титъ Титычъ, или (тѣмъ болѣе) Дикой.—Онъ способенъ и самовольствовать надъ домашними, и объявиться по капризу несостоятельнымъ должникомъ; но у него это дѣлается не такъ-то легко и не совсѣмъ безъ удержу и разсужденія.

Изъ словъ и дѣйствій лицъ, окружающихъ Большова, мы знаемъ, что онъ бываетъ буенъ во хмѣлю.

„Ужь мы отъ него страсти-то видали! (повѣтствуетъ Ѳоминишна свахѣ Устиньѣ Наумовнѣ). Вотъ на прошлой недѣлѣ ночью пьяный пріѣхалъ: развоевался такъ, что нà поди. Страсти, да и только! Посуду колотитъ... „У!“ говоритъ, „такія вы и этакія убью сразу!“

Почудилось домашнимъ, что онъ пріѣхалъ выпивши, и всѣ забѣгали въ страхѣ, и двери отъ него запираютъ, и черезъ запертыя двери кротко уговариваютъ его: „поди, батюшка, поди, усни, Христосъ съ тобой!“—Высказываемые имъ самимъ взгляды на семейныя отношенія—взгляды дикіе. Когда Подхалюзинъ выражаетъ сомнѣніе—захочетъ ли на него и глядѣть-то Олимпіада Самсоновна, Большовъ возражаетъ:

Важное дѣло! Не плясать же мнѣ по ея дудочкѣ на старости лѣтъ. За кого велю, за того и пойдетъ. Мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю. Ты со мной-то толкуй (70).

Когда Олимпіада Самсоновна отказывается сѣсть рядомъ съ предназначаемымъ ей въ женихи Подхалюзинымъ онъ говоритъ дочери:

А не сядешь, такъ насильно посажу, да заставлю жеманиться... Молчи, лучше! Велю такъ и за дворника выйдешь. (81).

„Захотѣлъ выдать дочь за прикащика (прибавляетъ онъ, обращаясь къ женѣ),—и поставлю на своемъ, и разговаривать не смѣй; я и знать никого не хочу. (82).

Жену онъ ставитъ ни-во-что и находитъ лишнимъ спрашивать ея согласія или мнѣнія въ дѣлѣ замужества дочери: „знай сверчокъ свой шестокъ"! Не твое дѣло!" кричитъ онъ на Аграфену Кондратьевну, вздумавшую было возражать на его приказъ дочери, на его слова: „На что-жь я и отецъ, коли не приказывать? Даромъ что-ли я ее кормилъ?"

Но, буйный въ минуты загуловъ, онъ вовсе не таковъ въ другое время, въ обычномъ теченіи жизни; и жена и дочь вовсе передъ нимъ не безмолвны: дочь преспокойно, только немножко конфузясь, проситъ его, чтобы онъ нашелъ ей жениха изъ военныхъ; а жена упрекаетъ его за недостатокъ любви къ дѣтищу, и упрекаетъ словами довольно рѣзкими. Эта сцена упрековъ такъ характерна, такъ обрисовываетъ и самого Большова съ его презрѣніемъ къ женскому полу и въ то-же время съ любовью къ дочери, что ее слѣдуетъ припомнить:

Аграфена Кондратьевна. Да приголубь ребенка-то, что какъ медвѣдь бурчишь!

Большовъ. А какъ мнѣ еще приголубливать-то? Ручки что-ль лизать, въ ножки кланяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднѣе.

Агр. Кондр. Да ты что видалъ-то? Такъ что-нибудь. А вѣдь это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человѣкъ!

Большовъ. Что-жь, что дочь? Слава Богу, обута, одѣта, накормлена; чего ей еще хочется?

Агр. Кондр. Чего хочется! Да ты, Самсонъ Силычъ, очумѣлъ что-ли? Накормлена! Мало-ли что накормлена! По христіанскому закону всякаго накормить слѣдствуетъ; и чужихъ призираютъ, не токма что своихъ—а вѣдь это и въ люди сказать грѣхъ: какъ ни на есть родная дѣтища!

Большовъ. Знаемъ, что родная, да чего-жь ей еще? Что ты мнѣ притчи эти растолковываешь? Не въ рамку же ее вдѣлать!. Понимаемъ, что отецъ.

Агр. Кондр. Да коли ужъ ты, батюшка, отецъ, такъ не будь свекоромъ! Пора, кажется, въ чувство придти: разставаться скоро приходится, а ты и добраго слова не вымолвишь; долженъ бы на пользу посовѣтовать что-нибудь такое житейское. Нѣтъ въ тебѣ никакого обычаю родительскаго!

Большовъ. А нѣтъ, такъ что-жь за бѣда; стало быть, такъ Богъ создалъ.

Агр. Кондр. Богъ создалъ! Да самъ-то ты что? Вѣдь и она, кажется, созданія божеская, али нѣтъ? Не животная какая-нибудь, прости Господь!... Да спроси у нея что-нибудь.

Большовъ. А что я за спросъ? Гусь свиньѣ не товарищъ: какъ хотите, такъ и дѣлайте.

Агр. Кондр. Да на дѣлѣ-то ужъ не спросимъ, — ты покедовато вотъ. Человѣкъ пріѣдетъ чужой-посторонній, все-таки, какъ хочешь примѣривай, а мужчина не женщина — въ первый-то разъ наѣдетъ, невидамши-то его.

Большовъ. Сказано, что отстань!

Агр. Кондр. Отецъ ты этакой, а еще родной называешься! Ахъ ты, дитятка моя заброшенная, стоишь словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились отъ тебя, да и знать не хотятъ. (I, 72—73).

По самодурству, также отчасти изъ лѣности, отчасти и самъ не зная почему, Большовъ задумываетъ объявиться несостоятельнымъ должникомъ. Впрочемъ, въ этомъ замыслѣ играетъ большую роль Рисположенскій, подзадоривающій Самсона Силыча, чтобы самому покормиться около этого дѣла, заработать копѣйку.

„То-то вотъ вы подлый народъ такой, кровопійцы какіе-то (говоритъ ему Большовъ): только-бъ вамъ пронюхать что-нибудь этакое, такъ ужь вы вьетесь тутъ съ вашимъ дьявольскимъ наущеніемъ.

Сысой Псоичъ возражаетъ на это, что онъ глупъ для наущеній, что Самсонъ Силычъ самъ, можетъ быть, въ

10 разъ его умнѣе, и т. д. Но Большовъ смотритъ (и справедливо) иначе:

То-то вотъ и бѣда (говоритъ онъ), что нашъ братъ купецъ дуракъ, ничего онъ не понимаетъ, а такимъ піявкамъ какъ ты это и на-руку. (40).

И въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ-же, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, Рисположенскій начинаетъ успокоивать Большова:

Что-же, Самсонъ Силычъ, не вы первый, не вы послѣдній; нешто другіе-то не дѣлаютъ.

Аргументъ весьма соблазнительный, и Большовъ на немъ начинаетъ строить оправданія передъ своею совѣстью. Совѣсть у него еще есть, и болѣе чуткая, чѣмъ у Рисположенскаго.

Какъ не дѣлать, братъ, и другіе дѣлаютъ (говоритъ онъ). Да еще какъ дѣлаютъ-то—безъ стыда, безъ совѣсти! На лежачихъ рессорахъ ѣздятъ, въ трехъ-этáжныхъ домахъ живутъ... Да еще и обманетъ-то кого: такъ бѣдняковъ какихъ-нибудь, пуститъ въ одной рубашкѣ по-міру. А у меня кредиторы всѣ люди богатые, что имъ сдѣлается! (40).

За первымъ самооправданіемъ слѣдуетъ рядъ другихъ, еще менѣе основательныхъ:

Тамъ что хошь говори, а у меня дочь невѣста (размышляетъ Большовъ), хоть сейчасъ изъ полы въ полу да со двора долой. Да и самому-то, братецъ ты мой, отдохнуть пора.

Въ слѣдующемъ затѣмъ разговорѣ съ Подхалюзинымъ объ обмѣриваніи покупателей Большовъ продолжаетъ нить своихъ размышленій:

Чай, братъ, знаешь, какъ нѣмцы въ магазинахъ нашихъ бар обираютъ. Положимъ, что мы не нѣмцы, а христіане православные, да тоже пироги-то съ начинкой ѣдимъ. Такъ-ли, а?

Затѣмъ слѣдуютъ соображенія, что все-равно портной украдетъ изъ купленнаго сукна, что „плохи нынче барыши:

не прежнія времена“ и т. д. и т. д. И Самсонъ Силычъ налаживаетъ себя на спокойную рѣшимость не платить кредиторамъ полностію да и все тутъ; имъ овладѣваетъ даже особаго рода самодурная и безчестная удаль, когда Лазарь совѣтуетъ вмѣсто 25 процентовъ совсѣмъ ничего не платить:

Этакъ-то лучше! (восклицаетъ онъ). Чорта-ли тамъ по грошамъ наживать! Махнулъ сразу, да и шабашъ. Только напусти Богъ смѣлости. Спасибо тебѣ, Лазарь, удружилъ! (I, 49).

Замѣчательно это циническое обращеніе къ Богу, и еще болѣе замѣчательна наглая иронія цинизма въ словахъ:

Тамъ послѣ суди Владыка на второмъ пришествіи! (I, 48).

И въ это самое время развитія въ душѣ подобныхъ мыслей и чувствъ Большовъ, по изумительной, почти тупоумной наивности, выражаетъ негодованіе на другихъ несостоятельныхъ должниковъ, о которыхъ только-что прочиталъ въ газетѣ:

И Богу-то угодить на чужой счетъ норовятъ (говоритъ онъ Лазарю). Ты, братъ, степенству-то этому не вѣрь! Этотъ народъ одной рукой крестится, а другой въ чужую пазуху лѣзетъ (45).

Рѣшившись на обманъ и успокоивъ свою совѣсть, Большовъ уже считаетъ себя правымъ, скрытыя деньги признаетъ своею неотъемлемою собственностью, и даже самодурно-наивно начинаетъ называть ихъ честно-нажитымъ своимъ добромъ. Просватавъ дочь за помогавшаго ему плутовать Лазаря, онъ впадаетъ въ чувство великодушія, и глупо растроганный, заявляетъ:

Да что тутъ разговаривать-то. На милость суда нѣтъ. Бери все, только насъ со старухой корми, да кредиторамъ заплати копѣекъ по десяти.

Интересно здѣсь наивное противорѣчіе, наивно-добродушная довѣрчивость и несообразительность: ввѣряя обманомъ нажитое плуту Лазарю, онъ и не думаетъ, что этотъ плутъ обманетъ и его. Нельзя не согласиться съ собственнымъ соображеніемъ Большова, что самодурство и глупость тѣсно между собою связаны.

Самсонъ Силычъ успокоилъ свою совѣсть; но не даромъ она все-таки еще была у него и долго его смущала въ задуманномъ дѣлѣ. Наткнувшись на большаго плута, чѣмъ самъ, посаженный въ „яму", онъ очнулся, очувствовался. Въ немъ проснулись и сердце, и разумъ. Другимъ человѣкомъ является онъ въ послѣднемъ актѣ комедіи. Ему людей стыдно и страшно передъ Божьимъ грозящимъ судомъ.

> А вы подумайте, каково мнѣ теперь въ яму-то идти (говоритъ онъ роднымъ). Что-же мнѣ зажмуриться что-ли? Мнѣ Ильинка-то теперь за сто верстъ покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинкѣ-то идти. Это все равно, что грѣшную душу дьяволы, прости Господи, по мытарствамъ тащатъ. А тамъ мимо Иверской: какъ мнѣ взглянуть-то на Нее, на Матушку?... Знаешь, Лазарь, Іуда, вѣдь онъ тоже Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ... А что ему за это было?... А тамъ Присутственныя мѣста, Уголовная палата... Вѣдь я злостный — умышленный... Вѣдь меня въ Сибирь сошлютъ. Господи!.. Коли такъ не дадите денегъ, дайте Христа-ради. (Плачетъ).

Эти слова возбуждаютъ сочувствіе къ Большову не только какъ къ страдающему человѣку, но и какъ къ человѣку, у котораго проснулась совѣсть. Добролюбовъ говоритъ, что это не такъ, что въ приведенномъ монологѣ Большова совсѣмъ нѣтъ самосознанія, что старикъ только боится Сибири да непріятно ему, что на него будутъ пальцами показывать; онъ ни одного слова не промолвилъ о людяхъ, пострадавшихъ отъ его обмана. Соображеніе критика на первый взглядъ кажется очень

основательнымъ; но въ-сущности оно невѣрно: мысль о пострадавшихъ подразумѣвается сама собою въ словахъ Большова: не только теперь, очнувшись, но и прежде, только что задумывая обманъ, Самсонъ Силычъ, какъ мы видѣли, успокаивалъ себя соображеніемъ, что кредиторы его—люди богатые, что онъ не бѣдняковъ какихъ-нибудь обманетъ.

Плутъ на старый ладъ, Большовъ въ комедіи стоитъ нравственно выше беззастѣнчиваго плута на ладъ новый—хватившаго верхушекъ образованія Лазаря Елизарыча *Подхалюзина*.

Подхалюзинъ съ дѣтства служитъ у Большова, и въ дѣтствѣ еще былъ замѣченъ, что на руку нечистъ; потомъ онъ въ совершенствѣ изучилъ искусство обмѣривать и обманывать покупателей. Сдѣлавшись старшимъ прикащикомъ, онъ старается, чтобы въ лавкѣ все было въ порядкѣ и „какъ слѣдуетъ", и учитъ торговать другихъ прикащиковъ:

Вы, говорю (даетъ онъ отчетъ хозяину о своихъ дѣйствіяхъ), ребята, не зѣвайте: видишь, чуть дѣло подходящее, покупатель что-ли тумакъ какой подвернулся, али цвѣтъ съ узоромъ какой барышнѣ понравился, взялъ, говорю, да и накинулъ рубль али два на аршинъ...

И мѣрить-то, говорю, надо тоже поестественнѣе: тяни да потягивай, только чтобъ, Боже сохрани, какъ не лопнуло: вѣдь не намъ, говорю, послѣ носить. Ну, а зазѣваются, такъ никто виноватъ, можно, говорю, и просто черезъ руку лишній разъ аршинъ шмыгнуть. (44).

Когда Самсонъ Силычъ задумалъ большую плутню, онъ въ Лазарѣ нашелъ не только помощника, но и сочувствующаго своему замыслу человѣка. Совѣсть у Подхалюзина болѣе сговорчивая,—и онъ подаетъ Большову совѣтъ, что коли платить кредиторамъ по 25%, то пристойнѣе совсѣмъ не платить.—Онъ притворяется передъ

хозяиномъ любящимъ его человѣкомъ, разыгрываетъ цѣлую комедію, со слезами и выраженіями своего смиренія; а на самомъ дѣлѣ задумываетъ устроить свою судьбу и свое счастье на почвѣ хозяйскаго обманнаго дѣла; онъ хочетъ, войдя въ довѣренность Большова и помогая ему, ставши ему необходимымъ и поставивъ его въ зависимость отъ себя, пріобрѣсти капиталъ и жениться на хозяйской дочери: онъ влюбленъ въ Олимпіаду Самсоновну.

У Подхалюзина тоже есть кое-какая совѣсть; но онъ быстро сладилъ съ нею и успокоилъ ея угрызенія.

Говорятъ, надо совѣсть знать! (разсуждаетъ онъ самъ съ собою). Да извѣстное дѣло, надо совѣсть знать, да въ какомъ это смыслѣ понимать нужно? Противъ хорошаго человѣка у всякаго есть совѣсть; а коли онъ самъ другихъ обманываетъ, такъ какая-же тутъ совѣсть! Самсонъ Силычъ купецъ богатѣйшій, и теперича все это дѣло, можно сказать, такъ для препровожденія времени затѣялъ. А я человѣкъ бѣдный! Если и попользуюсь въ этомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь, такъ и грѣха нѣтъ никакого; потому онъ самъ несправедливо поступаетъ, противъ закона идетъ. А мнѣ что его жалѣть. Вышла линія—ну и не плошай: онъ свою политику ведетъ, а ты свою статью гони. Еще то-ли бы я съ нимъ сдѣлалъ, да неприходится. Хмъ! Вѣдь залѣзетъ же такая фантазія въ голову человѣку! (Лазарь разумѣетъ свое увлеченіе Олимпіадой Самсоновной).

Владѣющій собою, сдержанный, умный, энергичный, Лазарь ловко повелъ свое дѣло. Онъ подкупаетъ въ свою пользу Рисположенскаго, обѣщая ему вдвое болѣе, чѣмъ Большовъ; подкупаетъ сваху, чтобы отдѣлаться отъ предлагаемаго ею жениха; искусно располагаетъ въ свою пользу самого Самсона Силыча на основаніи изученія его характера:

У нихъ такое заведеніе (разсуждаетъ онъ про хозяина): коли имъ что попало въ голову, ужь ничѣмъ не выбьешь оттедова. Все равно какъ въ четвертомъ году захотѣли бороду сбрить: сколько ни про-

сили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали,—нѣтъ, говоритъ, послѣ опять отпущу, а теперь поставлю на своемъ; взяли да и обрили. Такъ вотъ и это дѣло; потрафь я по нихъ, или такъ войди имъ въ голову — завтра-же подъ вѣнецъ, и баста, и разговаривать не смѣй. Да отъ этакова удовольствія съ Ивана Великаго спрыгнуть можно! (52).

Когда Олимпіада Самсоновна начинаетъ заявлять ему свое пренебреженіе, Подхалюзинъ ловкимъ замѣчаніемъ— „видно не бывать, тятенька, по вашему желанію“ — разжигаетъ упрямство и самолюбіе Большова; ласковымъ словомъ „маменька“, ласковыми обѣщаніями: „вамъ такого зятя, который-бы васъ уважалъ и, значитъ, старость вашу покоилъ—окромя меня не найтить-съ“, полупритворными, полу-искренними слезами ублажаетъ Аграфену Кондратьевну,—и выигрываетъ дѣло. Успокоить и расположить въ свою пользу Олимпіаду Самсоновну уже гораздо проще.

Полуискренними слезами... Да, этотъ сознательный плутъ, изъ всего умѣющій извлечь для себя пользу, Лазарь Подхалюзинъ—не лишенъ искры человѣческаго живаго чувства: онъ любитъ Олимпіаду Самсоновну, любитъ искренно и сильно. И вотъ почему въ его дѣйствіяхъ относительно Большова мы видимъ смѣсь хитраго и холоднаго разсчета съ искренними сердечными побужденіями, смѣсь сознательныхъ дѣйствій съ безсознательными: конечно, онъ лжетъ, распространяясь о своей любви и преданности къ хозяину, но онъ лжетъ не вполнѣ: въ Большовѣ онъ видитъ не только хозяина, но и отца своей будущей жены и не совсѣмъ лицемѣрно называетъ его тятенькой. Не будь этого, онъ-бы (по его собственнымъ словамъ) не такъ нагрѣлъ хозяина, — ну, а тестя онъ нѣсколько щадитъ.—Конечно, впрочемъ, плутовство пересиливаетъ въ немъ порывы сердечнаго чувства, и когда

онъ, на комично-великодушный порывъ Большова, отдающаго ему все состояніе и просящаго только заплатить кредиторамъ копѣекъ по 10, отвѣчаетъ характерными словами, заключающими въ себѣ смыслъ піесы: „да ужь тамъ, тятенька, какъ-нибудь сочтемся; помилуйте, свои люди“,—мы понимаемъ, что это слова плута, задумавшаго и порѣшившаго ловкое дѣло, а не выраженіе искренняго чувства.

Въ Олимпіадѣ Самсоновнѣ Подхалюзина привлекаетъ ея „образованіе“. Здѣсь мы видимъ его прикосновенность къ внѣшней сторонѣ образованности, къ мишурной и больной сторонѣ жизни русскаго цивилизованнаго общества. Разумно отвѣтивши Олимпіадѣ Самсоновнѣ на ея вопросъ: „для чего вы, Лазарь Елизарычъ, по-французски не говорите?“ словами: „а для того, что намъ не для чего“,—онъ, однако, безсознательно увлекаясь очаровавшимъ его внѣшнимъ блескомъ, проситъ потомъ жену:

„Скажите, Алимпіада Самсоновна, мнѣ что-нибудь на французскомъ діалектѣ-съ... такъ, малость самую-съ“.

и въ восторгѣ цалуетъ ея „ручку“, когда она сказала ему и перевела фразу: „комъ ву зетъ жоли“. Онъ обѣщаетъ ей выучиться танцовать; онъ шьетъ себѣ, для ея удовольствія, модные сюртучки, подстригаетъ по модѣ бороду, и т. д. и т. д.—Страсть Олимпіады Самсоновны къ нарядамъ и коляскамъ, къ роскоши, въ которой она видитъ признакъ образованія, ему нравится: онъ самъ полагаетъ, что въ этомъ и заключается просвѣщеніе.—Очень интересенъ его разговоръ на-единѣ съ Липочкой, когда онъ убѣждаетъ ее не гнушаться имъ и согласиться на бракъ. Благоговѣя передъ ея образованностью и любя ее, Лазарь смиренно переноситъ ея грубыя выходки и брань, и затѣмъ располагаетъ ее къ себѣ, нарисовавъ картину будущей ихъ семейной жизни:

если за меня-то вы, Алимпіада Самсоновна, выйдете-съ — такъ первое слово: вы и дома-то будете въ шелковыхъ платьяхъ ходить-съ, а въ гости, али въ театръ-съ, — окромя бархатныхъ и надѣвать не станемъ. Въ разсужденіи шляпокъ или салоповъ—не будемъ смотрѣть на разныя дворянскія приличія, а надѣнемъ какую чуднѣй! Лошадей заведемъ орловскихъ. (Молчаніе). Если вы насчетъ моей физіономіи сумнѣваетесь, такъ это какъ вамъ будетъ угодно-съ: мы также и фракъ надѣнемъ, и бороду обрѣемъ, либо такъ подстрижемъ, по модѣ-съ, это для насъ все одно-съ...

Да это что-съ, Алимпіада Самсоновна! Нешто мы въ этакомъ домѣ будемъ жить? Въ каретномъ ряду купимъ-съ, распишемъ какъ: на потолкахъ это райскихъ птицъ нарисуемъ, сиреновъ, капидоновъ разныхъ—поглядѣть только будутъ деньги давать.

Всѣ эти мечты и обѣщанія—не обманъ Олимпіады Самсоновны для ея утѣшенія; нѣтъ, ими увлекается самъ Лазарь, искренно и наивно. Онъ потомъ и осуществляетъ ихъ, къ удовольствію и счастью Олимпіады Самсоновны и своему собственному.

Интересны три сцены, въ которыхъ Лазарь Елизарычъ расквитывается съ Рисположенскимъ, Устиньей Наумовной и самимъ Большовымъ.—Подхалюзинъ сбрасываетъ съ себя маску притворства—и передъ нами открывается во всей грубости его эгоизмъ; но здѣсь же, въ сценахъ съ первыми двумя лицами, мы видимъ и его здравый смыслъ и присущій ему, грубый, конечно, юморъ.

Устинья Наумовна. Какъ такъ сто цѣлковыхъ? Да ты мнѣ полторы тысячи обѣщалъ!

Подхалюзинъ. Что-о-съ?

Уст. Наум. Ты мнѣ полторы тысячи обѣщалъ!

Подхалюз. Не жирно ли будетъ? Неравно облопаетесь.

Уст. Наум. Что-жь ты, курицынъ сынъ, шутить что-ли со мной вздумалъ? Я, братъ, и сама дама разухабистая.

Подхалюз. За за что вамъ деньги-то давать? Диви бы за дѣло за какое!

Уст. Наум. За дѣло-ли, за бездѣлье-ли, а давай,—ты самъ обѣщалъ!

Подхалюз. Мало-ли что я обѣщалъ! Я обѣщалъ съ Ивана Великаго прыгнуть, коли женюсь на Алимпіадѣ Самсоновнѣ,—такъ и прыгать?

Уст. Наум. Что-жъ ты думаешь, я на тебя суда не найду? Велика важность, что ты купецъ второй гильдіи, я сама на 14-мъ классѣ сижу, какая ни на есть, все-таки чиновница.

Подхалюз. Да хоть бы генеральша — мнѣ все равно; я васъ и знать-то не хочу,—вотъ и весь разговоръ.

Уст. Наум. Анъ врешь—не весь: ты мнѣ еще соболій салопъ обѣщалъ.

Подхалюз. Чего-съ?

Уст. Наум. Соболій салопъ! Что ты оглохъ что-ли?

Подхалюз. Соболій-съ! Хе, хе, хе...

Уст. Наум. Да, соболій! Что ты смѣешься-то, что горло-то пялишь!

Подхалюз. Еще рыломъ не вышли-съ въ собольихъ-то салопахъ ходить! (I, 95—96).

Другая сцена, съ Рисположенскимъ:

Рисположенскій. За деньгами, Лазарь Елизарычъ, за деньгами! Кто за чѣмъ, а я все за деньгами.

Подхалюз. Да ужь вы за деньгами-то больно часто ходите.

Рисполож. Да какъ-же не ходить-то, Лазарь Елизарычъ, когда вы по пяти цѣлковыхъ даете. Вѣдь у меня семейство.

Подхалюз. Что-же, не по сту же вамъ давать.

Рисполож. А ужь отдали бы заразъ, такъ я бы къ вамъ и не ходилъ.

Подхалюз. То-то вы ни уха ни рыла не смыслите, а еще хапанцы берете. За что вамъ давать-то?

Рисполож. Какъ за что?—Сами обѣщали!

Подхалюз. Сами обѣщали! Вѣдь давали тебѣ—попользовался, ну и будетъ, пора честь знать.

Рисполож. Какъ пора честь знать? Да вы мнѣ еще тысячи полторы должны.

Подхалюз. Должны! Тоже должны! Словно у него документъ! А за что—за мошенничество!

Рисполож. Какъ за мошенничество! За труды, а не за мошенничество.

Подхалюз. За труды.

Рисполож. Ну, да тамъ за что бы то ни было, а давайте деньги, а то документъ!

Подхалюз. Чего-съ? Документъ! Нѣтъ, ужь это послѣ придите.

Рисполож. Такъ что-жь ты меня грабить что-ли хочешь съ малыми дѣтьми.

Подхалюз. Что за грабежъ! А вотъ возьми еще пять цѣлковыхъ да и ступай съ Богомъ.

Рисполож. Нѣтъ, погоди! Ты отъ меня этимъ не отдѣлаешься

Подхалюз. А что же ты со мной сдѣлаешь?

Рисполож. Языкъ-то у меня не купленный.

Подхалюз. Что-жь ты, лизать что-ли меня хочешь?

Рисполож. Нѣтъ, не лизать, а добрымъ людямъ разсказывать.

Подхалюз. Объ чемъ разсказывать-то? Купоросная душа! Да кто тебѣ повѣритъ-то еще?

Рисполож. Кто повѣритъ?

Подхалюз. Да! Кто повѣритъ? Поглядитко ты на себя. (I, 105—106).

Подхалюзинъ отказывается платить за Большова больше 10 „копѣечекъ“ съ рубля.

Да какъ-же, тятенька-съ! Вѣдь вы тогда сами изволили говорить-съ, больше 10 копѣекъ не давать-съ. Вы сами разсудите: по 25 копѣекъ денегъ много. — Вамъ, тятенька, закусить чего не угодно ли-съ? Маменька! прикажите водочки подать, да велите самоварчикъ поставить, ужь и мы для компаніи. выпьемъ-съ.—А 25 копѣекъ много-съ! (98).

Большовъ возражаетъ, потомъ уговариваетъ зятя, начинаетъ его упрекать и стыдить; но Лазарь стоитъ на своемъ:

Вотъ вы, тятенька, изволите говорить, куда я деньги дѣлъ? — Какъ-же-съ! Разсудите сами: торговать начинаемъ; извѣстное дѣло, безъ капитала нельзя-съ, взяться не чѣмъ; вотъ домикъ купилъ, заведеньице всякое домашнее завели, лошадокъ, то, другое. Сами извольте разсудить! Объ дѣтяхъ подумать надо.

Отчего бы не заплатить-съ (говоритъ онъ нѣсколько далѣе), да просятъ цѣну, которую совсѣмъ несообразную. (100—101).

Наконецъ онъ рѣшаетъ—прибавить еще 5 копѣ-

чекъ.—На томъ они разстаются съ Большовымъ,—старикъ долженъ отправиться по кредиторамъ и молить ихъ объ уступкѣ.

Но справедливость требуетъ сказать, что въ Лазарѣ не совсѣмъ замерла душа. Онъ нравственно стоитъ гораздо выше своей безсердечной жены.—Его начинаетъ мучить совѣсть,—и тотчасъ по уходѣ тестя онъ говоритъ:

Эхъ! Алимпіада Самсоновна-съ! Не ловко-съ! Жаль тятеньку ей Богу, жаль-съ! Нешто поѣхать самому поторговаться съ кредиторами. Аль не надо-съ? Онъ-то самъ лучше ихъ разжалобитъ. А? Аль ѣхать? Поѣду-съ!

Какъ хотите, такъ и дѣлайте,—ваше дѣло (холодно замѣчаетъ Липочка).

Въ Лазарѣ не умерло еще и нѣкоторое чувство чести; по крайней мѣрѣ онъ боится и стыдится гласности. Замѣчательно окончаніе пьесы, окончаніе, только въ наши дни ставшее извѣстнымъ; цензура прежняго времени заставила Островскаго передѣлать конецъ комедіи—и ввести квартальнаго, пришедшаго арестовать Подхалюзина за соучастіе въ злостномъ банкротствѣ тестя. Великій комикъ Садовскій, чудесно игравшій Подхалюзина, выразительными жестами смягчалъ суровость полицейскаго—и этимъ поправлялъ навязанный автору исходъ пьесы.—Теперь передъ нами настоящее окончаніе знаменитой комедіи: обманутый Рисположенскій выходитъ изъ себя и въ отчаяніи и злобѣ обращается къ публикѣ:

Почтеннѣйшая публика! Жена, четверо дѣтей—вотъ сапоги худые!... Тестя обокралъ! И меня грабитъ... Жена, четверо дѣтей...

Лазарь Елизарычъ смутился. „Что ты! что ты! Очнись!“ кричитъ онъ.

Все вретъ-съ! (пытается онъ оправдываться передъ судомъ общественной совѣсти). Самый пустой человѣкъ-съ!... Вы ему не

вѣрьте, это онъ, что говорилъ-съ—это все вретъ. Ничего это и не было. Это ему, должно быть, во снѣ приснилось. — А вотъ мы магазинчикъ открываемъ: милости просимъ! Малаго ребенка пришлите—въ луковицѣ не обочтемъ. (107).

Подхалюзинъ, для завлеченія публики, рѣшился держаться пріемовъ внѣшней честности въ торговлѣ.

Мы долго, можетъ быть даже слишкомъ долго, останавливались на первомъ большомъ произведеніи великаго драматурга. Но это нужно было для того, чтобы на первомъ же крупномъ созданіи поэта выяснить его отношенія къ изображаемому имъ міру.—Изъ подробнаго разсмотрѣнія характеровъ комедіи „Свои люди сочтемся" мы можемъ, кажется, сдѣлать заключеніе, что Островскій не былъ сатирикомъ. Объективно, спокойно и безпристрастно рисовалъ онъ жизнь и людей. Онъ проводилъ свои типы передъ лицемъ высокаго идеала, и передъ свѣтомъ этого идеала обличалось само-собою (безъ страсти и гнѣва со стороны поэта) все ихъ злое и темное. Но, благодушный и терпимый, поэтъ и въ низко упавшихъ людяхъ показывалъ намъ остатки добрыхъ свойствъ и стремленій. Драматизмъ пьесы и состоитъ въ борьбѣ въ душѣ Большова, а также и въ душѣ Лазаря—добра и зла.—Притомъ замѣчательно еще одно обстоятельство: борьба въ душѣ Большова готова какъ-будто (правда, при посредствѣ постигшихъ Самсона Силыча несчастій) разрѣшиться побѣдой добра: въ душѣ Лазаря—побѣдою плутовства и мошенничества надъ совѣстью и сердцемъ.—Собственное сердце поэта такимъ образомъ (какъ видимъ изъ соотношенія въ пьесѣ созданныхъ имъ лицъ) больше лежитъ къ человѣку непосредственно-народному, чѣмъ къ тому, кого коснулось вліяніе внѣшней образованности.

ГЛАВА III.

„Не въ свои сани не садись“.

Въ первой своей большой комедіи — „Свои люди сочтемся“—Островскій какъ-будто отрицательно и сатирически относится къ изображаемому имъ быту. Такъ, по крайней мѣрѣ, принято думать. Но подробный анализъ характеровъ главныхъ лицъ пьесы приводитъ невольно къ инымъ заключеніямъ. Конечно, поэтъ не сочувствуетъ мошенничеству Большова и Подхалюзина, безсердечію Липочки,—онъ казнитъ ихъ своимъ здравымъ смѣхомъ; но онъ же въ комической личности глупой Аграфены Кондратьевны умѣетъ подмѣтить высокую черту сильной материнской любви, и въ плутѣ Лазарѣ Подхалюзинѣ видитъ искреннюю привязанность къ женѣ и остатки сердца и совѣсти... Объективный художникъ, спокойно и добродушно относящійся къ дѣйствительности, а не сатирикъ былъ авторомъ „Своихъ людей“.

Комедіи „Не въ свои сани не садись„ и „Бѣдность не порокъ“ уже несомнѣнно свидѣтельствуютъ о симпатіяхъ Островскаго къ народной жизни. Всякому, кто подойдетъ къ этимъ пьесамъ съ непредъубѣжденнымъ взглядомъ, будетъ ясно, что въ нихъ нарисована поэзія народнаго быта, ласковый и привѣтливый покой семейнаго счастья.

Главное лицо комедіи „*Не въ свои сани не садись*"— патріархально-благодушный старикъ Максимъ Өедотычъ *Русаковъ*. Онъ семьянинъ въ самомъ хорошемъ смыслѣ этого слова. Съ умиленіемъ говоритъ онъ о покойной женѣ, и воспоминаніе о ней вызываетъ у него слезы.

Помнишь, сватъ? (обращается онъ къ Маломальскому)... Ну, что! Роптать грѣхъ. (Утирая слезы). Годковъ тридцать пожилъ! и за то долже́нъ Бога благодарить. Да какъ пожилъ! Тридцать лѣтъ слова неласковаго другъ отъ друга не слыхали! (I, 251).

Теперь, оставшись вдовцомъ, онъ всю силу своей привязанности сосредоточилъ на Авдотьѣ Максимовнѣ. „Дуня у меня одна..." говоритъ онъ; и его задушевная мечта—устроить семейное счастье дочери, выдать ее за хорошаго и любимаго ею человѣка, да любоваться потомъ на ихъ житье.

Одна у меня теперь забота, какъ бы мнѣ Дунюшку пристроить (говоритъ онъ). Полюбовался-бы на тебя, мое дитятко, внучатъ бы поняньчилъ, коли Богъ приведетъ.... Ну, а тамъ ужъ что, чего мнѣ ждать, умеръ бы покойно; по крайности бы зналъ, что есть кому душу помянуть, добрымъ словомъ вспомнить.

Тихій покой, довѣрчивая ласка семейныхъ привязанностей—идеалъ жизни, по взгляду Русакова.

Что есть, дѣтушки, лучше того на свѣтѣ (говоритъ онъ дочери и Бородкину), какъ жить своей семьей въ мирѣ да въ благочестіи—и самому весело, и люди на тебя будутъ радоваться. А врагу рода человѣческаго это досада не малая; онъ тебя будетъ всякимъ соблазномъ соблазнять, всякимъ прельщеніемъ. Поддался ты ему, ну и пошла брань да нелюбовь въ семьѣ, и еще того хуже бываетъ. Не поддался, ну и онъ бѣжитъ далеко, потому ему смерть смотрѣть на честное житье. Какія бываютъ дѣла, Иванушка! Поживешь-то, всего насмотришься. Дѣти-ли не почитаютъ родителей, жены-ли живутъ съ мужьями неладно—все это дѣло вражье. Всякій часъ отъ него берегись! Эхе-хе! Не даромъ пословица говорится: „не бойся смерти, а бойся грѣха". (269).

Дочь свою Русаковъ любитъ безпредѣльно; онъ не только понимаетъ, что Авдотья Максимовна — хорошая дѣвушка, но онъ даже, любя, нѣсколько идеализируетъ ее,—лучше ея нѣтъ и людей на свѣтѣ; онъ говоритъ, вспоминая о женѣ:

Она, голубка, бывало, куда придетъ, тамъ и радость. Вотъ и Дуня такая-же: пусти ее къ лютымъ звѣрямъ, и тѣ ее не тронутъ. Ты на нее посмотри: у нея въ глазахъ-то только любовь да кротость. Она будетъ любить всякаго мужа; надо найти ей такого, чтобъ ее-то любилъ, да могъ-бы понять, что это за душа.... душа у ней русская.

И вотъ этого-то человѣка, добраго и любящаго, критикъ „темнаго царства“ заподозрилъ въ самодурствѣ, въ томъ, что онъ притѣсняетъ, гнететъ и принижаетъ дочку. Поводомъ къ такому обвиненію послужили собственныя слова Русакова: когда Бородкинъ, сватаясь за Авдотью Максимовну, замѣчаетъ: „конечно, Максимъ Ѳедотычъ, главная причина, какъ сами Авдотья Максимовна, какъ имъ человѣкъ понравится“,—старикъ возражаетъ на это, что „дѣло дѣвичье—глупое“, дѣвку не долго обмануть; подвернется, подластится вѣтрогонъ— она и полюбитъ.

„Нѣтъ (говоритъ онъ), это не порядокъ: пусть мнѣ человѣкъ понравится. Я не за того отдамъ, кого она полюбитъ, а за того, кого я полюблю. Да, кого я полюблю, за того и отдамъ. Да я годъ буду смотрѣть на человѣка, со всѣхъ сторонъ его огляжу. А то какъ дѣвкѣ повѣрить? Что она видѣла? кого она знаетъ... А я, сватъ, недаромъ шестьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ живу, видалъ-таки людей-то: меня на кривой не объѣдешь“. (250).

Если судить объ этихъ словахъ поверхностно, Добролюбовъ правъ: въ самомъ дѣлѣ, чувству дѣвушки и ея волѣ Русаковъ какъ будто не придаетъ значенія; онъ какъ будто хочетъ предписать ей—кого любить, за кого

выдти замужъ. Такъ бываетъ въ томъ бытѣ, однимъ изъ представителей котораго является Русаковъ, такъ поступаютъ самодуры (вродѣ Большова, Гордѣя Карпыча Торцова); въ такомъ смыслѣ и понялъ приведенныя слова Маломальскій: „какъ можно... дѣвкѣ гдѣ?.. (говоритъ онъ); дай имъ волю-то, послѣ и не расчерпаешь, такъ-ли... а?“ — Но Русаковъ думаетъ и чувствуетъ иначе: „Все ты не дѣло толкуешь!.. (возражаетъ онъ свату). Моя дочь не такая“...—Когда Авдотья Максимовна открывается отцу, что любитъ Вихорева, и проситъ согласія на бракъ съ нимъ, Русаковъ рѣзко отказываетъ, опираясь, согласно съ традиціями своего быта, на безусловность родительскаго авторитета:

Вотъ тебѣ, Авдотья, мое послѣднее слово: или ты поди у меня за Бородкина, или я тебя и знать не хочу (говоритъ онъ).

Про Вихорева онъ и слышать не хочетъ. —Но когда отказъ его сильно подѣйствовалъ на дочку и она падаетъ въ обморокѣ, старикъ весь потрясенъ и взволнованъ. „Господи, не попусти! (съ ужасомъ восклицаетъ онъ). Дуня! Очнется-ли она, очнется-ль?.. Нѣтъ!.. Ужьли-жь я ее убилъ?..“ Нѣжной лаской отвѣчаетъ онъ дочери, когда та, придя въ себя, произноситъ: „гдѣ тятенька?“ и затѣмъ начинаетъ съ ней разговоръ по-душѣ, искренній и сердечный; онъ говоритъ, что если-бы зналъ, что Вихоревъ человѣкъ степенный и дѣйствительно любитъ, то онъ и разговаривать не сталъ-бы, отдалъ бы Дуню за него. Старикъ находитъ затѣмъ и разумный исходъ изъ затрудненія: онъ говоритъ, что можно узнать—дѣйствительно-ли Вихоревъ любитъ?

Дѣло-то простое. Я ему скажу, что за тобой ничего не дамъ пускай такъ беретъ. Коли любитъ, возьметъ и такъ.

Авдотья Максимовна отвѣчаетъ выраженіемъ своего

убѣжденія, что счастье не въ богатствѣ, что „коли любишь человѣка, такъ никакихъ сокровищъ не надо." А старикъ кротко возражаетъ ей:

> Это ты, мое дитятко, такъ разсуждаешь, а у нихъ-то другое на умѣ; ну, да вотъ посмотримъ. (281).

На все это критикъ „темнаго царства" и его подражатели говорятъ или могутъ сказать, что здѣсь Русаковъ просто не послѣдователенъ, не логиченъ, что сердце въ немъ въ данномъ случаѣ восторжествовало надъ убѣжденіемъ, что человѣкъ побѣдилъ на минуту представителя быта.—Но говорящіе такъ забываютъ еще одно обстоятельство, въ сущности самое важное: въ словахъ Русакова о томъ, что дѣвушка можетъ полюбить ошибочно, вѣтрогона и плута, потому что она молода, потому что—„что она видѣла? кого она знаетъ?"—въ словахъ этихъ много и много правды.

Замѣчаніе Добролюбова, что зачѣмъ же Русаковъ такъ воспиталъ Авдотью Максимовну, что она ничего не знаетъ? что напрасно онъ держалъ ее въ четырехъ стѣнахъ,—замѣчаніе это не имѣетъ никакого значенія: во 1-хъ, Русаковъ не геній, чтобы подняться выше обычаевъ своего быта; во 2-хъ, гдѣ же въ небольшомъ городкѣ могъ онъ дать иное воспитаніе дочери? въ 3-хъ, о четырехъ стѣнахъ и т. п. старикъ говоритъ Вихореву, и говоритъ явно преувеличивая дѣло: мы знаемъ, что Авдотья Максимовна вовсе не была такъ стѣснена, какъ можетъ показаться,—она знала, напр., Бородкина, она любила его и бесѣдовала съ нимъ наединѣ и видѣлась съ нимъ. А въ 4-хъ, и это самое главное, развѣ образованіе *совершенно* предохраняетъ отъ ложныхъ увлеченій? Конечно, чѣмъ человѣкъ просвѣщеннѣе, чѣмъ шире его кругозоръ, чѣмъ больше онъ видитъ людей, тѣмъ лучше, тѣмъ

менѣе возможности ошибиться; но надо принять въ разсчетъ и молодость,—ей свойственно увлекаться и идеализировать свои увлеченія: не только въ купеческомъ бытѣ, но и въ нашемъ образованномъ обществѣ развѣ не видимъ мы на каждомъ шагу того грустнаго явленія, что благородное и умное и чистое существо привязывается къ человѣку недостойному, даже пошлому, или потому что внѣшній блескъ, дешевую мишуру принимаетъ за золото, или потому, что свои собственные низменные инстинкты начинаетъ считать за чувство и по наивной чистотѣ своей безсознательно прикрывать ихъ чувствомъ и увѣрять себя, что любитъ, и идеализировать, какъ Титанія Шекспира, ослиную голову. Самоувѣренный наглецъ съ самымъ незначительнымъ душевнымъ содержаніемъ, съ ограниченнымъ умомъ можетъ показаться гордымъ титаномъ,

Въ которомъ міръ непрозорливый
Родства съ богами не призналъ.

и дѣвушка, воображающая, что влюблена, не разгадываетъ шута въ замаскированномъ актерѣ, и „какъ сыну неба“ подаетъ ему (по словамъ поэта) нектаръ „съ Зевесова стола“, и страдаетъ, слушая его угрозы всему, что ей дорого, что составляетъ ея задушевныя убѣжденія.—Тоже бываетъ и съ юношами: кокетку, пустую, а иной разъ и корыстную, умный и благородный, но по молодости довѣрчивый и наклонный къ идеализаціи, человѣкъ можетъ принять за существо поэтическое и даже глубокое.—Вотъ здѣсь и необходима помощь старшаго поколѣнія, важны совѣтъ и руководство опытнаго и спокойнаго человѣка, какъ отвѣтъ на довѣріе молодаго существа. Вотъ въ чемъ объясненіе словъ Русакова.—Мало того, возможенъ случай еще болѣе роковой и печальный: ложное увлеченіе можетъ затмить даже живу-

щее уже въ душѣ истинное чувство, которое замретъ на-время подъ чуждымъ давленіемъ, и человѣкъ самъ этого, въ порывѣ очарованія, не замѣчаетъ.—Такъ именно и было съ Авдотьей Максимовной: она воображаетъ, что любитъ Вихорева, между тѣмъ какъ на самомъ-то дѣлѣ сердцу ея милъ и дорогъ Бородкинъ.

Отставной кавалеристъ, котораго попросили выдти изъ службы и который промоталъ свое имѣніе, разсуждая, что деньги „ни больше, ни меньше какъ средство жить порядочно, въ свое удовольствіе" (что „ужь доказано всѣми науками"), Вихоревъ ищетъ случая жениться на богатой купчихѣ; онъ пускаетъ въ ходъ, для очарованія дѣвушки, самыя незамысловатыя средства: модный нарядъ и прическа, молодцоватый видъ и походка, разговоръ о прелестяхъ столичной жизни и о томъ, что въ глуши жить скучно, дешевенькое негодованіе на стѣсненіе свободы человѣческой, холодное, но въ отборныхъ словахъ, заимствованныхъ изъ французскаго романа, увѣреніе въ любви, подкрѣпляемое пошлой угрозой, что въ случаѣ отверженія его страсти, онъ уѣдетъ на Кавказъ, подъ черкесскія пули (а „вы знаете, какъ черкесы хорошо стрѣляютъ?"),—все это обаятельно дѣйствуетъ на неопытное, наивное и довѣрчивое сердце Авдотьи Максимовны.

„Да ты, Ваня, не сердись! (говоритъ она Бородкину). Я тебѣ все разскажу, ты самъ разсудишь. За меня теперь сватается благородный. Какой красавецъ собой-то, какой умный! Любила я тебя, ты знаешь, а ужь какъ его полюбила, я и не знаю, какъ это словами сказать". (267).

Любовь къ Бородкину прорывается, въ этой поэтической сценѣ объясненія молодыхъ людей, въ искреннихъ и сердечныхъ словахъ Авдотьи Максимовны:

„Вотъ я тебѣ, Ваня, все сказала, что только сердце мое чувствовало.... Не захотѣла я тебя обманывать",

да еще въ ея тескливомъ, скорбномъ восклицаніи: „не пой ты, не терзай мою душу!“ Но она сама не сознаетъ теперь, что любитъ Бородкина, не сознаетъ, не смотря даже на то, что чувствуетъ ложь и зло своего увлеченія Вихоревымъ, чувствуетъ, что это увлеченіе тяготитъ ее.

Что-жь мнѣ дѣлать-то! (искренно говоритъ она Бородкину). На грѣхъ я его увидѣла! Такъ вотъ съ тѣхъ поръ изъ ума нейдетъ, и во снѣ все его вижу. Словно я къ нему привороженная какая. (Сидитъ задумавшись). И нѣтъ мнѣ никакой радости!.... Прежде я веселилась, дѣвка, какъ птичка порхала, а теперь сижу вотъ, какъ къ смерти приговоренная, не веселитъ меня ничто, не глядѣла-бъ я ни на кого. Ужь и что я, бѣдная, въ эти дни слезъ пролила!... Вѣдь надо-жь быть такой бѣдѣ!.. (267).

И не только въ этомъ разговорѣ съ Ваней, а и во многихъ другихъ случаяхъ, постоянно и послѣдовательно Авдотья Максимовна высказываетъ, что ее тяготитъ и мучитъ чувство къ Вихореву,—и однако-жь ослѣпленіе и заблужденіе ея такъ велики, что она, не задумываясь, искренно и съ увлеченіемъ говоритъ отцу:

Я безъ него жить не могу. Умереть мнѣ легче, чѣмъ идти за другаго.... Я.... думала, и дни думала, и ночи напролетъ думала, не смыкаючи глазъ. Безъ него мнѣ не милъ бѣлый свѣтъ! Я отъ тоски да отъ слезъ въ гробъ сойду! (278).

Что-же въ этомъ случаѣ дѣлать отцу, горячо любящему свое дитя, понимающему, что дочь стоитъ на краю пропасти, и сознающему, что онъ за нее долженъ дать отвѣтъ Богу? Неужели такъ прямо и согласиться на безумный бракъ, сознавая, что въ скоромъ времени дѣвушка сама пойметъ ошибку и очнется отъ очаровавшаго ее заблужденія, и тогда ее ждетъ безразсвѣтная тьма отчаянія? Любящее сердце и здравый умъ подсказали Русакову истинное рѣшеніе вопроса.

Авдотья Максимовна поняла Вихорева лишь тогда, когда онъ самъ, на постояломъ дворѣ, снялъ съ себя маску и цинически грубо разбилъ вѣрованія дѣвушки въ него, въ его безкорыстное чувство и благородство. Но даже и тутъ она, съ негодованіемъ и безповоротно отвертываясь отъ него, еще воображаетъ, что любитъ его.

Я вамъ зла не желаю. Найдите себѣ жену богатую (говоритъ она обманувшему ее проходимцу), да такую, чтобъ любила васъ такъ, какъ я; живите съ ней въ радости, а я дѣвушка простая, доживу какъ-нибудь, скоротаю свой вѣкъ въ четырехъ стѣнахъ сидя, проклинаючи свою жизнь. Прощайте! (288).

Кромѣ кроткаго христіанскаго чувства прощенія человѣку, сдѣлавшему намъ зло, въ этихъ словахъ Авдотьи Максимовны слышится и личная любовь. Она поняла, что этой любви нѣтъ въ ея сердцѣ, лишь тогда, когда очутилась въ обстановкѣ роднаго дома, возлѣ дѣйствительно любящихъ ее и любимыхъ ею людей, когда Ваня Бородкинъ своимъ великодушнымъ поступкомъ опять пробудилъ дремавшее въ ея сердцѣ чувство къ нему.

Добролюбовъ отнесъ Авдотью Максимовну къ числу забитыхъ и приниженныхъ личностей, не имѣющихъ собственной воли и лишь исполняющихъ приказанія стоящихъ надъ ними самодуровъ.—Это совершенно несправедливо.—Авдотья Максимовна, въ самомъ дѣлѣ, втеченіи всего времени любви своей къ Вихореву и своихъ отношеній къ нему твердитъ объ отцѣ, о томъ, что не поступитъ противъ его воли.

Уѣдемте потихоньку, да и обвѣнчаемся (говоритъ Вихоревъ).

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. (горячо возражаетъ она) что вы это, ни за что на свѣтѣ!.. Ни-ни, ни за какія сокровища!

Она хочетъ, чтобы Вихоревъ переговорилъ съ отцомъ;

сама хочетъ попросить отца; и на слова Вихорева: „а ну, какъ онъ откажетъ мнѣ“? отвѣчаетъ:

> Что-жь дѣлать!.. нать, моя такая судьба несчастная. (259).

Увезенная Вихоревымъ, Авдотья Максимовна говоритъ ему:

> Викторъ Аркадьичъ! я съ вами и въ огонь и въ воду готова, только пустите меня къ тятенькѣ; я еще теперь приду во́-время: (283).

И такъ постоянно. Но здѣсь выражается не безволіе и приниженность Авдотьи Максимовны, а совсѣмъ иное. Во 1-хъ, она смутно чувствуетъ, что въ отцѣ ей нужна опора, нуженъ руководитель и помощникъ, который бы спасъ ее отъ ложнаго увлеченія; во 2-хъ, она любитъ отца и знаетъ, что безпредѣльно и горячо любима имъ, и что эта любовь имѣетъ свои права. Дѣвушка честная и хорошая, она сознаетъ, что нельзя презрѣть чувствомъ того, кто душу свою положилъ на нее, для кого она съ дѣтства, втеченіи многихъ лѣтъ была радостью и утѣшеніемъ, что грѣшно сдѣлать важный шагъ въ жизни безъ его вѣдома и согласія.

Для Авдотьи Максимовны понятно и негодованіе отца, когда тотъ узналъ объ ея бѣгствѣ: въ немъ оскорблено чувство отверженной любви.—Сначала старикъ разлился въ горькихъ и нѣжныхъ жалобахъ:

> Она своей волей уѣхала, она своей волей бросила отца, на смѣхъ людямъ, бросила старика одного горе мыкать! Дочка! не вѣкъ тебѣ будутъ радости. Вспомнишь ты и обо мнѣ. Кто тебя такъ любить будетъ, какъ я тебя любилъ?... Поживи въ чужихъ людяхъ, узнаешь, что такое отецъ!... Диви-бы я съ нею строгъ былъ, или жалѣлъ для нея что. Я-ли ее не любилъ, я-ли ее не голубилъ?.. (Плачетъ). (294).

Потомъ имъ начинаетъ овладѣвать гнѣвъ:

Я ее теперь и видѣть не хочу (говоритъ онъ), не велю и пускать къ себѣ, живи она, какъ хочешь. (Молчаніе). Я ужъ не увижу ее... Коли кто изъ васъ увидитъ ее, такъ скажите ей, что отецъ ей зла не желаетъ, что коли она, бросивши отца, можетъ быть душой покойна, жить въ радости, такъ Богъ съ ней! Но за поруганіе мое, моей сѣдой головы, я видѣть ее не хочу никогда, Дуня умерла у меня! Нѣтъ, не умерла, ея и не было никогда! Имени ея никто не смѣй говорить при мнѣ!

Въ это время входитъ Авдотья Максимовна,—и старикъ обращается къ ней съ суровыми упреками, съ суровыми вопросами: „а полюбовникъ гдѣ?“ „ну, зачѣмъже ты пришла?“ Потомъ онъ грозитъ ей: „Нѣтъ, голубушка, я тебя запру. Поди!“—Гнѣвъ его доходитъ до жестокости въ словахъ, обращенныхъ къ Бородкину:

Нѣтъ, Иванушка, погоди, тебѣ эта невѣста не годится, я тебѣ найду другую... Тебѣ надобно дѣвушку честную, чтобъ про нее худой славы не было. (301).

Но сквозь суровость гнѣва, въ самую минуту ожесточенія слышна любовь Русакова къ дочери: съ негодованіемъ отвергаетъ онъ мысль Маломальскаго—заставить Вихорева жениться на осрамленной дѣвушкѣ:

Осрамилъ—ну, что-жь, нашъ грѣхъ!... Да меня золотомъ осыпь, я на него и глядѣть-то не хочу, не то чтобъ въ зятья взять. (301).

Любовь къ дочери слышится въ самомъ преувеличеніи старикомъ своего гнѣва. А въ ту минуту, когда униженная и подавленная горемъ Авдотья Максимовна высказываетъ заступившемуся за нее Бородкину, какъ тяжело у нея на душѣ, гнѣвъ Максима Ѳедотыча остываетъ, и съ удвоенной, съ утроенной силой пробуждается горячая любовь.

Эх-ма, сватъ (говоритъ онъ Маломальскому), состарѣлся я, а все еще глупъ! За что я ее обидѣлъ?.. Дунюшка, словечко-то

у меня давича въ-сердцахъ сорвалось, маленько оно обидно, такъ ты его къ сердцу не принимай. Самому было горько, ну и сказалъ лишнее.

и, въ отвѣтъ на просьбу дочери простить ее, онъ самъ проситъ о прощеніи. Растроганный, примиренный, онъ теперь не хочетъ, не можетъ разстаться съ безконечно дорогой ему дочкой:

Нѣтъ, Иванушка, я тебѣ ее не отдамъ!.. (говоритъ онъ)... Коли хочешь ее взять, такъ переѣзжай сюда и съ матерью, и будемте жить вмѣстѣ". (303).

Осуществленіемъ въ широкихъ размѣрахъ семейнаго идеала, устроеніемъ мирной и любовной совмѣстной жизни отцовъ и дѣтей заканчивается комедія.

Отмѣчу еще одну черту въ характерѣ Русакова: это человѣкъ стараго склада, врагъ новомодныхъ обычаевъ и всякаго рода увлеченій внѣшнимъ образованіемъ.

Что это, Иванушка, какъ я погляжу (говоритъ онъ), народъ-то все хуже и хуже дѣлается; и что это будетъ, ужь и не знаю... Нѣтъ, мы, бывало, страхъ имѣли, старшихъ уважали. Опять эту моду выдумали! Прежде ея не было, такъ лучше было, право. Проще жили; ну, и народъ честнѣй былъ. А то—я, говоритъ, хочу по модѣ жить, по нынѣшнему, а глядишь, тому не платитъ, другому не платитъ.

Русакову противоположна, въ этомъ смыслѣ, сестра его *Арина Ѳедотовна*, помогающая Вихореву въ его ухаживаніяхъ за Авдотьей Максимовной; она распѣваетъ жестокіе романсы, презираетъ Бородкина, какъ „мужика", благоговѣетъ передъ образованными „кавалерами" вродѣ Вихорева. Съ справедливымъ негодованіемъ обращается къ ней Русаковъ, когда узналъ объ увозѣ дочки:

Ну, сестрица голубушка, отблагодарила ты меня за мою хлѣбъ-соль! Спасибо! Лучше-бъ ты у меня съ плечъ голову сняла, ни-

чѣмъ ты это сдѣлала. Твое дѣло: порадуйся! Я ее въ страхѣ воспитывалъ, да въ добродѣтели, она у меня какъ голубка была чистая. Ты пріѣхала съ заразой-то своей. Только у тебя и разговору-то было, что глупости... всѣ рѣчи-то твои были такія вздорныя. Вѣдь тебя нельзя пустить въ хорошую семью: ты ядъ и соблазнъ! (295).

Очень важное мѣсто въ „Саняхъ“ и въ творчествѣ Островскаго вообще занимаетъ *Бородкинъ*. Это человѣкъ ничѣмъ особеннымъ не выдающійся изъ среды, совершенно обыденный, но хорошій и честный. Практическій, обладающій здравымъ смысломъ, смѣтливый, онъ дѣльно и скромно ведетъ торговлю, и скромно живетъ съ старухой матерью; онъ смиренъ, но и никому не позволитъ наступить себѣ на ногу; „живу самъ по себѣ, своимъ умомъ, и никому уважать не намѣренъ“, говоритъ онъ Маломальскому; и когда Арина Ѳедотовна начинаетъ глупо-презрительно насмѣхаться надъ нимъ, онъ умѣетъ, откровенно грубо, но благородно и остроумно, дать ей отпоръ. Человѣкъ народа, человѣкъ почвы, онъ, полюбивши Авдотью Максимовну (тоже дѣвушку обыденную, и ничѣмъ особеннымъ не выдающуюся), въ народномъ творчествѣ находитъ выраженіе своего чувства и словами пѣсни высказываетъ свою любовь и горе:

Вспомни, вспомни, моя любезная,
Нашу прежнюю любовь...

Много поэтическаго въ любви его и Авдотьи Максимовны, въ любви тоже обыденной и ничѣмъ не выдающейся:

Эхъ, Авдотья Максимовна, грѣхъ вамъ! (говоритъ онъ). Вспомните: бывало, осенніе темные вечера вдвоемъ просиживали, вотъ у этого окошечка. Бывало, въ сѣняхъ встрѣтимся, въ сумеречкахъ, такъ не наговоримся; долго нейду, такъ, накинувши шубку-то на

плечики, у калитки дожидалась. Былъ я и Ваничка, и дружокъ, а теперь не хорошъ сталъ. (266—267).

Любовь его — любовь на-вѣки: когда Авдотья Максимовна, воображая, что разлюбила его и любитъ Вихорева, совѣтуетъ ему жениться на Грушѣ, онъ возражаетъ:

Что мнѣ жениться-то!.. на что?.. Чужой вѣкъ заѣдать? ужь любить ее не буду. (268).

И любовь эта вмѣстѣ самоотверженная: когда Арина Ѳедотовна увѣряетъ его, что Дуня будетъ счастлива за Вихоревымъ, онъ замѣчаетъ:

Хорошо, кабы вашими устами да медъ пить! Я-бы самъ вчужѣ за Авдотью Максимовну порадовался. (296).

и онъ, дѣйствительно, въ состояніи забыть себя для любимаго человѣка.

Благородная высота его простой русской души вполнѣ выказывается въ концѣ комедіи, когда онъ великодушно беретъ подъ свою защиту оскорбленную, униженную, и въ униженіи всѣми отвергаемую дѣвушку.

Положимъ, хотя она ваша дочь, а за что-жь ее обижать (говоритъ онъ Русакову). Авдотья Максимовна и такъ обижена кругомъ, должонъ кто-нибудь за нее заступиться. Ее-жь обидѣли, да ее-жь и бранить. По крайней мѣрѣ она у насъ будетъ ласку видѣть отъ меня и отъ маменьки. Что-жь такое, со всякимъ грѣхъ бываетъ. Не намъ судить!

и онъ смиренно не придаетъ даже значенія своему великодушію:

Иванъ Петровичъ! (обращается къ нему бѣдная дѣвушка) любите хоть вы меня, меня никто не любитъ. Весь свѣтъ на меня!

Помилуйте, Авдотья Максимовна, (отвѣчаетъ онъ), есть же во мнѣ какое-нибудь чувство; я вѣдь не звѣрь, и во мнѣ есть искра Божія! (302).

Чрезвычайно странно, что критикъ „темнаго царства“ не повѣрилъ этой чертѣ характера Бородкина; онъ говоритъ: „великодушная выходка Бородкина — совершенно исключительная и несообразная съ нравами среды“. (Соч. III, 89). Добролюбовъ какъ будто не зналъ или забылъ, что русскій человѣкъ добродушенъ, что онъ даже преступника не берется осуждать, а называетъ несчастненькимъ и подаетъ ему милостыню. Бородкинъ поступаетъ совершенно въ народномъ духѣ, въ томъ народномъ духѣ, который подсказалъ поэту одно изъ прекрасныхъ стихотвореній:

Когда изъ мрака заблужденья
Горячимъ словомъ убѣжденья
Я душу падшую извлекъ,
И вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавшій порокъ,
. . . .
Мнѣ лучъ божественный участья
Весь темный путь твой освѣтилъ,
Я понялъ все, дитя несчастья,
Я все простилъ и все забылъ.
Зачѣмъ же горькому сомнѣнью
Ты ежечасно предана?
Толпы безсмысленному мнѣнью
Ужель и ты покорена?
Не вѣрь толпѣ, пустой и лживой,
Забудь сомнѣнія свои,
Въ душѣ болѣзненно пугливой
Гнетущей мысли не таи;
Грустя напрасно и безплодно,
Не пригрѣвай змѣю въ груди —
И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди.

Комедія „Не въ свои сани не садись“ представляетъ

противоположность „Своимъ людямъ сочтемся", въ томъ смыслѣ, что въ первой своей большой пьесѣ изъ купеческаго быта Островскій остановился преимущественно на изображеніи темной стороны жизни, напротивъ—въ „Саняхъ" онъ рисуетъ свѣтлыя, отрадныя явленія русской народной дѣйствительности.

ГЛАВА IV.

„Бѣдность не порокъ".

Многостороннѣе и шире обнимаетъ эту дѣйствительность слѣдующая по времени тотчасъ за „Санями" великая бытовая комедія—„*Бѣдность не порокъ*".

Здѣсь опять мы видимъ апоѳеозу семейнаго начала, семейной жизни. Но здѣсь въ тихое теченіе этой жизни вливаются еще могучимъ потокомъ поэзія народнаго творчества, народные обычаи и пѣсни.—Представительница семейнаго начала въ комедіи—Пелагея Егоровна—устраиваетъ для дочери святочное веселье, и вотъ во 2-мъ актѣ пьесы поются подблюдныя пѣсни, являются на сцену и пляшутъ ряженые. А когда веселье прервано и нежданно-негаданно у Любовь Гордѣвны оказывается женихъ—Коршуновъ, дѣвушки заключаютъ актъ скорбными свадебными пѣснями, прекрасно выражающими горе насильно выдаваемой замужъ дѣвушки.—Сильное впечатлѣніе на зрителей производитъ этотъ живьемъ взятый изъ дѣйствительности и перенесенный драматургомъ на сцену міръ народнаго поэтическаго творчества.

Въ этой комедіи Островскій впервые нарисовалъ типъ настоящаго самодура. Большовъ въ „Своихъ людяхъ"

самодурствуетъ лишь въ нетрезвомъ видѣ,—въ обыкновенномъ его состояніи съ нимъ можно разговаривать и домашніе его тогда не боятся. — Иное дѣло — *Гордѣй Карпычъ Торцовъ.*—Торцовъ—гордъ и глупъ. Пелагея Егоровна, разсказывая объ его сближеніи съ Коршуновымъ и ихъ пьянствѣ, замѣчаетъ про мужа:

> Съ пьяну-то, должно быть, у него (показывая на голову) и помутилось. Ужь я такъ думаю, что это врагъ его смущаетъ! Какъ-таки разсудку не имѣть! (II, 4—5).

А Любимъ Торцовъ выражается еще опредѣленнѣе:

> у него вотъ эта кость очень толста (говоритъ онъ про лобную кость брата). Ему, дураку, наука нужна. (23).

По нелѣпому тщеславію Гордѣй Карпычъ вдругъ, неожиданно для домашнихъ и для себя самого вообразилъ, что для него низко жить въ окружающей его средѣ.

> Мнѣ, говоритъ (разсказываетъ про него жена), здѣсь не съ кѣмъ компанію водить, все, говоритъ, сволочь, все, видишь ты, мужики, и живутъ-то по мужицки.

Онъ глупо стыдится родни, ея низкаго происхожденія:

> куда я тебя дѣну? (говоритъ онъ брату Любиму, пришедшему къ нему за помощью). Ко мнѣ гости хорошіе ѣздятъ, купцы богатые, дворяне; ты... съ меня голову снимешь. По моимъ чувствамъ и понятіямъ мнѣ-бы совсѣмъ... не въ этомъ роду родиться. Я видишь... какъ живу: кто можетъ замѣтить, что у насъ тятенька мужикъ былъ? Съ меня... и этого стыда довольно, а то еще тебя на шею навязать. (23).

Жилъ онъ до старости спокойно, по-старинѣ, но „съѣздилъ въ отъѣздъ“ (какъ выражается Пелагея Егоровна)—и перемѣнился. Увидалъ онъ роскошь, модную

жизнь, внѣшній блескъ образованія,—и плѣнился ими, внезапно и глупо.

Теперь все ему наше русское не мило (разсказываетъ про него жена; ладитъ одно — хочу жить по-нынѣшнему, модами заниматься. (4).

Его очаровалъ Коршуновъ, богатый фабрикантъ, московскій, и живущій „больше все въ Москвѣ"; онъ ухаживаетъ за этимъ Коршуновымъ, подражаетъ ему, изъ всѣхъ силъ бьется, чтобы заслужить его одобреніе и блеснуть передъ нимъ. Привезя Коршунова къ себѣ въ гости, Торцовъ чрезвычайно смутился, заставъ дома русское веселье на старый ладъ; онъ грубо выгоняетъ ряженыхъ, приказываетъ женѣ гнать пѣвшихъ пѣсни дѣвушекъ. „Зарѣзала ты меня!" (шепчетъ онъ Пелагеѣ Егоровнѣ) и начинаетъ извиняться и оправдываться передъ просвѣщеннымъ гостемъ:

Мнѣ только конфузно передъ тобою! Но ты не заключай изъ этого про наше необразованіе — вотъ все жена. Никакъ не могу вбить ей въ голову...

и онъ читаетъ тутъ-же женѣ наставленіе:

Сколько разъ я говорилъ тебѣ: хочешь сдѣлать у себя вечеръ, позови музыкантовъ, чтобы это было по всей формѣ. Кажется, тебѣ ни въ чемъ отказу нѣтъ. (38).

Пелагея Егоровна хочетъ попотчивать гостя мадерой,—это окончательно конфузитъ Гордѣя Карпыча:

Жена! Съ-ума чтò-ли сошла, въ самомъ дѣлѣ? Не видывалъ Африканъ Савичъ твоей мадеры-то!

и онъ приказываетъ подать полдюжины шампанскаго, да не здѣсь, а въ гостиной, гдѣ „новая небель" поставлена; а чтобы эта „небель" была виднѣй, велитъ зажечь въ гостиной всѣ свѣчи,—„тамъ совсѣмъ другой ефектъ будетъ", говоритъ онъ.

Вотъ какія у нихъ понятія о жизни! (Удивляется онъ на жену):

Свои собственныя понятія о жизни и просвѣщеніи онъ очень простодушно и наивно высказываетъ, поучая приказчика Митю. Зайдя въ контору въ то время, какъ Митя, Гуслинъ и Разлюляевъ пѣли пѣсню, Гордѣй Карпычъ кричитъ на молодыхъ людей:

Что распѣлись! Горланятъ, точно мужичье! Кажется, не въ такомъ домѣ живешь, не у мужиковъ. Что за полпивная! Чтобъ у меня этого не было впередъ!

Замѣтивъ на столѣ тетрадь, въ которую Митя переписывалъ стихи Кольцова, Торцовъ иронически говоритъ: „какія нѣжности при нашей бѣдности!“ А на поясненіе Мити: „собственно для образованія своего занимаюсь, чтобъ имѣть понятіе“—начинаетъ поучать, глупо и самодурно:

Образованіе! Знаешь ли ты, что такое образованіе?.. А еще туда-же разговариваетъ! Ты бы вотъ сертучишко новенькій сшилъ!.. Куда деньги-то дѣваешь?

Митя отвѣчаетъ, что посылаетъ матери.

Матери посылаешь! Ты себя-то-бы образилъ прежде; матери-то не Богъ знаетъ что нужно, не въ роскоши воспитана; чай сама хлѣбы затворяла . . . . . . Стихи пишетъ, образовать себя хочетъ, а самъ какъ фабричный ходитъ! Развѣ въ этомъ образованіе-то состоитъ, что дурацкія пѣсни пѣть? То-то глупо-то! Дуракъ!

Въ концѣ комедіи, подвыпивши съ Коршуновымъ, Гордѣй Карпычъ, воображающій о себѣ, что уже достигъ вершинъ просвѣщенія, обращается къ будущему зятю своему съ рѣшительнымъ вопросомъ: „ну, зятюшка, что скажешь?.. можешь ты меня теперь понимать?“ и когда тотъ медлитъ отвѣтомъ, начинаетъ самъ произносить себѣ похвальный приговоръ: его, оказывается, не могутъ понять въ окружающей его жизни, потому что у него все какъ слѣдуетъ, „все въ порядкѣ“: въ другомъ домѣ за столомъ прислуживаетъ „молодецъ въ поддевкѣ, либо

дѣвка“, а у него „фицыантъ въ нитяныхъ перчаткахъ“, ученый, изъ Москвы, знающій—гдѣ кому сѣсть и что дѣлать. У другихъ людей пьютъ „наливки тамъ и вишневки разныя“... а у него шампанское.

> Охъ, (заключаетъ онъ), если-бъ мнѣ жить въ Москвѣ, али-бы въ Питербурхѣ, я-бы, кажется, всякую моду подражалъ. (56).

Замѣчательно, что въ самое это время похвальбы своимъ „образованіемъ“, Гордѣй Карпычъ совершенно наивно проговаривается, что въ-сущности всѣ эти моды, шампанское, фицыанты и небель—вовсе не такъ ему и нравится; перенялъ онъ все это по глупому подражанію, да изъ самодурнаго каприза; а ему то самому нравится то-же, что и женѣ его,—простая жизнь, простое русское веселье; но только онъ считаетъ это (почему—и самъ не знаетъ) за недостойное его.

> У другихъ что! (наивно разсуждаетъ онъ). Соберутся въ одну комнату, усядутся въ кружокъ, пѣсни запоютъ мужицкія. *Оно, конечно, и весело*, да я считаю такъ, что это низко, никакого тону нѣтъ. (56).

Гордѣй Карпычъ и прежде былъ крутаго нраву, а теперь, перенявъ „всякую моду“, онъ совсѣмъ ошалѣлъ. Чтобы сблизиться съ Коршуновымъ, онъ, безъ всякаго смысла и разсужденія, не думая—что за человѣкъ Коршуновъ и видя въ немъ только примѣръ для себя въ перениманіи моды, рѣшаетъ выдать за него дочь. На просьбы жены—одуматься, не шутить надъ материнскимъ сердцемъ, не терзать его—онъ отвѣчаетъ:

> Жена, ты меня знаешь!.. Ты, Африканъ Савичъ, не безпокойся: у меня сказано—сдѣлано. (43).

На мольбы дочери—пожалѣть ее, не губить ея молодости—онъ глупо соблазняетъ ее модной жизнью: дура, въ Москвѣ „будешь по-барски жить... на виду“; и за-

канчиваетъ самодурнымъ заявленіемъ: „а другое дѣло— я такъ приказываю“.—Передъ Гордѣемъ Карпычемъ домашніе послѣ этого не смѣютъ и пикнуть.

Принципъ родительской власти выразился въ лицѣ Гордѣя Торцова въ формахъ противоположныхъ тѣмъ, въ какихъ мы видѣли его въ личности Русакова въ „Саняхъ“. Русаковъ тоже говоритъ домашнимъ: да какъ вы смѣете со мной такъ разговаривать; но говоритъ это какъ обычную фразу быта, и онъ никогда не прибѣгнетъ къ насилію; за отцомъ, по его понятію, есть право любви, право совѣта, руководства и согласія, а не игры судьбою дочери. Даже Большовъ въ „Своихъ людяхъ“, выражаясь: мое дитя, хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю,—больше хвастаетъ своимъ произволомъ, чѣмъ способенъ примѣнить его къ дѣлу. Но Гордѣй Карпычъ легко могъ-бы погубить дочь по своему неразумному и дикому „я такъ хочу“.

Совершенно противоположна ему по характеру жена его—*Пелагея Егоровна*. Она безконечно и нѣжно любитъ свою дочь, какъ Аграфена Кондратьевна (въ „Своихъ людяхъ“) свою Липочку; и въ этомъ смыслѣ ихъ можно бы сравнить; но Аграфена Кондратьевна—личность глупая и комическая; Пелагея Егоровна—умна и привлекаетъ къ себѣ полную нашу симпатію.—Въ противоположность мужу, который разлюбилъ все русское, она любитъ родную жизнь, родные обычаи:

> Модное-то ваше да нынѣшнее (говоритъ она Гордѣю Карпычу)... каждый день мѣняется, а русскій-то нашъ обычай испоконъ вѣку живетъ! Старики-то не глупѣй насъ были (5).

Она понимаетъ всю нелѣпость подражательныхъ затѣй Гордѣя Карпыча:

> И что это съ нимъ сдѣлалось? (бесѣдуетъ она о мужѣ съ Митей). Да, вѣдь, вдругъ, любезненькій, вдругъ! То все-таки разсудокъ

имѣлъ. Ну, жили мы, конечно, не роскошно, а все-таки такъ, что дай Богъ всякому; а вотъ въ прошломъ году въ отъѣздъ ѣздилъ да перенялъ у кого-то...... Какъ таки разсудку не имѣть!.. Ну еще кабы молоденькій: молоденькому это и нарядиться. и все это лестно: а то вѣдь подъ шестьдесятъ! Миленькій, подъ шестьдесятъ! (5).

Пелагея Егоровна сочувственно относится къ молодежи, къ ея радостямъ и веселью; и сама она живая и веселая. „Я молодая-то была первая затѣйница—и попѣть, и поплясать ужъ меня взять", говоритъ она своимъ эпическимъ старушкамъ-гостьямъ. И она устраиваетъ для любимой дочки на святкахъ пѣсни и праздникъ, и сама зоветъ на этотъ праздникъ Митю, Гуслина, Разлюляева.

Я, матушка, люблю по-старому, по старому... да, по нашему, по-русскому..... я веселая... да... чтобъ попотчивать, да чтобъ мнѣ пѣсни пѣли.... (31).

Пелагея Егоровна, опять въ противоположность мужу, чужда всякой гордости и чванства. Любя дочь гораздо больше, чѣмъ Гордѣй Карпычъ, она, однако, не думаетъ, что для нея нѣтъ ровни среди окружающихъ ихъ семейство людей; она-бы съ радостью, по первому слову, отдала Любушку за прикащика Митю, потому что та его любитъ и потому что онъ хорошій человѣкъ. Узнавъ отъ Мити, съ горя уѣзжающаго, когда просватали Любовь Гордѣевну, что онъ столковался-было съ Любушкой—идти къ родителямъ просить благословенія на бракъ,—она жалѣетъ не только дочку, но и Митю, жалѣетъ какъ родная мать.

Ахъ ты, сердечный! (говоритъ она). Экой ты горькій паренекъ-то, какъ я на тебя посмотрю!

Митя не ошибся, когда открылъ ей свою душу; онъ не даромъ сказалъ:

Я такую въ васъ вѣру, Пелагея Егоровна, взялъ, что все равно какъ матушкѣ своей родной откроюсь. (50).

Гордѣй Карпычъ „истомилъ“ ей „всю душу“ своимъ глупымъ замысломъ отдать дочку за Коршунова. Пелагея Егоровна тяжко тоскуетъ по Любушкѣ.

„Глаза-то всѣ проглядѣла, на нее глядючи! говоритъ она). Хоть-бы теперь-то наглядѣться на нее про запасъ. Точно я ее хоронить собираюсь. (49).

Какой это женихъ, какой женихъ... ахъ, ахъ, ахъ! (жалуется она). Гдѣ тутъ любви ждать!... На богатство, что-ли, она польстится?.. Она теперь дѣвушка въ самой порѣ, сердчишко, вѣдь, тоже, чай, бьется иногда. Ей-бы теперь хоть бѣдненькаго, да друга милаго... Вотъ-бы и житье... вотъ-бы и рай... (46—47).

Любовь Пелагеи Егоровны къ дочери такъ велика, что, когда Митя предлагаетъ увезти Любовь Гордѣвну и тайно обвѣнчаться, она, сначала удивившись и даже ужаснувшись его предложенію, сначала сказавъ: „что ты, безпутный, выдумалъ-то! да кто-жь это посмѣетъ такой грѣхъ на душу взять?“ „да какъ-же безъ отцовскаго-то благословенія! ну, какъ-же, ты самъ посуди?“— потомъ почти готова согласиться съ Митей и одна благословить его на бракъ съ Любушкой.

Но при всей нѣжности своей любви къ дочери, при всей ясности своего здраваго ума, Пелагея Егоровна не обладаетъ волей, у нея нѣтъ энергіи,—и она безсильна передъ самодурствомъ мужа.

Знаю я (говоритъ она Митѣ), все знаю, да говорю-жь я тебѣ, что не моя воля. (50).

Что-жь я! (обращается она съ словами состраданія и ласки къ дочери). Вотъ поплакать наше дѣло, а власти надъ дочерью никакой не имѣю! А хорошо-бы! Полюбовалась-бы на старости... Ужь какъ погляжу я на тебя, дѣвушка, какъ тебѣ не грустить... да помочь-то мнѣ тебѣ, сердечная, нечѣмъ! (53).

Недостатокъ энергіи и дѣлаетъ Пелагею Егоровну игралищемъ самодурнаго произвола мужа, и въ этомъ смыслѣ личностью забитою и приниженною.—Здѣсь, конечно, играетъ роль и законъ, въ который вѣритъ среда, воспитавшая и Гордѣя Карпыча, и Пелагею Егоровну, законъ—безусловнаго и слѣпаго повиновенія жены мужу. Но нельзя не замѣтить, что этотъ законъ далеко не всегда соблюдается въ вѣрящемъ въ него бытѣ, и самое вѣрованіе въ него не безусловно крѣпко. Не только такіе люди, какъ Русаковъ, но даже и Большовы не вполнѣ ему слѣдуютъ. Другое дѣло, конечно, Гордѣи Торцовы, но и то если они не встрѣчаютъ энергическаго отпора своему неразумному произволу.

Отсутствіе этого энергическаго отпора, слабость воли имѣютъ большое значеніе и въ отношеніяхъ (въ быту Торцовыхъ) младшаго поколѣнія къ старшему.

Въ этомъ смыслѣ приниженными оказываются въ комедіи „Бѣдность не порокъ“ *Любовь Гордѣевна* и *Митя.*—Но это люди вовсе не забитые и не обезличенные, какъ ихъ представляютъ себѣ послѣдователи критика „темнаго царства“. Внутренняя жизнь, душевный міръ этихъ людей—полны, и разносторонни, и глубоки.

Любовь Гордѣвна—очень поэтическая личность, тихая и кроткая, ласковая, задушевная. Она полюбила Митю, онъ пришелся ей по-сердцу. потому что онъ тихій да сиротливый,—и она изольетъ на него весь запасъ своей душевной нѣжности. Она скромна и стыдлива, и потому таитъ свое чувство; но она въ то-же время искренна, правдива. Съ затаенной радостью и съ притворной внѣшней гордостью относится она къ стихамъ Мити, посвященнымъ ей, а прочитавъ эти стихи, сама пишетъ ему въ отвѣтъ довѣрчивое признаніе въ любви, наивно-граціозно и по-дѣтски пошутивъ при этомъ: „только пальцы всѣ выпачкала; кабы

знала, лучше-бы не писала“.—Съ ласковой довѣрчивостью открываетъ она свою тайну Аннѣ Ивановнѣ, и при этомъ тоскливо высказываетъ предчувствіе грозящихъ бѣдъ:

Что ваша любовь? Какъ былинка въ полѣ: не расцвѣтетъ путемъ—да и поблекнетъ. (25).

Любовь Гордѣевну нельзя соблазнить приманками роскоши: „не нужно мнѣ вашихъ денегъ“, говоритъ она Коршунову, думающему поразить ее размѣрами своего капитала. Ее и обмануть нельзя,—она умна: когда Коршуновъ пытается доказать ей, что есть много выгодъ—выдти за старика, что старикъ-то и подарочки будетъ дѣлать, и ревновать-то его женѣ не придется (а ревность—страшное дѣло) и т. д., она опрокидываетъ всѣ его хитросплетенныя разсужденія простымъ вопросомъ: „а васъ та жена, покойная, любила?“ Она выводитъ изъ себя Коршунова этимъ вопросомъ, и потомъ, на его злыя слова, что не любила, да и онъ ее не любилъ, потому что она того не стоила—онъ взялъ ее бѣдную, нищую,—на эти злыя слова замѣчаетъ: „любви золотомъ не купишь“.

Но, кроткая и смиренная, Любовь Гордѣвна не можетъ дать никакого отпора самодурному произволу. На глупое и безсознательно жестокое намѣреніе отца выдать ее за Коршунова, она въ силахъ только отвѣтить тихой мольбою:

Тятенька! Я изъ твоей воли ни на шагъ не выйду. Пожалѣй ты меня, бѣдную, не губи мою молодость!... Что хочешь меня заставь, только не принуждай ты меня противъ сердца замужъ идти за немилаго!... (43—44).

„Я своего слова назадъ не беру“, безсердечно возражаетъ на это Гордѣй Карпычъ. „Твоя воля, ба-

тюшка!—произноситъ бѣдная дѣвушка, рѣшая этимъ свою судьбу, высказывая приговоръ своему счастью и своей жизни.

Но должно замѣтить, что не одинъ недостатокъ энергіи руководитъ въ данномъ случаѣ душою Любови Гордѣвны: она потому еще не противится волѣ отца, что такое противленіе считаетъ грѣхомъ, нарушеніемъ нравственнаго закона. Когда Митя предлагаетъ ей бѣжать съ нимъ и тайно обвѣнчаться, она рѣшительно и безповоротно (гораздо рѣшительнѣй матери) отвергаетъ эту мысль:

> Нѣтъ, Митя, не бывать этому! Не томи себя понапрасну, перестань. Не надрывай мою душу! И такъ мое сердце все изныло во мнѣ. Поѣзжай съ Богомъ. Прощай!

„За что-жь ты меня обманывала, надо мной издѣвалася?“ горько замѣчаетъ ей Митя.

> Что мнѣ тебя обманывать? зачѣмъ? (говоритъ она). Я тебя полюбила, такъ сама-же тебѣ сказала. А теперь изъ воли родительской мнѣ выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтобъ я шла замужъ. Должна я ему покориться, такая наша доля дѣвичья. Такъ, знать, тому и быть должно, такъ ужь оно заведено изстари. Не хочу я супротивъ отца идти, чтобъ про меня люди не говорили да и въ примѣръ не ставили. Хоть я, можетъ быть, сердце свое надорвала черезъ это, да по-крайности я знаю что я по закону живу, никто мнѣ въ глаза насмѣяться не смѣетъ. Прощай! (52).

Митя какъ-будто не соглашается съ подобными мыслями Любови Гордѣвны, Митя предлагалъ ей иной образъ дѣйствій; но въ-сущности онъ такой-же человѣкъ какъ и она. Онъ и Любовь Гордѣвна—натуры родственныя, и удивительно гармоническое впечатлѣніе производитъ взаимная любовь этихъ близкихъ другъ къ другу по душѣ людей.

Митя—человѣкъ съ добрымъ и нѣжнымъ сердцемъ,

кроткій нравомъ и одаренный поэтическими инстинктами и стремленіями. Въ немъ пробуждены умственные интересы, онъ стремится къ образованію; но болѣе всего его занимаетъ поэзія; читая и переписывая Кольцова, онъ и самъ, по примѣру народнаго поэта-самоучки, начинаетъ писать стихи, и стихи эти, согрѣтые истиннымъ и чистымъ чувствомъ, выходятъ очень недурными; таково напр. его поэтическое признаніе въ любви:

Не цвѣточекъ въ полѣ вянетъ, не былинка...

Митя чистъ душою: онъ благоговѣйно уважаетъ любимую имъ дѣвушку,—и боится и не смѣетъ повѣрить своему счастью, счастью взаимной привязанности; робко развертываетъ онъ и читаетъ письмо Любови Гордѣевны робко допрашиваетъ онъ ее—какъ надо понимать это письмо: въ правду или въ шутку? и только затѣмъ уже, успокоенный ея отвѣтами, съ полною вѣрой, безповоротно, навѣки отдаетъ ей свою душу.

Но, умѣя любить безпредѣльно, онъ не умѣетъ и не можетъ защитить любимое существо. Когда Любовь Гордѣевну просватали, онъ рѣшается уѣхать изъ дому Торцовыхъ къ матери, не сдѣлавъ ни малѣйшей попытки спасти безконечно имъ любимую дѣвушку.

Правда, онъ въ минуту прощанія вдругъ надумываетъ смѣлое дѣло—увезти Любушку. Но какъ быстро явилось въ душѣ это намѣреніе—такъ быстро и безслѣдно оно и исчезаетъ. Намѣреніе это—не твердое и обдуманное рѣшеніе энергическаго человѣка, а мгновенный и поверхностный порывъ мечтательной натуры, порывъ не могущій поэтому и привести къ какому-нибудь практическому результату. О его неосновательности свидѣтельствуютъ и самыя выраженія, въ которыхъ Митя высказываетъ свою мысль:

Пусть выйдетъ потихоньку (говоритъ онъ, обращаясь къ Пелагеѣ Егоровнѣ): посажу я ее въ саночки-самокаточки—да и былъ таковъ! Не видать тогда ее старому какъ ушей своихъ, а моей головѣ за одно ужь погибать! Увезу ее къ матушкѣ—да и повѣнчаемся. Эхъ! дайте душѣ просторъ—разгуляться хочетъ! По-крайности, коли придется и въ отвѣтъ идти, такъ ужь то буду знать, что потѣшился. (51).

Твердое и энергическое рѣшеніе не выражается такъ экзальтировано,—оно проще и спокойнѣе.—И въ самомъ дѣлѣ. Митя сейчасъ-же отступается отъ своей мысли: „Ну, знать не судьба!“ говоритъ онъ Любови Гордѣвнѣ. Мгновенный порывъ мгновенно же и исчезъ.

И такъ, передъ нами въ комедіи съ одной стороны—хорошіе, умные, сердечные, но лишенные энергіи люди: Пелагея Егоровна, Любовь Гордѣвна, Митя; съ другой стороны — крѣпколобый самодуръ Торцовъ, руководящійся единственнымъ понятнымъ ему правиломъ жизни: „я такъ хочу“.—И передъ этими людьми стоятъ два нравственныхъ закона быта: жена должна повиноваться мужу, дѣти — родителямъ. Самодуръ объясняетъ эти законы въ томъ смыслѣ, что все, что ему взбредетъ на-умъ, хотя-бы съ-пьяну, должно быть безпрекословно исполняемо домашними; эти же послѣдніе понимаютъ дѣло такъ, что ихъ долгъ слѣпо повиноваться своему владыкѣ.—Комедія была бы не комедіей, а страшной драмой, если-бы разыгралась только между четырьмя поименованными лицами.—Но явился энергическій человѣкъ—и все измѣнилось, и погибавшіе спасены отъ погибели, и самодуръ остановленъ на краю нравственной пропасти.

Любимъ Торцовъ тоже признаетъ эти законы, объ отношеніяхъ членовъ семьи другъ къ другу, обязательными для всякаго человѣка. Но онъ силенъ волею, онъ

можетъ дѣйствовать энергично,—и жизнь направлена имъ по надлежащему руслу.

Любимъ Торцовъ былъ истинный братъ Гордѣя Карпыча. Получивъ свою долю наслѣдства отца, онъ тотчасъ-же, какъ и братъ, самодурно пожелалъ „всякую моду подражать", потому что (поясняетъ онъ) „въ головѣ-то, какъ въ пустомъ чердакѣ, вѣтеръ такъ и ходилъ!" Человѣкъ даровитый, болѣе отзывчивый и чуткій на все, чѣмъ Гордѣй Карпычъ, онъ не захотѣлъ ограничиться поставленіемъ „небели" въ гостиной, да наемомъ „фицыанта" въ нитяныхъ перчаткахъ,—а самъ отправился въ Москву „людей посмотрѣть, себя показать, высокаго тону набраться".

Опять же я (разсказываетъ онъ про себя, Митѣ) такой прекрасный молодой человѣкъ, а еще свѣту не видывалъ, въ частномъ домѣ не ночевывалъ. Надобно до всего дойти.

И вотъ онъ одѣлся франтомъ, завелъ себѣ пріятелей и друзей „хоть прудъ пруди",—и загулялъ съ ними по трактирамъ.

Правда, и въ это время уже сказалась, безсознательно конечно, одна благородная черта въ его характерѣ—любовь къ театру:

Я все трагедіи ходилъ смотрѣть (говоритъ онъ): очень любилъ.

Только ничего изъ этого не могло выдти:

не видалъ ничего путемъ (поясняетъ самъ Любимъ Карпычъ), и не помню ничего, потому что больше все пьяный. (21).

Прогулялъ онъ такимъ образомъ все состояніе—и пришлось ему бѣдствовать: и голодалъ онъ, и шута изъ себя представлялъ на потѣху купцамъ. Но здѣсь и граница его самодурствованію: несчастье его отрезвило и физически, и нравственно. Простудившись на морозѣ, попалъ онъ въ больницу—и тамъ очнулся.

Какъ сталъ я выздоравливать (разсказываетъ онъ) да въ разсудокъ входить, хмѣлю-то нѣтъ въ головѣ—страхъ на меня напалъ, ужасть на меня нашла!... Какъ я жилъ? Что я за дѣла дѣлалъ? Сталъ я тосковать, да такъ тосковать, что, кажется, умереть лучше. (23).

Любимъ Карпычъ заболѣлъ благородной тоскою—тоскою по роднымъ идеаламъ,—по честномъ трудѣ, по забытому имъ семейному началу, по семейной жизни. Онъ отправился къ брату, надѣясь пристроиться у того въ какой-нибудь должности, хоть въ дворникахъ.

Разочарованіе въ братѣ и въ первой попыткѣ возвращенія на прямой путь пошатнуло нѣсколько Любима Карпыча: „я опять сталъ зашибаться немного“ (говоритъ онъ); но воскресшая въ душѣ правда уже не умирала, тѣмъ болѣе, что Любимъ Карпычъ глубоко смирился:

„Что за злоба (говоритъ онъ Коршунову). Я тебѣ давно простилъ Я человѣкъ маленькій, червякъ ползущій, ничтожество изъ ничтожествъ! Ты другимъ-то не дѣлай зла“. (61).

Любимъ Карпычъ задумываетъ спасти племянницу отъ Коршунова, устроить счастье ея и Мити и образумить ошалѣвшаго брата.

Умно и энергически принимается онъ за дѣло. Съ благородной прямотою въ глаза обличаетъ онъ Коршунова и правильно разсчитываетъ на взрывъ самодурства Гордѣя Карпыча, когда невладѣющій собою Коршуновъ задѣнетъ того за-живое. Такъ и случается. Взбѣшенный Коршуновъ отказывается отъ невѣсты:

„Ты теперь приди-ка ко мнѣ да покланяйся, чтобъ я дочь-то твою взялъ... Тебѣ нужно свадьбу сдѣлать: хоть въ петлю лѣзть, да только-бъ весь городъ удивить, а жениховъ-то нѣтъ. Вотъ несчастье-то твое“.

говоритъ онъ Гордѣю. „Я къ тебѣ пойду кланяться?“ кричитъ Гордѣй Карпычъ. Да я,

„коли на то пошло, за кого вздумается, за того и отдамъ!... Вотъ за Митьку отдамъ!... Да такую свадьбу задамъ, что ты не видывалъ: изъ Москвы музыкантовъ выпишу, одинъ въ четырехъ каретахъ поѣду.“ (62—63).

Съ Коршуновымъ кончено. Надо устроить теперь дѣло Мити и Любови Гордѣевны.—И здѣсь Любимъ Карпычъ перемѣняетъ способъ дѣйствія: онъ вѣритъ, что въ душѣ брата есть еще благородныя чувства, что у него не умерли сердце и совѣсть.

Человѣкъ ты или звѣрь? (говоритъ онъ Гордѣю Карпычу, становясь передъ нимъ на колѣни). Пожалѣй ты и Любима Торцова! Братъ, отдай Любушку за Митю—онъ мнѣ уголъ дастъ. Назябся ужь я, наголодался. Лѣта мои прошли, тяжело ужь мнѣ паясничать на морозѣ-то изъ-за куска хлѣба; хоть подъ старость-то да честно пожить. Вѣдь я народъ обманывалъ; просилъ милостыню, а самъ пропивалъ. Мнѣ работишку дадутъ: у меня будетъ свой горшокъ щей. Тогда-то я Бога возблагодарю. Братъ! и моя слеза до неба дойдетъ. Что онъ бѣденъ-то! Эхъ, кабы я бѣденъ былъ, я бы человѣкъ былъ. Бѣдность не порокъ. (65).

Отъ сердца сказанное слово и дошло до сердца: Гордѣй Карпычъ очнулся.

Гордѣй Карпычъ, неужели въ тебѣ чувства нѣтъ? (поддержала Любима Пелагея Егоровна).

„А вы и въ самомъ дѣлѣ думали, что нѣтъ?! (говоритъ Гордѣй Карпычъ). Ну, братъ, спасибо, что на умъ наставилъ, а то было свихнулся совсѣмъ. Не знаю, какъ и въ голову вошла такая гнилая фантазія... Ну, дѣти, скажите спасибо дядѣ Любиму Карпычу да живите счастливо“. (65).

Радостное окончаніе пьесы поясняетъ намъ ея внутренній смыслъ, показываетъ намъ и взглядъ поэта на изображаемый имъ міръ, и его отношенія къ своимъ героямъ.

Жизнь запуталась, вслѣдствіе глупаго увлеченія внѣшнимъ лоскомъ образованія ограниченнаго самодура Торцова; желаніе его „всякую моду подражать“ чуть не

сдѣлало его „извергомъ“ (по его собственному выраженію) и чуть не погубило всю семью. Но Торцовъ не злодѣй: въ душѣ его есть добро, и не очерствѣло окончательно его сердце. Когда явился человѣкъ энергическій и умный—все дѣло оказалось поправленнымъ. Любимъ Торцовъ образумилъ брата и спасъ племянницу и Митю, создалъ для нихъ возможность тихой и радостной семейной жизни, жизни, въ которой и ему найдется уголокъ. Жизнь народная оказалась, по взгляду поэта, высокой и прекрасной; ей вредитъ податливость на всякія дурныя вліянія, но въ собственныхъ нѣдрахъ своихъ находитъ она и исцѣленіе отъ недуговъ: Любимы Торцовы поддерживаютъ своею энергіею слабыхъ волею, слабыхъ духомъ и умѣютъ разумомъ обуздать самовольный произволъ самодуровъ и пробудить въ послѣднихъ человѣческое чувство.

Не обличителемъ, а горячимъ энтузіастомъ является Островскій въ комедіяхъ „Сани“ и „Бѣдность не порокъ“. Онъ можетъ быть даже идеализируетъ народную жизнь, указывая какъ на нѣчто несомнѣнное на появленіе въ ней во-время сильныхъ духомъ людей. Онъ какъ будто закрываетъ глаза на возможность инаго исхода драмы, на возможность людской гибели вслѣдствіе безволія однихъ и самовольства другихъ. Онъ какъ будто закрываетъ глаза и на то, что самъ его энергическій герой Любимъ Торцовъ не цѣльнымъ вышелъ изъ жизненныхъ увлеченій, а сильно затронутымъ и помятымъ той самой ложью внѣшней образованности, которая чуть не погубила всѣхъ лицъ комедіи. Спасеніе племянницы и Мити есть, можетъ быть, послѣдній порывъ надорванной и изнемогшей, въ-сущности погибшей безцѣльно великой силы Любима Торцова.

ГЛАВА V.

„Не такъ живи какъ хочется“.

Двѣ разсмотрѣнныя комедіи—„Не въ свои сани не садись“ и „Бѣдность не порокъ“—рисуютъ въ чертахъ симпатичныхъ и привлекательныхъ семейное начало и народный бытъ съ его обрядами, обычаями, пѣснями. Начало личное играетъ въ этихъ пьесахъ небольшую роль. Правда, представитель его Любимъ Торцовъ возстановляетъ миръ въ семьѣ брата и даже болѣе — спасаетъ всю семью отъ гибели; но Любимъ силенъ не столько личною силой, сколько тѣмъ, что отрекся отъ лжи подражательности (чуть не погубившей брата его—Гордѣя), нашелъ въ себѣ правду народныхъ, семейныхъ идеаловъ и всею душой стремится къ ихъ осуществленію въ дѣйствительности.—„Сани“ и „Бѣдность не порокъ“—это апоѳеозъ семейнаго начала.

Шире и многостороннѣе захватываетъ поэтъ жизнь въ драмѣ „*Не такъ живи какъ хочется*“. Здѣсь передъ нами и высшее начало русской жизни—религіозное, въ полуаскетическихъ формахъ, и начало низшее—въ формахъ чувственнаго разгула; здѣсь и семейная стихія, и возстающая противъ нея гордая самовольная личность. — Идея драмы—очень глубокая: поэтъ пытается разобраться въ тѣхъ разнообразныхъ жизненныхъ элементахъ, ко-

торые ясно предстали его душевному взору, доискаться въ нихъ истины и правды.

Но, геніальная по замыслу, трагедія „Не такъ живи какъ хочется", по справедливому замѣчанію Апол. Григорьева, не доношена авторомъ въ душѣ, и явилась въ свѣтъ созданіемъ недозрѣлымъ. Въ самомъ дѣлѣ, изображенныя въ ней стихіи жизни порой только намѣчены; такъ напр. стихія религіозная является въ блѣдномъ очеркѣ старика Ильи, начало чувственное въ неясной личности Еремки. Недозрѣлость произведенія сказалась и въ томъ, что поэтъ измѣнилъ его прежнее окончаніе, измѣнилъ подъ вліяніями взглядовъ славянофиловъ, съ которыми онъ въ пору написанія пьесы былъ близокъ: Петръ Ильичъ очнулся на берегу проруби, пробужденный изъ своего страстнаго увлеченія благовѣстомъ, — этимъ оканчивается пьеса теперь; прежде конецъ ея былъ трагическій.

Представитель, выразитель религіознаго начала въ драмѣ—старикъ *Илья*.—Онъ изображенъ поэтомъ очень неопредѣленно. Илья отказался отъ мірской суеты и ушелъ жить въ монастырь. „Какое житье въ міру-то ныньче? (разсуждаетъ онъ). Только соблазнъ одинъ". Онъ говоритъ, что съ тѣхъ поръ лишь свѣтъ увидалъ, какъ поселился въ кельѣ у брата.—Илья возмущенъ загуломъ сына и его ссорами съ женой. „Живи по закону, какъ люди живутъ" (учитъ онъ Петра), а

> своя-то воля въ пропасть ведетъ. Доброму одна дорога, а развращенному десять. Узкій и прискорбный путь вводитъ въ животъ, а широкій и пространный вводитъ въ пагубу.
>
> Не для веселья мы на свѣтѣ живемъ. Не подъ старость, а съмолоду добрыми дѣлами-то запасаются. (II, 71—72).

Уходя отъ сына передъ великимъ постомъ, Илья не велитъ навѣщать себя („мнѣ и такъ суета надоѣла") и

обѣщаетъ лишь въ томъ случаѣ придти о праздникѣ, если Петръ съ женой будутъ жить хорошо. Онъ даетъ сыну грозное наставленіе:

Петръ! передъ твоими ногами бездна разверстая. Кто впалъ въ гульбу да въ распутство, отъ того благодать отступаетъ, а враги человѣческіе возрадуются, что ихъ волю творятъ, и приступаютъ, поучая на зло, на гнѣвъ, на ненависть, на волхвованіе и на всякія козни. И таковымъ одна часть со врагомъ. Выбирай, что лучше: либо жить честно, въ любви у отца, съ душой своей въ мирѣ, съ благодатію въ домѣ; либо жить весело, на смѣхъ и покоръ людямъ, на горе роднымъ, на радость врагу человѣковъ. Прощайте! Петръ, наступаютъ дни великіе, страшные, опомнись. Вотъ тебѣ мой приказъ, родительскій приказъ, грозный: опомнись, взгляни на себя!

Илья отказывается благословить сына съ невѣсткой, пока они живутъ дурно.

Порадуй меня, Петръ! (говоритъ старикъ, уходя). Лучше совсѣмъ не жить, чѣмъ жить такъ, какъ ты живешь. (73).

Выраженіемъ начала противоположнаго, злаго и чувственнаго, является въ драмѣ эскизно обрисованный калѣка-кузнецъ *Еремка*. Его подозрѣваютъ въ сношеніяхъ съ нечистою силой. Груша разсказываетъ про него Петру Ильичу:

Вотъ у насъ кузнецъ Еремка все этакъ душой-то своей клялся, въ треисподнюю себя проклиналъ... Ну, что-жь, сударь ты мой.. Такая-то страсть!.. И завелъ его на сѣновалъ подъ крышу. Насилу стащили, всего скорчило. Ужь такой-то этотъ Еремка распостылый! Какихъ бѣдъ съ нимъ не было! Два раза изъ проруби вытаскивали, а все ему какъ съ гуся вода. (87).

Еремка — любитель выпить, полу-шутливый, полуцинической ухаживатель за дѣвушками. Оставшись на постояломъ дворѣ, по отъѣздѣ Груши и ея подругъ, наединѣ съ Петромъ Ильичемъ, Еремка предлагаетъ ему

поколдовать, потѣшаетъ его цинически-насмѣшливой загадочной пѣсенкой, зоветъ въ безумный разгулъ:

> я тебѣ такія мѣста покажу (говоритъ онъ), только ухъ! Дымъ коромысломъ. Только деньги припасай. (108),

а потомъ научаетъ „какъ жену извести“, наталкиваетъ его на убійство.

Нельзя не пожалѣть, что Илья и Еремка, олицетворяющіе собою двѣ противоположныя стихіи жизни, очерчены поэтомъ такъ слегка, такъ неопредѣленно и блѣдно; изображенные иначе, они могли-бы производить потрясающее впечатлѣніе.

Ярче и жизненнѣе ихъ обоихъ герой пьесы *Петръ Ильичъ*. Это представитель въ драмѣ личнаго, самовольнаго человѣческаго начала. Петръ Ильичъ нарушилъ мирное, спокойное теченіе, тихое счастье семейной жизни, тайкомъ увезя у родителей дочку-дѣвушку, которую онъ полюбилъ. Расходившійся произволъ не останавливается: Петръ Ильичъ начинаетъ разрушать и другую семью— свою собственную, онъ враждуетъ и ссорится съ прежде любимой женой, онъ предается разгулу.

> Отцу супротивникъ, жену замучилъ! (говоритъ про него тетка). ...Въ кого такой уродился? Теперь дни прощеные, и чужіе мирятся, а у нихъ и вставаючи, и ложаючись брань да перекоръ.
>
> Своевольщина-то и все такъ живетъ (замѣчаетъ ему отецъ).

А онъ возражаетъ: „Мнѣ что за дѣло, какъ люди живутъ; я живу какъ мнѣ хочется“. „Проживемъ какъ-нибудь—своимъ умомъ, не чужимъ“ (прибавляетъ онъ далѣе).

Пріѣхавъ съ гулянки домой, онъ требуетъ вина, а на жалобы и просьбы домашнихъ: „посиди дома-то хоть немножко“—самодурно кричитъ:

> Нечего мнѣ дома дѣлать, здѣсь угарно.
>
> — Какой угаръ? Что ты выдумалъ!
>
> А я говорю, что угарно, такъ и будь по-моему! (75).

Ошалѣлый отъ загула, онъ удивляется на самого себя:

Эхъ, шибко голова болитъ! Скружился я совсѣмъ! (Задумывается). Аль погулять еще? Дома-то тоска. Спуталъ я себя по рукамъ и по ногамъ! Кабы не баба эта у меня плакса, погулялъ-бы я, показалъ-бы себя. Что во мнѣ удали, такъ на десять человѣкъ хватитъ! (76).

И онъ ѣдетъ изъ дому на борзомъ ворономъ жеребцѣ, съ писаной дугою, на постоялый дворъ, къ Грушѣ, къ своей „кралечкѣ“, какъ онъ выражается.

Безудержно предался онъ страсти къ этой Грушѣ— и возненавидѣлъ жену: „Не кажись ты мнѣ! (говоритъ онъ этой послѣдней). Ишь ты глаза-то скосила!.. Точно яду подаешь! Пить-то изъ твоихъ рукъ не хочу!“

Онъ сказался Грушѣ холостымъ, и грозитъ Васѣ убить его, если тотъ откроетъ Грушѣ или женѣ истину. Страсть его—мрачная и суровая:

„Надоть такъ думать, ты меня приворожила чѣмъ ни на есть!“ (говоритъ онъ любимой дѣвушкѣ). „Возьми ты вострый ножъ, зарѣжь меня, легче мнѣ будетъ“. (86).

Онъ мрачно допрашиваетъ ее—любитъ ли она? и на утвердительный отвѣтъ говоритъ съ безумнымъ увлеченіемъ:

Ну, пропадай все на свѣтѣ! Скажи ты мнѣ теперь: загуби свою душу за меня! Загублю, глазомъ не сморгну. (87).

Увлеченіе доходитъ до послѣднихъ границъ, когда Груша отвертывается отъ него, узнавъ, что онъ женатъ.

Коли со мной что недоброе сдѣлается, на твоей душѣ грѣхъ будетъ (говоритъ онъ ей). Я голова отпѣтая, ты меня знаешь. (103).

Онъ обѣщаетъ Еремкѣ отдать послѣднюю рубашку, если только тотъ сдѣлаетъ дѣло—приворожитъ дѣвку,— и здѣсь страсть Петра Ильича принимаетъ злобный характеръ:

чтобъ не онѣ надо мной, а я надъ ней куражился, какъ душѣ угодно.

говоритъ онъ колдуну.

Таковъ Петръ Ильичъ. И вотъ на его самовольную душу дѣйствуютъ два вліянія: религіозное слово отца и чувственные соблазны Еремки. Гордая и повидимому энергичная личность, какъ тростинка въ полѣ, колеблется въ борьбѣ этихъ страшащихъ и увлекающихъ ее вліяній, и оказывается безсильной передъ ними, ибо нѣтъ у нея ни въ чемъ опоры, нѣтъ у Петра Ильича почвы подъ ногами.

Онъ мнѣ вонъ какихъ страстей насулилъ, поневолѣ голову повѣсишь.

говоритъ Петръ женѣ про отрезвляющіе угрозы отца.— „Страшно!“ восклицаетъ онъ въ отвѣтъ на предложеніе Еремки поѣхать къ колдуну поворожить.

Душа Петра Ильича изнемогаетъ въ роковой борьбѣ, послѣ загула съ Еремкой.

Тетенька! (обращается онъ къ Афимьѣ, заѣхавъ домой). Страшно мнѣ! Страшно!... Никто меня не любитъ, извести меня хотятъ... Я пьяница, я безпутный, ну—убейте меня! Ну, убейте, мнѣ легче будетъ. Кто меня пожалѣетъ? а вѣдь я человѣкъ тоже.

Петръ Ильичъ доходитъ до какого-то безумнаго забытья, до бреда и призраковъ:

Страшно мнѣ, страшно! (восклицаетъ онъ). Вотъ мятель поднялась... Ухъ, такъ и гудетъ! Вонъ завыли... вонъ, вонъ собаки завыли. Это онѣ на мою голову воютъ, моей погибели ждутъ... Ну, что-жь. войте! Я проклятый человѣкъ! Я окаянный человѣкъ!

Ему мерещится Еремка, и онъ, съ ножомъ въ рукахъ идетъ за своимъ соблазнителемъ, идетъ убить жену.

Драма оканчивается торжествомъ свѣтлаго начала: благовѣстъ остановилъ Петра Ильича на Москвѣ-рѣкѣ

передъ прорубемъ; обезумѣвшій человѣкъ мгновенно отрезвѣлъ,—передъ нимъ вдругъ прошла вся его прошлая, распутная жизнь, вспомнилъ онъ слова отца,—и вернулся примириться съ женою, просить домашнихъ—помочь ему замолить тяжкій грѣхъ.

Говорятъ, что прежде драма оканчивалась иначе—торжествомъ начала темнаго. Такъ и сдѣлалъ Сѣровъ въ своей оперѣ „Вражья сила", чудесная музыка которой такъ прекрасно дополняетъ и развиваетъ недовершенное и недозрѣлое въ геніально-задуманной, но несоотвѣтственно замыслу выполненной драмѣ.

Во всякомъ случаѣ—такой или иной конецъ піесы—смыслъ ея тотъ, что гордая и самовольная личность оказывается несостоятельной, если опирается на свое „я", а не на народныя начала. Петръ Ильичъ—энергическій человѣкъ, какъ и Любимъ Торцовъ въ „Бѣдности не порокъ"; но послѣдній былъ силенъ своей вѣрой въ народные идеалы; первый оказался безсиленъ, потому что отрекся отъ нихъ, отдавъ предпочтеніе началу личному.

Противоположными Петру Ильичу являются въ драмѣ родители жены его—*Агафонъ* и *Степанида*. Характеръ послѣдней, любящей ласковой матери, горюющей по дочкѣ, ничѣмъ особеннымъ не отличается. Но характеръ Агафона весьма типиченъ.—Это человѣкъ кроткій и спокойный, скромный, смиренный, безконечно благодушный. Но онъ твердъ въ нравственныхъ правилахъ, въ томъ, что онъ призналъ закономъ и истиной.—Дочка бѣжала отъ него и тайно обвѣнчалась. Онъ первый простилъ ее.

„Что-жь не простить! (говоритъ онъ). Я любовь къ ней имѣю, потому одна, а кого любишь, того и простишь... Я и врагу прощу, я никого не сужу". (93).

Но признать правдой то, что по его взгляду неправда, онъ не можетъ:

„развѣ я одинъ судья-то? (говоритъ онъ); а Богъ-то? Богъ-то простить-ли? Можетъ, оттого и съ мужемъ-то дурно живетъ, что родителей огорчила. Вѣдь, какъ знать? (93).

Семья, семейныя связи и привязанности для Агафона— святое дѣло.—Отъ всей души простилъ онъ дочку и не помнитъ зла; отъ всей души скорбитъ онъ о ней, о ея несчастьѣ, о ея разладѣ съ мужемъ. Но она замужемъ— и онъ не допускаетъ и мысли о насильственной разлукѣ ея съ Петромъ Ильичемъ. На слова Дарьи, что она собралась уѣхать отъ мужа къ нимъ, къ родителямъ, онъ отвѣчаетъ твердо:

Какъ къ намъ? зачѣмъ къ намъ? Нѣтъ, поѣдемъ, я тебя къ мужу свезу.

Дарья возражаетъ, что не поѣдетъ къ мужу; а онъ начинаетъ ее уговаривать, кротко, любовно, ласково, но по-прежнему твердо.

Да ты пойми глупая, пойми — какъ я тебя возьму къ себѣ? Вѣдь онъ мужъ твой? — Поѣдемте. Что болтать-то пустяки, чего быть не можетъ... Какъ ты отъ мужа бѣжишь, глупая!... Ты думаешь, мнѣ тебя не жаль? Ну, вотъ всѣ вмѣстѣ и поплачемъ о твоемъ горѣ—вотъ и вся наша помощь! Что я могу сдѣлать? Поплакать съ тобой — я поплачу. Вѣдь я отецъ твой, дитятко мое, милое мое! (Плачетъ и цалуетъ ее, потомъ беретъ свою одежду и подходитъ къ ней). Ты одно пойми, дочка моя милая: Богъ соединилъ, человѣкъ не разлучаетъ.

Сынъ народа, человѣкъ преданія и обычая, вѣрный старинѣ, Агафонъ прибавляетъ къ этому и еще такого-рода соображеніе:

Отцы наши такъ жили, не жаловались—не роптали. Ужели мы умнѣе ихъ? Поѣдемъ къ мужу! (97).

и онъ беретъ дочку за руку и ведетъ ее домой, къ Петру Ильичу.—Когда Петръ Ильичъ, въ порывѣ злобной страсти убѣгаетъ изъ дому съ ножомъ въ рукахъ, а Дарья

высказываетъ матери жалобы на судьбу свою, Агафонъ останавливаетъ ее:

> Погоди, дочка, не ропщи. Живешь замужемъ-то безъ году недѣля, а ужь на жизнь жалуешься.

Дарья говоритъ, что отъ Петра Ильича и родной отецъ отступился, что она рада бы терпѣть, да мука-то ея нестерпимая,—она не винитъ мужа, Богъ съ нимъ, да жить съ нимъ не хочетъ,—а Агафонъ продолжаетъ все по-прежнему твердо убѣждать ее:

> Все это не дѣло, все это не дѣло! Охъ, охъ, охъ! Нехорошо... Бѣжать хочетъ! Какой это порядокъ? Гдѣ это ты видала, чтобы мужья съ женами порознь жили?

Старикъ указываетъ дочкѣ, что можетъ быть ея несчастіе есть наказаніе, посылаемое Богомъ, наказаніе за горе родителей, которыхъ она самовольно бросила.

> Врагъ васъ обуялъ! Вы точно не люди! Вотъ ты и терпи, и терпи! Да наказанье-то съ кротостью принимай да съ благодарностію. (114).

Но эти, повидимому суровыя слова, идутъ не отъ гнѣвнаго сердца,—напротивъ: Агафонъ сострадаетъ дочери, плачетъ надъ горемъ своего дитятки.—Убѣждая Дарью, онъ высказываетъ въ заключеніе глубокую мысль о самой сущности семейныхъ отношеній и подымается до чисто-христіанскаго воззрѣнія на взаимныя отношенія людей вообще; вотъ эти знаменательныя слова его:

> Ну, ты его оставишь, бросишь его, а онъ въ отчаяніи придетъ—кто тогда виноватъ будетъ, кто? Ну, а захвораетъ онъ, кто за нимъ уходитъ? Это, вѣдь, первый твой долгъ. А застигнетъ его смертный часъ, захочетъ онъ съ тобой проститься, а ты по гордости ушла отъ него...

„Батюшка!“ восклицаетъ Дарья, бросаясь на шею отцу; а онъ продолжаетъ любовно и кротко:

> Ты подумай, дочка милая, помекай хорошенько. (Плача). Глупы вѣдь мы, люди, охъ, какъ глупы!... Горды мы! (114).

Агафонъ признаетъ неправдой тайный бракъ дочери, то, что Петръ Ильичъ увезъ ее. Этой неправдой и объясняетъ онъ несчастье, внутренній трагизмъ ихъ семейной жизни.—Такъ смотритъ на дѣло и отецъ Петра старикъ Илья: упрекая сына за ссоры съ женой, онъ говоритъ:

> Самъ взялъ, не спросясь ни у кого, украдучи взялъ, а теперь она виновата! Вотъ пословица-то сбывается: „Божье-то крѣпко, а вражье-то́ лѣпко".
>
> Надѣлаютъ дѣла, не спросясь у добрыхъ людей, а спросясь только у воли своей дурацкой, да потомъ и плачутся, ропщутъ на судьбу, грѣхъ къ грѣху прибавляютъ, такъ и путаются въ грѣхахъ-то, какъ въ лѣсу. (71).

Оба старика высказываютъ взглядъ народа на семейныя отношенія, народное убѣжденіе, что личность, дѣйствующая одиноко, на свой страхъ, впадаетъ въ заблужденіе. Этотъ взглядъ видимо раздѣляетъ въ драмѣ и самъ авторъ; это выражается, во 1-хъ, въ томъ, что его симпатіи явно клонятся на сторону Агафона и Ильи, а не Петра; во 2-хъ, въ фактахъ, событіяхъ и лицахъ пьесы.

Петръ Ильичъ, увлекшись любовью къ Дарьѣ, тотчасъ-же порѣшилъ увезти ее тайно изъ отцовскаго дома. Въ этомъ поступкѣ выразилась лишь неразумная удаль личнаго произвола: тайно увозить было не для чего,— и родители Дарьи были такіе люди, и отношенія ихъ къ дочери были таковы, что бракъ можно было заключить полюбовно, по взаимному согласію, безъ ссоръ и горя, безъ страданій.—Но Петръ Ильичъ хотѣлъ, во что-бы то ни стало, борьбы, вражды; онъ видѣлъ свое торжество въ томъ, что дѣвушка для него, изъ любви къ нему подавитъ въ своемъ сердцѣ другія чувства—любовь и

уваженіе къ родителямъ, подавитъ совѣсть. Онъ не хотѣлъ ждать, поступить спокойно, согласно съ правиломъ Агафона: „все своимъ чередомъ, торопиться-то никогда не надо".—Неразумная торопливость, страстный порывъ личнаго произвола—и привели его къ ошибкѣ и гибели: временное и ложное увлеченіе онъ принялъ за истинное чувство. Какъ обнаружилось очень скоро, Дарья оказалась вовсе не подходящей ему женой: натуры ихъ слишкомъ различны. А тутъ на его бѣду онъ встрѣтилъ дѣйствительно родственную себѣ душу въ лицѣ дѣвушки Груши... Разъ ожегшись на произвольномъ поступкѣ, онъ, однако, не останавливается, а, гордый человѣкъ, даетъ еще большій просторъ своеволію—и губитъ жизнь свою и чужую.

Дочь содержательницы постоялаго двора Спиридоновны, *Груша*—очень симпатичная дѣвушка. Она—бойкая, умная, живая, веселая; въ ней такъ и кипитъ жизнь, энергія. Ей хочется радости, счастья, свободы, и она весела своей молодостью, тѣмъ, что некому помыкать ею.

> Ишь ты, мать! (говоритъ она). Какъ-же, охота мнѣ замужъ! По тѣхъ поръ и погулять, пока въ дѣвкахъ. Еще замужемъ-то наживуся! Гуляй дѣвка, гуляй я!
>
> Замужемъ-то жить трудно! (разсуждаетъ она сама съ собой). Угождай мужу, да еще какой навернется... Всѣ они холостые-то хороши... Еще станетъ помыкать тобой. А дѣвкамъ намъ житье веселое, каждый день праздникъ, гуляй себѣ—не хочу! Хочешь—работай, хочешь—пѣсни пой!... А приглянулся-то кто, развѣ за нами усмотришь: хитрѣй дѣвокъ народу нѣтъ.

Но послѣднія слова не должны кидать тѣнь на Грушу: она умна, она—дѣвушка честная; и мать совершенно справедливо спокойна за нее:

> „За этой дѣвкой (говоритъ Спиридоновна) матери нечего смотрѣть, мать спи спокойно, ее не скоро оплетешь". (98).

Грушѣ дорога дѣвичья воля,—и по разсчету, за немилаго она не пойдетъ замужъ; но если она полюбитъ, то полюбитъ сильно, и любимому человѣку отдастъ и свою дѣвичью волю.

При всей любви къ свободѣ и веселью, въ ней очень живы симпатіи къ семьѣ, стремленія къ тихому семейному счастью. Она проситъ Петра подарить ей перстенечекъ: ей больно, что другія дѣвушки въ праздникъ на улицѣ сидятъ съ тѣми, кого любятъ, а она—одна:

„ты вотъ со мной никогда не погуляешь (кротко упрекаетъ она Петра Ильича). По крайности я перстенекъ покажу, что есть у меня такой парень, который меня вѣрно любитъ“ (88).

Она любитъ Петра всею душою и съ радостью пошла-бы за него замужъ. Но когда узнаетъ его обманъ, она его отвергаетъ безъ колебаній и сомнѣній. Отвергаетъ въ 1-хъ потому, что у нея совѣсть чутка, сердце человѣчно; во 2-хъ потому, что въ ней живо чувство собственнаго достоинства и не мало въ душѣ ея благородной энергіи.

Когда въ ея присутствіи Даша на постояломъ дворѣ жалуется матери на судьбу, на мужа, плачется, что разлучила ее съ мужемъ „злая разлучница“,—Груша вскрикиваетъ отъ душевной боли, и не столько отъ тоски по себѣ, сколько отъ жалости къ Дашѣ:

„Матушка! да вѣдь это я, разлучница-то!“ (96).

Сразу выкинуть изъ сердца человѣка, котораго искренно полюбила, конечно не легко. Груша не пойдетъ съ Петромъ Ильичемъ на примиреніе и сдѣлку; но она еще ждетъ его, чтобы „поскорѣй сердце сорвать“:

Такъ-бы изругала, такъ-бы изругала! (говоритъ она). Ужъ под-

вернись онъ только теперь мнѣ!... Погоди-жь ты, постылый ты человѣкъ! (98).

Она еще плачетъ по Петрѣ Ильичѣ; но она съумѣетъ совладать съ собою.—„Полно дурачиться-то, что за слезы!“ уговариваетъ ее мать. И она совершенно соглашается съ этими словами:

Вотъ только съ сердцемъ не сообразишь (говоритъ она), а то не стоитъ онъ того, чтобы объ немъ плакать-то. Пойду пѣсню запою, со зла, во все горло, что только духу есть. (98).

Когда Петръ Ильичъ является, Груша высказываетъ ему въ глаза правду, уличаетъ его въ безсовѣстности; но она дѣлаетъ это безъ всякихъ слезливыхъ докукъ и унизительныхъ жалобъ: она цѣнитъ себя, свое достоинство, оскорбленное достоинство дѣвушки, и гордо выпроваживаетъ обманщика. Она еще горюетъ и тоскуетъ; но она сладитъ съ своимъ горемъ, и тоска не сломитъ ея душу.

Выше было упомянуто о двухъ окончаніяхъ драмы: первоначальномъ и измѣненномъ подъ вліяніями славянофиловъ. Послѣднее, т. е. пробужденіе совѣсти Петра и раскаяніе вслѣдствіе услышаннаго имъ благовѣста, напомнившаго ему о совѣтахъ и укорахъ отца, пробудившаго въ его душѣ совѣсть и возвышенныя чувства, это окончаніе драмы говоритъ въ пользу нравственной высоты русской жизни; высокое религіозное начало оказалось сильнѣе въ нашей жизни, нежели начала иныя, низшія. Островскій вѣрилъ въ состоятельность, въ высоту народнаго быта, если могъ согласиться на подобное измѣненіе своего первоначальнаго замысла. Да о такой вѣрѣ его несомнѣнно свидѣтельствуютъ и его явныя въ пьесѣ симпатіи къ воззрѣніямъ благодушнаго старика Агафона.—Во всякомъ случаѣ, то или другое окончаніе признать за драмою „Не такъ живи какъ хо-

чется“, смыслъ этой драмы остается тотъ-же: гордая и самовольная личность, освободившая себя отъ нравственныхъ законовъ народнаго быта и семейной жизни, оказывается, не смотря на всю свою энергію, несостоятельной и слабой, вслѣдствіе подобнаго освобожденія, и падаетъ въ нравственную бездну.

ГЛАВА VI.

„Гроза".

Поэтъ вѣрилъ въ народную жизнь, въ ея здоровье и крѣпость, когда писалъ „Не такъ живи какъ хочется", точно такъ-же, какъ вѣрилъ въ нихъ создавая „Сани" и „Бѣдность не порокъ".

Иное видимъ мы въ великой бытовой трагедіи „*Гроза*", одномъ изъ высочайшихъ созданій Островскаго.—Здѣсь душой поэта уже начинаютъ овладѣвать сомнѣнія... Въ иномъ освѣщеніи нарисована здѣсь энергическая личность, иной смыслъ ея явленія, и иначе разъясняются поэтомъ ея отношенія къ окружающей жизни.—Сильный волею и разумомъ Любимъ Торцовъ чуть не погибъ, поддавшись соблазнамъ ложной стороны цивилизованнаго быта, но его спасло стремленіе къ народнымъ идеаламъ, къ правдѣ народной жизни.—Энергическая личность Петра Ильича, чуждающаяся этихъ идеаловъ и этой правды, отрекающаяся отъ нихъ, гибнетъ вслѣдствіе подобнаго увлеченія. Два противоположныхъ положенія, противоположныхъ исхода... Но народное начало въ томъ и другомъ случаѣ—оказывается или могло бы оказаться спасительнымъ для сильныхъ духомъ людей. Гибнетъ лишь тотъ, кто чуждается его.—Иное дѣло въ „Грозѣ": сильная и чистая духомъ Катерина чужда

ложныхъ увлеченій мишурнымъ блескомъ внѣшняго образованія; она вѣрна нравственнымъ законамъ быта, горячо вѣритъ его идеаламъ, искренно и беззавѣтно отдается душою народной правдѣ, или тому, что народъ считаетъ за правду,—и однако-жь она гибнетъ, гибнетъ трагически, не смотря на то, что душа ея полна жизни, полна чистыхъ помысловъ и стремленій; ей нѣтъ мѣста среди окружающихъ ее людей, она задыхается въ ихъ нравственной атмосферѣ,—и единственнымъ исходомъ и спасеніемъ для нея оказывается смерть. Катерина успокаивается духомъ лишь на мечтахъ о могилѣ, и только на могилѣ ея успокаивается и зритель великой драмы.

Въ „Грозѣ“ съ изумительной силой художественности нарисовалъ поэтъ три стихіи русской жизни: жестокіе нравы самодурнаго быта Дикихъ и Кабановыхъ; веселье молодой жизни близкой къ природѣ, и возникающее и гибнущее въ роковой дѣйствительности личное начало, готовое быть въ мирѣ съ окружающимъ, признавъ и принявъ его правдивыя стороны, но непризнаваемое имъ и отталкиваемое, ибо въ этомъ окружающемъ правда и ложь, добро и зло неразрывно перепутались.

„Жестокіе нравы, сударь, въ нашемъ городѣ, жестокіе! (говоритъ Кулигинъ Борису про изображенный въ драмѣ купеческій міръ)... у кого деньги, сударь, тотъ старается бѣднаго закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денегъ наживать... А между собой-то, сударь, какъ живутъ! Торговлю другъ у друга подрываютъ, и не столько изъ корысти, сколько изъ зависти. Враждуютъ другъ на друга; залучаютъ въ свои хоромы пьяныхъ приказныхъ. . . . а тѣ имъ, за малую благостыню, на гербовыхъ листахъ злостныя кляузы строчатъ на ближнихъ... (III, 218—219).

Живутъ всѣ замкнувшись, взаперти.

Вы думаете, они дѣло дѣлаютъ, либо Богу молятся. Нѣтъ, сударь! И не отъ воровъ они запираются, а чтобъ люди не видали,

какъ они своихъ домашнихъ ѣдятъ-поѣдомъ, да семью тиранятъ. И что слезъ льется за этими запорами, невидимыхъ и неслышимыхъ!... И что, сударь, за этими замками разврату темнаго да пьянства. . . Семья, говоритъ, дѣло тайное, секретное! Знаемъ мы эти секреты-то! Отъ этихъ секретовъ-то, сударь, ему только одному весело, а остальные—волкомъ воютъ. Да и что за секретъ? Кто его не знаетъ! Ограбить сиротъ, родственниковъ, племянниковъ, заколотить домашнихъ такъ, чтобъ ни о чемъ, что онъ тамъ творитъ, пикнуть не смѣли. Вотъ и весь секретъ. (252—253).

Дикости нравовъ совершенно соотвѣтствуетъ дикость невѣжества этого міра.

Ну, какъ же ты не разбойникъ! (кричитъ Дико́й на Кулигина, предлагающаго устроить громоотводъ). Гроза-то намъ въ наказаніе посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами, какими-то, прости Господи, обороняться. Что ты, татаринъ, что-ли?

— Савелъ Прокофьичъ, ваше степенство (возражаетъ Кулигинъ), Державинъ сказалъ:

Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю.

А за эти вотъ слова тебя къ городничему отправить, такъ онъ тебѣ задастъ! (продолжаетъ свое Дико́й).

Странница Ѳеклуша просвѣщаетъ невѣжественныхъ обывателей Калинова пріобрѣтенными ею въ путешествіяхъ свѣдѣніями о томъ, что есть такія страны, гдѣ и царей-то нѣтъ православныхъ, а салтаны землей правятъ: „салтанъ Махнутъ турецкій да салтанъ Махнутъ персидскій“.

И не могутъ они ни одного дѣла разсудить праведно, такой ужь имъ предѣлъ положенъ. . . . И всѣ судьи у нихъ, въ ихнихъ странахъ, тоже все неправедные; такъ имъ. . . . и въ просьбахъ пишутъ: „суди меня, судья неправедный!“—А то есть еще земля, гдѣ всѣ люди съ песьими головами. (233).

Въ 4 актѣ драмы укрываются обыватели отъ дождя подъ старинными расписанными сводами, изъ любопытства начинаютъ разсматривать геенну огненную, изобра-

женіе битвы... Но то, что когда-то было знакомо народу, теперь забыто,—случайно уцѣлѣвшее въ памяти слово Литва вызываетъ лишь дикое представленіе о томъ, что эта Литва, „она на насъ съ неба упала"; а про геенну огненную любознательный созерцатель находится только замѣтить, что „довольно затруднительно это понимать"—что такое тутъ „нарисовано было"; да еще занимаетъ его вопросъ—„ѣдутъ" ли въ геенну промежду всякаго званія и чину людей и арапы? (да и арапы-то, вѣроятно, бѣлые).

Дикой и *Кабаниха*—представители въ драмѣ дикихъ нравовъ, безпощадно суроваго отношенія къ жизни и людямъ. Но между ними есть существенная разница: Дикой—самодуръ, Кабаниха—гнететъ и ломитъ жизнь во имя не своего произвола, а принциповъ, законовъ.

Савелъ Прокофьичъ Дикой — самодуръ въ самомъ полномъ смыслѣ слова. Что взбредетъ въ его ограниченную голову, то онъ и дѣлаетъ, и нраву его никто, по его мнѣнію, не смѣетъ и не долженъ препятствовать.

> Разъ тебѣ сказалъ, два тебѣ сказалъ: „не смѣй мнѣ на-встрѣчу попадаться"! (кричитъ онъ на племянника Бориса) тебѣ все неймется! Мало тебѣ мѣста-то? Куда ни поди, тутъ ты и есть! Тьфу ты, проклятый!

Дикой жаденъ до денегъ—и нѣтъ для него ничего хуже, какъ отдавать деньги; онъ никому изъ служащихъ у него не назначаетъ поэтому жалованья. „Нешто ты мою душу можешь знать? (говоритъ онъ). А можетъ я приду въ такое расположеніе, что тебѣ пять тысячъ дамъ". Само собою разумѣется, что онъ „во всю свою жизнь ни разу въ такое-то расположеніе не приходилъ", какъ говоритъ Кудряшъ.—Когда нужно расплачиваться, онъ нарочно старается разсердить себя, чтобы накричать на человѣка просящаго денегъ.

Другъ ты мнѣ (объясняетъ свой нравъ онъ самъ), и я тебѣ долженъ отдать, а приди ты у меня просить — обругаю. Я отдать — отдамъ, а обругаю. Потому только заикнись мнѣ о деньгахъ, у меня всю нутреннюю разжигать станетъ (250).

Онъ—„воинъ“, по опредѣленію Кабанихи и у него, по его собственнымъ словамъ, въ домѣ постоянно „война идетъ“.—Эгоизмъ Дикòго совершенно беззастѣнчивый и совершенно наивный, а потому и высказывается вполнѣ откровенно. Онъ долженъ (по нелѣпому завѣщанію бабки Бориса) отдать племяннику и племянницѣ хранящееся у него наслѣдство лишь подъ тѣмъ условіемъ, если они окажутся къ нему почтительны. Онъ пользуется подобнымъ обстоятельствомъ, заставляетъ Бориса служить себѣ даромъ, ломается надъ нимъ, и начинаетъ простодушно поговаривать: „у меня свои дѣти, за чтò я чужимъ деньги отдамъ? Черезъ это я своихъ обидѣть долженъ!“—Кулигинъ разсказываетъ, какъ однажды мужички пошли на него жаловаться городничему, что ни одного изъ нихъ путемъ не разочтетъ.

Городничій и сталъ ему говорить: „послушай, говоритъ, Савелъ Прокофьичъ, разсчитывай ты мужиковъ хорошенько! Каждый день ко мнѣ съ жалобой ходятъ“.

А онъ

потрепалъ городничаго по плечу и говоритъ: „стоитъ-ли, ваше высокоблагородіе, намъ съ вами объ такихъ пустякахъ разговаривать! Много у меня въ годъ-то народу перебываетъ; вы то поймите: не доплачу я имъ пò какой-нибудь копѣйкѣ на человѣка, а у меня изъ этого тысячи составляются, такъ оно мнѣ и хорошо!“ (218).

Всякаго Дикòй обругаетъ, ни передъ кѣмъ не остановится, — передъ однимъ человѣкомъ только онъ пасуетъ—это Кабаниха; она одна только можетъ его „разговорить“, по его выраженію. Онъ и на нее иной разъ

пытается прикрикнуть: „ну, такъ что-жь, что я воинъ! Ну, что-жь изъ этого?“ Но она умѣетъ его осадить. Когда онъ, по самодурному либерализму обругалъ странницу Ѳеклушу, Кабаниха спокойно и сурово говоритъ ему: „ну, ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня? А я тебѣ дорога!“ И Дикóй сдерживается: „постой, кума, постой! не сердись!“ проситъ онъ.—Кабаниха—представительница жизненныхъ принциповъ, крѣпка опорой на законъ, потому Савелъ Прокофьичъ и смиряется передъ ней; безудержный самодуръ, онъ, однако, вообще боится нравственнаго закона: очень интересенъ въ этомъ смыслѣ его разсказъ Кабанихѣ, какъ, говѣя о великомъ посту, изругалъ онъ мужика, пришедшаго за деньгами, „такъ изругалъ, что лучше требовать нельзя“, и какъ потомъ у этого мужика прощенья просилъ:

> Истинно тебѣ говорю (повѣствуетъ Савелъ Прокофьичъ), мужику въ ноги кланялся. Вотъ до чего меня сердце доводитъ; тутъ на дворѣ въ грязи ему и кланялся; при всѣхъ ему кланялся (250).

Само собою разумѣется, что уваженіе Дикóго къ закону чисто внѣшнее: онъ поклоняется мужику передъ исповѣдью, а потомъ мужику-же будетъ плохо.

Кабаниха (въ противоположность Дикóму)—человѣкъ твердыхъ принциповъ, но принциповъ ужасныхъ, безпощадныхъ и безчеловѣчныхъ.

> „Ханжа, сударь! (говоритъ о ней Кулигинъ Борису Григорьичу). Нищихъ одѣляетъ, а домашнихъ заѣла совсѣмъ“.

А заѣла она домашнихъ и довела до погибели, потому что особенно и дико понимаетъ два нравственныхъ закона—о почитаніи родителей и о повиновеніи жены мужу.—Дѣти, по мысли Кабанихи, должны совершенно

слѣпо, не разсуждая, исполнять родительскую волю, не имѣя собственной воли. Жена должна рабски, униженно подчиняться мужу и бояться его. — Эти законы Кабаниха не сама облекла въ такую суровую, грубую форму,— она (по смыслу драмы) наслѣдовала ихъ въ такомъ ихъ видѣ отъ старины. Она съ печалью думаетъ о новомъ времени, въ которое (боится она) рушатся прежніе порядки, и утѣшаетъ себя только тѣмъ, что ужь не увидитъ подобнаго развращенія нравовъ, не доживетъ до него:

„Молодость-то что значитъ! Смѣшно смотрѣть-то даже на нихъ. Кабы не свои, посмѣялась-бы до-сыта. Ничего-то не знаютъ, никакого порядка. Проститься-то путемъ не умѣютъ. Хорошо еще, у кого въ домѣ старшіе есть, ими домъ-то и держится, пока живы. А вѣдь тоже, глупые, на свою волю хотятъ; а выдутъ на волю-то, такъ и путаются на покоръ да смѣхъ добрымъ людямъ. Конечно, кто и пожалѣетъ, а больше все смѣются. Да не смѣяться-то нельзя, гостей позовутъ, посадить не умѣютъ, а еще, гляди, позабудутъ кого изъ родныхъ. Смѣхъ да и только! Такъ-то вотъ старина-то и выводится. Въ другой домъ и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, такъ плюнешь, да вонъ скорѣе. Что будетъ, какъ старики перемрутъ, какъ будетъ свѣтъ стоять, ужь и не знаю. Ну, да ужь хоть то хорошо, что не увижу ничего“. (III, 243).

Кабаниха страшна не столько своими убѣжденіями, сколько своею твердостью въ нихъ; она безпощадна въ карѣ за нарушеніе закона; для нея—пусть міръ погибнетъ, но да восторжествуетъ принципъ (fiat justitia—pereat mundus). — Какъ ржа желѣзо, точитъ она своего слабовольнаго сына за то, что онъ мало ее уважаетъ, что онъ жену любитъ больше чѣмъ мать, что онъ будто-бы хочетъ жить своею волей. — „Хоть-бы то-то помнили, сколько матери болѣзней отъ дѣтей переносятъ“, говоритъ она сыну.

Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажетъ, такъ, я думаю, можно бы перенести! А, какъ ты думаешь?

Кабановъ. Да когда же я, маменька, не переносилъ отъ васъ?

Кабанова. Мать стара, глупа; ну, а вы молодые люди, умные, не должны съ насъ, дураковъ и взыскивать.

Кабановъ. (вздыхая). Ахъ, ты, Господи!—Да смѣемъ-ли мы, маменька, подумать!

Кабанова. Вѣдь отъ любви родители и строги-то къ вамъ бываютъ, отъ любви васъ и бранятъ-то, все думаютъ добру научить. Ну, а это нынче не нравится. И пойдутъ дѣтки-то по людямъ славить, что мать ворчунья, что мать проходу не даетъ, со свѣту сживаетъ. А, сохрани Господи, какимъ-нибудь словомъ снохѣ не угодить, и пошелъ разговоръ, что свекровь заѣла совсѣмъ.

Кабановъ. Нешто, маменька, кто говоритъ про васъ?

Кабанова. Не слыхала, мой другъ, не слыхала, лгать не хочу. Ужъ кабы я слышала, я-бы съ тобой, мой милый, тогда не такъ заговорила.

. . . .

Кабанова. Знаю я, знаю, что вамъ не понутру мои слова, да чтожъ дѣлать-то, я вамъ не чужая, у меня объ васъ сердце болитъ. Я давно вижу, что вамъ воли хочется. Ну, что-жь, дождетесь, поживете и на волѣ, когда меня не будетъ. Вотъ ужъ тогда дѣлайте что хотите, не будетъ надъ вами старшихъ. А можетъ и меня вспомянете.

Кабановъ. Да мы объ васъ, маменька, денно и нощно Бога молимъ, чтобы вамъ, маменька, Богъ далъ здоровья и всякаго благополучія и въ дѣлахъ успѣху.

Кабанова. Ну, полно, перестань, пожалуйста. Можетъ быть ты и любилъ мать, пока былъ холостой. До меня-ли тебѣ: у тебя жена молодая. (221, 223).

Особенно тяжело достается жизнь Катеринѣ: попробуетъ она сказать слово за мужа: „Тихонъ тебя любитъ, матушка“, — Кабаниха рѣзко и ядовито останавливаетъ ее:

Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашиваютъ. Не заступайся, матушка, не обижу, небось! Вѣдь онъ мнѣ тоже сынъ; ты этого не забывай! (222).

Скажетъ она, что любитъ мужа,—свекровь выразитъ сомнѣніе въ этомъ, а также мысль, что надо, коли „въ законѣ живете", не любить, а бояться мужа. Бросится она, прощаясь, на шею Тихону, — ее остановятъ съ негодующей насмѣшкой и скажутъ, что она не любовница, чтобы на шею вѣшаться, а жена, и должна мужу кланяться въ ноги. Уѣзжающему сыну Кабаниха велитъ надавать женѣ оскорбительныхъ наказовъ: чтобъ не грубила свекрови и почитала ее какъ родную мать, чтобъ въ окна глазъ не пялила, чтобъ на молодыхъ парней не заглядывалась. Противъ послѣднихъ приказаній возмущается самъ Тихонъ... но Кабаниха тверда въ своемъ словѣ:

> Ломаться-то нечего (говоритъ она). Долженъ исполнять, что мать говоритъ. (Съ улыбкой). Оно все лучше, какъ приказано-то. (239).

Катерину упрекаютъ, что она во время проводовъ не выла на крыльцѣ часа полтора. На слова ея: „не къ чему! да и не умѣю", Кабаниха замѣчаетъ:

> Хитрость-то не великая. Кабы любила, такъ-бы выучилась. Коли порядкомъ не умѣешь, ты хоть-бы примѣръ-то этотъ сдѣлала; все-таки пристойнѣе; а то видно, на словахъ-то только... (243).

Но во всей силѣ безпощадная суровость Кабанихи проявляется тогда, когда Катерина созналась въ своемъ проступкѣ.

> „Что, сынокъ! (говоритъ старуха въ злобномъ торжествѣ). Куда воля-то ведетъ! Говорила я, такъ ты слушать не хотѣлъ. Вотъ и дождался!" (273).

Катерина невыразимо мучится; Кабанову жаль ея, онъ ей сострадаетъ; а мать злобно учитъ его, что жалѣть нечего, что „ее надо живую въ землю закопать,

чтобъ она казнилась!“—Кулигинъ уговариваетъ Тихона простить жену, не попомнить зла и на Борисѣ: „врагамъ-то прощать надо, сударь!“—„Поди-ка поговори съ маменькой (отвѣчаетъ Кабановъ), что она тебѣ на это скажетъ“. Кабаниха отмѣнила, въ ревности къ своимъ законамъ, законы Евангельской любви и милосердія.—Когда Катерина ушла изъ дому, и Тихонъ боится—не убилась ли она, Кабаниха иронически замѣчаетъ: „А ты ужь испугался, расплакался! Есть о чемъ“. Она не пускаетъ сына бѣжать на помощь бросившейся въ воду женщинѣ; а когда онъ рвется—грозитъ проклясть его.—„Полно! объ ней и плакать-то грѣхъ!“ говоритъ она, грозно и безсердечно, рыдающему надъ трупомъ Катерины Тихону.—Такою отталкивающею суровостью вѣетъ отъ мрачнаго образа Кабанихи, что зрители драмы чувствуютъ къ ней невольное негодованіе. Многіе помнятъ, вѣроятно, какъ иногда публика Александринскаго театра того времени, когда Кабаниху играла Линская, тахъ художественно воспроизводившая типъ Островскаго, не вызывала любимую артистку, инстинктивно перенося на геніальную исполнительницу вражду къ изображаемой ею личности.

Справедливость требуетъ сказать, что есть одна и свѣтлая черта въ характерѣ старухи Кабановой, это—любовь къ дочери.—„Я со двора пойду!“ заявляетъ Варвара.

„А мнѣ что! (ласково отвѣчаетъ суровая мать). Поди! Гуляй, пока твоя пора придетъ. Еще насидишься!“ (244).

Если Дикой и Кабаниха могутъ быть названы самодурами въ томъ смыслѣ, какъ понималъ это слово Добролюбовъ, то и *Тихонъ Кабановъ* можетъ быть по справедливости названъ личностью забитой и приниженной.

Онъ не имѣетъ собственной воли и собственной мысли. „Да какъ-же я могу, маменька, васъ ослушаться!" „Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Гдѣ ужь мнѣ своей волей жить!"—только такого рода рѣчи и слышитъ отъ него мать. Она, конечно, одобряетъ его за это; но, какъ обыкновенно бываетъ съ подобнаго рода людьми, она сама же его и не уважаетъ. Она называетъ его дуракомъ; она презрительно говоритъ ему:

Что ты сиротой-то прикидываешься! Что ты нюни-то распустилъ? Ну, какой ты мужъ? Посмотри ты на себя! (223).

И сестра Варвара его не уважаетъ.—Тихонъ человѣкъ добрый и въ-сущности не дурной; онъ любитъ посвоему жену, онъ вѣритъ ей; онъ вовсе не хочетъ, чтобы жена его боялась. Но въ душѣ его нѣтъ настолько любви, чтобы защитить бѣдную женщину отъ оскорбленій, и онъ самъ наноситъ ей оскорбленія по приказанію матери. Собственная воля и возможность загулять на свободѣ, безъ присмотра, для него дороже всего. Онъ упрекаетъ жену за то, что мать точила его попреками; онъ откровенно говоритъ Катеринѣ, что радъ вырваться изъ дому, что онѣ съ маменькой его „заѣздили". Онъ самъ, глупо и слѣпо, губитъ и жену, и себя, и возможность своего счастья.—Катерина, боясь своихъ порывовъ, проситъ его взять ее съ собою; онъ отказывается.— „Да неужели-же ты разлюбилъ меня?" спрашиваетъ бѣдная женщина.

Да не разлюбилъ (отвѣчаетъ онъ); а съ этакой-то неволи отъ какой хочешь красавицы жены убѣжишь! Ты подумай то: какой ни на есть, а я, все-таки, мужчина; всю жизнь вотъ этакъ жить, какъ ты видишь, такъ убѣжишь и отъ жены. Да какъ знаю я теперича, что недѣли двѣ никакой грозы надо мной не будетъ, кандаловъ этихъ на ногахъ нѣтъ, такъ до жены-ли мнѣ?

Какъ-же мнѣ любить-то тебя, когда ты такія слова говоришь? (скорбно восклицаетъ Катерина). (241).

У Тихона есть сердце: когда Катерина при свекрови начинаетъ каяться, разсказывать свой проступокъ,—онъ пытается остановить ее, чтобы скрыть дѣло отъ безпощадной матери. Онъ сострадаетъ потомъ мученьямъ жены... Но онъ все-таки дѣлаетъ то, что приказываетъ мать: онъ бьетъ Катерину по ея повелѣнію. Не имѣя собственной мысли, онъ, напиваясь съ горя, настраиваетъ себя нарочно на враждебныя чувства, согласно съ воззрѣніями матери.—Человѣкъ совѣсти и чувства побѣждаетъ въ немъ слѣпо-покорнаго сына лишь тогда, когда Катерина покончила съ собою. „Маменька, вы ее погубили! вы, вы, вы“... Но этотъ протестъ—уже поздній протестъ и ненужный; да едва-ли онъ и прочный. Можетъ быть Кабаниха и права, говоря съ увѣренностью въ отвѣтъ ему: „Ну, я съ тобой дома поговорю!“

Такова одна стихія жизни, изображенная въ „Грозѣ“,—стихія самодурнаго гнета сильныхъ надъ слабыми, унизительнаго и позорнаго приниженія слабыхъ.

Другая стихія—болѣе отрадная, даже привлекательная,—это веселье, радостный праздникъ молодой жизни. Представителями этого начала въ драмѣ являются Варвара и Кудряшъ. Удивительно сильное, поэтическое, неотразимое впечатлѣніе производитъ на зрителя сцена третьяго акта „Грозы“, чудная сцена свиданія въ оврагѣ на Волгѣ.

Кудряшъ человѣкъ бойкій, ловкій, умный. Онъ сдержанъ, и съ нѣкоторой пренебрежительной удалью относится къ нѣжнымъ проявленіямъ чувства: Кулигинъ указываетъ ему на красоту волжской природы: „Видъ необыкновенный! Красота! Душа радуется“. „Нештò“, съ полу-напускнымъ, полу-искреннимъ равнодушіемъ отвѣчаетъ Кудряшъ.—„Ты что-жь такъ долго? Ждать васъ еще! Знаешь, что не люблю!“ такими словами встрѣ-

чаетъ онъ на свиданіи Варвару. — Но въ душѣ его есть чувство, и чувство сильное; заподозривъ Бориса въ ухаживаніи за Варварой, онъ говоритъ съ порывомъ негодованія:

Чужихъ не трогай! У насъ такъ не водится, а то парни ноги переломаютъ. Я за свою... да я и не знаю, что сдѣлаю! Горло перерву! (255).

Сильна въ душѣ Кудряша и совѣсть: узнавъ, что Борисъ полюбилъ замужнюю, онъ говоритъ, побуждаемый чувствомъ человѣколюбія и жалости:

„Эхъ... бросить надоть!... вѣдь, это, значитъ, вы ее совсѣмъ губить хотите, Борисъ Григорьичъ... вѣдь здѣсь какой народъ, сами знаете. Съѣдятъ, въ гробъ вколотятъ“. (256).

Варвара похожа на Кудряша: такая-же бойкая, смѣлая, веселая. Душа у нея добрая и простая. Она понимаетъ, что Катеринѣ тяжело въ ихъ семьѣ, она сочувствуетъ невѣсткѣ, понимаетъ, что та не можетъ любить Тихона. Она заступается за Катерину и всячески выгораживаетъ ее изъ бѣды. Но, живая и смѣлая, она не можетъ подняться на ту нравственную высоту, на которой стоитъ Катерина. Устраивая для послѣдней свиданія съ Борисомъ, она и не подозрѣвала, какія душевныя муки готовитъ бѣдной женщинѣ. — По ея понятію, жизнь такъ проста. „По моему (говоритъ она): дѣлай что хочешь, только-бы шито да крыто было“. Безъ обмана нельзя, учитъ она Катерину:

Ты вспомни, гдѣ ты живешь! У насъ вѣдь весь домъ на томъ держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало.

Она примирилась съ ложью, и не можетъ понять, что не всѣ могутъ примириться.

И вотъ среди этихъ разнородныхъ стихій народной

дѣйствительности появляется энергическая, благородная личность молодой женщины *Катерины*.—Она не можетъ подчиниться самодурному гнету и принизиться; она не можетъ пойти и на сдѣлки съ совѣстью, вступить на дорогу лжи. И она гибнетъ.

Поэтическій образъ Катерины—несомнѣнно одинъ изъ важнѣйшихъ образовъ не только творчества Островскаго, но и всей русской литературы.

Личность даровитая, впечатлительная и сильная духомъ, Катерина выросла подъ вліяніями важнѣйшихъ явленій русской жизни и подъ впечатлѣніями широкой и могучей волжской природы.—Рѣзвый ребенокъ, любимое дитя въ родной семьѣ, она жила дома „ни объ чемъ не тужила, точно птичка на волѣ“, мать въ ней „души не чаяла“. Весело было на сердцѣ у живой и чуткой дѣвочки. Вставши рано утромъ, умывшись на ключикѣ и поливши свои любимые цвѣты, отправлялась Катерина съ матерью въ церковь. Домъ ихъ былъ старинный благочестивый домъ; онъ всегда былъ полонъ странницъ да богомолокъ; эти странницы повѣствовали, когда домашніе сидѣли за работой (а работали больше золотомъ по бархату), повѣствовали—гдѣ онѣ были, въ какихъ святыхъ мѣстахъ, разсказывали житія свѣтыхъ, пѣли духовные стихи. Потомъ всѣмъ домомъ шли къ вечернѣ; потомъ Катерина гуляла по саду, „а вечеромъ опять разсказы да пѣніе“.—Катерина любила молиться, молилась съ любовью и вдохновеніемъ; въ храмѣ она чувствовала себя какъ въ раю,—не помнила времени, никого не видѣла, только мечтались ей Ангелы, слѣдила она своей фантазіей за ихъ полетомъ и пѣніемъ въ столбѣ свѣта, идущаго внизъ храма изъ оконъ купола. Божія міръ, утро въ саду, восходъ солнца вызывали въ душѣ ея религіозное умиленіе, слезы восторга, чистую

безпредметную молитву. И снились ей чудные и чистые сны: храмы золотые, деревья и горы, какими она видѣла ихъ на иконахъ; слышалось ей райское пѣніе, и летала она во снѣ по воздуху, легкая и просвѣтленная.

Религіозныя впечатлѣнія возвышенно настроили душу молодой дѣвушки, и остались въ ней на всю жизнь. Выйдя замужъ, Катерина такъ-же восторженно любитъ церковь и молитву.

„Ахъ, Кудряшъ, какъ она молится, кабы ты посмотрѣлъ! (говоритъ Борисъ Григорьичъ). Какая у ней на лицѣ улыбка ангельская, а отъ лица-то какъ будто свѣтится". (256—257).

Сохранилась на всю жизнь въ душѣ Катерины и свѣтлая, парящая къ небу мечтательность:

отчего люди не летаютъ такъ, какъ птицы? (говоритъ она своей золовкѣ Варварѣ). Знаешь мнѣ иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горѣ, такъ тебя и тянетъ летѣть. Вотъ такъ-бы разбѣжалась, подняла руки и полетѣла. Попробовать нешто теперь? (Хочетъ бѣжать).

Душа Катерины пылкая и энергическая.

„Такая ужь я зародилась горячая! (говоритъ молодая женщина). Я еще лѣтъ шести была, не больше, такъ что сдѣлала. Обидѣли меня чѣмъ-то дома, а дѣло было къ вечеру, ужь темно, я выбѣжала на Волгу, сѣла въ лодку, да и отпихнула ее отъ берега. На другое утро ужь нашли, верстъ за десять!" (234).

Сила духа, непокоряющееся гнету благородное упорство не покидаютъ Катерину до смерти; насиліе встрѣчаетъ съ ея стороны горячій, огненный протестъ; Катерину нельзя принизить, сдѣлать безотвѣтной и безмолвной. Когда Варвара удивляется, что она какая-то мудрёная—не хочетъ жить и поступать такъ, чтобы все было шито да крыто, Катерина говоритъ ей:

Не хочу я такъ. Да и что хорошаго! Ужь я лучше буду терпѣть пока терпится.

— А не стерпится, что-жь ты сдѣлаешь? (спрашиваетъ Варвара).

Что я сдѣлаю?

— Да, что сдѣлаешь?

Что мнѣ только захочется, то и сдѣлаю.

— Сдѣлай, попробуй, такъ тебя здѣсь заѣдятъ.

А что мнѣ. Я уйду, да и была такова.

— Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

— Эхъ, Варя, не знаешь ты моего характеру! Конечно, не дай Богъ этому случиться! А ужь коли очень мнѣ здѣсь опостынетъ, такъ не удержутъ меня никакою силой. Въ окно выброшусь, въ Волгу кинусь. Не хочу здѣсь жить, такъ не стану, хоть ты меня рѣжь! (236—237),

Идеализмъ религіозныхъ вѣрованій и чистой возвышенной мечтательности высоко поднялъ душу Катерины надъ пошлостью и порокомъ жизни; для нея невозможны сдѣлки съ совѣстью; серьезно, съ благовѣйнымъ уваженіемъ смотритъ Катерина на то, что признаетъ нравственнымъ закономъ.

Она вышла замужъ еще почти ребенкомъ, не понимая, можетъ быть, значенія брака, не зная человѣка, который сталъ ея мужемъ. (Здѣсь, замѣтимъ мимоходомъ, представляется намъ въ драмѣ нѣкоторая неясность: почему родные, такъ повидимому любившіе Катерину, выдали ее въ семью Кабановыхъ? почему такъ поспѣшили выдать ее замужъ? Или Катерина рано осталась сиротою? можетъ быть на это послѣднее предположеніе намекаетъ то обстоятельство, что въ тяжелыя минуты жизни она не ищетъ отрады и помощи въ своей прежней семьѣ. Поэтъ, къ сожалѣнію, оставилъ все это въ драмѣ неяснымъ).

Въ мужѣ Катерина не нашла, конечно, (мы знаемъ, что за человѣкъ Кабановъ), не нашла любящаго сердца, которое бы отвѣтило ея душевнымъ требованіямъ, кото-

рому она могла бы отдать свое сердце.—А между тѣмъ юность дѣлала дѣло: Катеринѣ хотѣлось любви, счастья— и она полюбила чужаго человѣка. Она испугалась этого чувства.

Охъ, дѣвушка (говоритъ она Варварѣ), что-то со мной недоброе дѣлается, чудо какое-то. Никогда со мной этого не было. Что-то во мнѣ такое необыкновенное. Точтно я снова жить начинаю или... ужь и не знаю... быть грѣху какому-нибудь! Такой на меня страхъ, такой-то на меня страхъ! Точно я стою надъ пропастью и меня кто-то туда толкаетъ, а удержаться мнѣ не за что.

Ночью, Варя, не спится мнѣ, все мерещится шепотъ какой-то: кто-то такъ ласково говоритъ со мной, точно голубитъ меня, точно голубь воркуетъ. Ужь не снятся мнѣ, Варя, какъ прежде, райскія деревья, да горы; а точно меня кто-то обнимаетъ такъ горячо-горячо, и ведетъ меня куда-то, и я иду за нимъ, иду...

Сдѣлается мнѣ такъ душно, такъ душно дома, что бѣжала-бы. И такая мысль придетъ на меня, что кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волгѣ, на лодкѣ, съ пѣснями, либо на тройкѣ на хорошей, обнявшись... (228—229).

Признать свою любовь правдой Катерина не можетъ, потому что она хочетъ быть вѣрной, и дѣйствительно вѣрна нравственнымъ законамъ окружающаго ее быта. Чувство свое она считаетъ и называетъ грѣхомъ:

„Вѣдь это не хорошо (говоритъ она), вѣдь это страшный грѣхъ, Варенька, что я другаго люблю!“ (229).

Катерина хочетъ быть не только въ мирѣ со свекровью, она хочетъ любить Кабаниху дочерней любовью:

Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты,

говоритъ она искренно и правдиво.

И такъ-же искренно и правдиво, хочетъ она жить съ мужемъ въ любви и совѣтѣ, быть ему вѣрной женою. Она въ немъ ищетъ опоры противъ своего чувства къ Борису Григорьичу.

Тиша, не уѣзжай! (проситъ бѣдная женщина, уже сознавшая возникающую въ сердцѣ незаконную любовь). Ради Бога, не уѣзжай! Голубчикъ, прошу я тебя!

А когда Тихонъ говоритъ ей, что нельзя не ѣхать, коли маменька посылаетъ, она проситъ:

Ну, бери меня съ собой, бери!...

Тиша, голубчикъ, кабы ты остался, либо взялъ меня съ собой, какъ-бы я тебя любила, какъ-бы я тебя голубила, моего милаго!

Она высказываетъ ему свои опасенія, что безъ него— „быть бѣдѣ, быть бѣдѣ!“ Она, наконецъ, проситъ его взять съ нея „какую-нибудь клятву страшную...“ И на его глупыя отнѣкиванія отъ всѣхъ ея просьбъ, отъ всѣхъ попытокъ спасти себя и его, отвѣчаетъ изъ души вырвавшимся крикомъ тоски:

Успокой ты мою душу, сдѣлай такую милость для меня! (242).

Потомъ, когда Тихонъ не внялъ ея мольбамъ и уѣхалъ, она все еще не теряетъ надежды остаться вѣрной закону.—Она жалѣетъ о томъ, что у нея дѣтей нѣтъ,— они бы спасли ее:

Эко горе! Дѣтокъ-то у меня нѣтъ: все-бы я и сидѣла съ ними да забавляла ихъ. Люблю очень съ дѣтьми разговаривать,—ангелы вѣдь это. (244).

У нея является даже мечта о чужихъ дѣтяхъ: „хоть-бы дѣти чьи-нибудь!“ говоритъ она. Но мечта эта, конечно, мимолетна, ибо не можетъ-же Катерина распоряжаться въ домѣ Кабанихи и взять къ себѣ пріемышей.—Она хватается тогда за мысль о работѣ на бѣдныхъ, по обѣщанію:

пойду (говоритъ она) въ гостиный дворъ, куплю холста да и буду шить бѣлье, а потомъ раздамъ бѣднымъ. Они за меня Бога помолятъ. Вотъ и засядемъ шить съ Варварой, и не увидимъ, какъ время пройдетъ; а тутъ Тиша пріѣдетъ.

Но чистымъ мечтамъ и намѣреніямъ Катерины не суждено сбыться. Она протягиваетъ руки къ окружающимъ ее людямъ и хочетъ смирить свои порывы,—а ее отталкиваютъ, грубо и безсердечно. Свекровь ее, въ отвѣтъ на уваженіе и готовность любить, поѣдомъ ѣстъ. Мужъ говоритъ:

Я не чаю, какъ вырваться-то, а ты еше навязываешься со мной...

Да какъ знаю я теперича, что недѣли двѣ никакой грозы надо мной не будетъ, кандаловъ этихъ на ногахъ нѣтъ, такъ до жены-ли мнѣ?

„Какъ-же мнѣ любить-то тебя, когда ты такія слова говоришь?“ скорбно замѣчаетъ ему Катерина.—А свекровь она невольно начинаетъ ненавидѣть:

Не говори ты мнѣ объ ней, не тирань ты моего сердца! (проситъ она Тихона).

И вотъ, оставленная на произволъ судьбы, безъ поддержки и сочувствія, Катерина, наталкиваемая на грѣхъ единственнымъ хоть сколько-нибудь ее жалѣющимъ, если не любящимъ человѣкомъ, Варварой, предается своему чувству къ Борису, предается всей душою, искренно и горячо. „Мнѣ хоть умереть—да увидѣть его?“ восклицаетъ она, и назначаетъ Борису свиданіе; а на свиданіи говоритъ ему, кидаясь на шею:

Твоя теперь воля надо мной, развѣ ты не видишь! (259).

Но сближеніе съ любимымъ человѣкомъ приноситъ ей не счастье, а горе и муки. И не утишить ей этихъ мукъ никакими оправданіями, никакими соображеніями вродѣ того, что

въ неволѣ-то кому весело! Мало-ли что въ голову придетъ... Долго-ли въ бѣду попасть!.. А горька неволя, охъ, какъ горька! (245).

Въ самую минуту свиданія она мучится тяжелою внутреннею борьбою:

> Зачѣмъ ты пришелъ? Зачѣмъ ты пришелъ, погубитель мой? (говоритъ она Борису). Вѣдь я замужемъ, вѣдь мнѣ съ мужемъ жить до гробовой доски . . . . пойми ты меня, врагъ ты мой: вѣдь, до гробовой доски!

Счастливая взаимностью, она желаетъ въ то-же время смерти. Говоря Борису: „коли я для тебя грѣха не побоялась, побоюсь ли я людскаго суда?“, она, однако, болѣзненно, мучительно желаетъ этого суда, какъ своего спасенія:

> говорятъ, даже легче бываетъ (разсуждаетъ Катерина), когда за какой-нибудь грѣхъ здѣсь, на землѣ, натерпишься.

Муки бѣдной женщины происходятъ, во 1-хъ, оттого, что она грѣхомъ считаетъ самое свое чувство: „ты меня загубилъ... загубилъ, загубилъ“. говоритъ она Борису; во 2-хъ, оттого, что правдивая натура ея не выноситъ лжи и обмана.

> Обманывать-то я не умѣю; скрыть-то ничего не могу,

искренно и просто заявляетъ она Варварѣ; и дѣйствительно, когра возвращается Тихонъ, она становится сама не своя:

> Дрожитъ вся, точно ее лихорадка бьетъ; блѣдная. . . . мечется по дому, точно чего ищетъ... На мужа не смѣетъ глазъ поднять. (265).

Варвара боится, что она бросится мужу въ ноги и все откроетъ. Такъ и случается.—Въ угрожающихъ словахъ сумасшедшей барыни, въ раскатахъ грома, въ картинѣ геенны огненной—Катерина слышитъ упреки совѣсти, грозящей наказаніемъ въ загробномъ мірѣ за радости земнаго счастья. И она бросается къ мужу—и, при свекрови, при народѣ, все открываетъ ему.

Это вторичная, уже безсознательная, попытка Катерины примириться съ окружающимъ ее міромъ... Еслибы этотъ міръ великодушно простилъ ее и принялъ, она бы всей душой привязалась къ мужу и энергіей воли подавила свои личные порывы. Кулигинъ, имѣющій въ піесѣ зняченіе хора,голоса народнаго, не даромъ говоритъ Кабанову:

> Вы бы простили ей, да и не поминали никогда... Она бы вамъ, сударь, была хорошая жена; гляди—лучше всякой. (275).

Но у Дикихъ и Кабановыхъ нѣтъ великодушія — и мѣра терпѣнія и страданія переполняется: домъ опостылѣлъ Катеринѣ на-вѣки, опостылѣла жизнь и потеряла для нея всякій смыслъ,

> Ночи, ночи мнѣ тяжелы! (говоритъ она). Всѣ пойдутъ спать и я пойду; всѣмъ ничего, а мнѣ какъ въ могилу. Такъ страшно въ потемкахъ!.. Ничего мнѣ не надо, ничего мнѣ не мило, и свѣтъ Божій не милъ!

Въ мечтательномъ забытьи уходитъ она изъ дома. Она великодушно жалѣетъ Бориса:

> За что я его въ бѣду ввела? Вѣдь мнѣ не легче отъ того! Погибать бы мнѣ одной! А то себя погубила, его погубила, себѣ безчестье—ему вѣчный покоръ. (277).

Она жалѣетъ, что ныньче не убиваютъ преступниковъ, что ее не бросятъ, за обманъ и измѣну, въ Волгу. Въ спокойствіи отчаянія говоритъ она:

> Еще кабы съ нимъ жить, можетъ быть радость-бы какую нибудь я и видѣла... Что-жь, ужь все равно, ужъ душу свою, вѣдь я погубила.

Но еще не совсѣмъ изнемогъ духъ бѣдной женщины: она еще хочетъ видѣть Бориса, она еще на него возлагаетъ нѣкоторыя надежды:

> „Возьми меня съ собой отсюда!“

просить она его, какъ прежде просила мужа. И какъ прежде мужъ, такъ теперь Борисъ, тоже приниженный и безвольный человѣкъ (хоть и въ болѣе образованныхъ и мягкихъ формахъ), отказываетъ ей:

„Нельзя мнѣ, Катя; не по своей я волѣ ѣду; дядя посылаетъ, ужь и лошади готовы“... и т. д.

Это — послѣдняя капля, переполняющая чашу: для Катерины больше нѣтъ въ жизни никакой опоры — и не нужно ей больше жизни.

Въ кроткомъ сердце ея не возникаетъ злаго чувства противъ человѣка, невольно обманувшаго ея надежды. „Поѣзжай съ Богомъ; не тужи обо мнѣ“, проситъ она Бориса. И съ этой минуты всѣ мысли ея сосредоточиваются на смерти и на могилѣ. Все земное отъ нея отстранилось, — и къ ней вернулась ея прежняя, чистая мечтательность съ возвышеннымъ религіознымъ оттѣнкомъ. Она не можетъ идти въ домъ, вернуться къ жизни: ей все тамъ противно.

Умереть бы теперь! (мечтаетъ она)... Все равно, что смерть придетъ, что сама... а жить нельзя!... Грѣхъ! Молиться не будутъ? Кто любитъ, тотъ будетъ молиться...

Въ могилѣ лучше... Подъ деревцомъ могилушка... какъ хорошо! — Солнышко ее грѣетъ, дождичкомъ ее мочитъ... весной на ней травка выростетъ, мягкая такая... птицы прилетятъ на дерево будутъ пѣть, дѣтей выведутъ; цвѣточки расцвѣтутъ: желтенькіе красненькіе, голубенькіе..; всякіе... всякіе... Такъ тихо, такъ хорошо?... А объ жизни и думать не хочется. Опять жить? Нѣтъ, нѣтъ, не надо... не хорошо!

И она уходитъ изъ жизни, уходитъ спокойно, на вѣки, въ глубокій омутъ Волги.

Энергическая, сильная личность рвалась къ правдѣ, къ жизни, къ счастью; хотѣла мира и любви со всѣми. Но въ суровой, самодурной средѣ она не нашла себѣ

не только сочувствія и отзыва, а даже терпимости. Правдивая и честная столько-же, сколько сильная, Катерина не могла пойти и на сдѣлку, не могла хитрить и обманывать, и такимъ путемъ завоевывать себѣ возможность жить и любить.—Быть задавленной и приниженной, или лгать и притворяться — Катерина не могла остановиться ни на одномъ изъ этихъ подводныхъ камней,—и предпочла умереть.

Скорбный конецъ этой молодой и многообѣщавшей жизни, есть выраженіе глубокихъ сомнѣній поэта въ нравственной и умственной самостоятельности того быта, который онъ до сихъ поръ, т. е. до „Грозы“, изображалъ преимущественно съ его свѣтлыхъ сторонъ.

Образъ *Кулигина* подтверждаетъ такой выводъ. Умный самоучка, съ живымъ сердцемъ и поэтическимъ чутьемъ, служитъ въ піесѣ выразителемъ сокровенныхъ народныхъ идеаловъ; его въ то-же время коснулось вѣяніе истинной цивилизаціи; и потому онъ понимаетъ окружающій его мракъ, и является судьею жизни. Онъ сурово осуждаетъ изображенную въ драмѣ среду. Мы видѣли его разсужденія о дикости нравовъ обывателей Калинова. Закончимъ разборъ „Грозы“ его приговоромъ надъ ихъ нравственной черствостью. Кладя на землю трупъ утопленицы-страдалицы, онъ говоритъ:

„Вотъ вамъ ваша Катерина. Дѣлайте съ ней что, хотите! Тѣло ея здѣсь, возьмите его; а душа теперь не ваша: она теперь передъ Судіей, который милосерднѣе васъ!“

ГЛАВА VII.

„Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ". — „Воспитанница".

Какъ въ „Грозѣ" погибаетъ энергическая женская личность, задыхаясь безъ нравственнаго свѣта и воздуха, такъ въ драмѣ *„Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ"* обречена гибели сильная мужская личность.— Женщина принижена и безвольна въ мірѣ Дикихъ и Кабановыхъ; но недостатокъ свѣта и воздуха направляетъ на ложный путь и самобытнаго, свободнаго Льва Краснова.

„Грѣхъ да бѣда" по силѣ художественнаго творчества—одно изъ высшихъ созданій Островскаго. Съ удивительнымъ искусствомъ сгруппировалъ поэтъ вокругъ своего героя представителей двухъ міровъ: барско-чиновничьяго съ одной стороны, народнаго купеческаго— съ другой.

Трудно сказать—кто хуже: легковѣсный юноша помѣщикъ Бабаевъ или тяжелый самодуръ лавочникъ Курицынъ.

Сынъ богатой помѣщицы, весело и безпечно, безъ думы и книги, прожившей жизнь, Валентинъ Павлычъ *Бабаевъ* воспитанъ былъ въ легкомысленной атмосферѣ, выросъ среди дворовыхъ дѣвушекъ, съ ранней юности

привыкъ къ пошлымъ интрижкамъ. Онъ человѣкъ не злой,—на вопросъ Зайчихи: „а что, хорошъ-ли онъ для людей-то?“ крѣпостной слуга Карпъ говоритъ: „ничего, хорошъ“. Но уважать достоинство человѣка, достоинство и честь женщины, серьезно смотрѣть на жизнь онъ не можетъ. Застрявши въ маленькомъ городкѣ на нѣсколько дней, онъ скучаетъ и мечтаетъ объ легкой интрижкѣ.

Повадился больно! Все у него интрижки на умѣ! (говоритъ Карпъ)... Живу я теперича съ нимъ въ Петербургѣ, какихъ только я дѣловъ навидѣлся. Грѣхъ одинъ! (IV, 6).

Встрѣча съ Таней Красновой, за которой, еще дѣвушкой, онъ ухаживалъ нѣкогда въ домѣ матери, очень его радуетъ. Ему нѣсколько неловко, что у Тани есть мужъ; но Лукерья Даниловна Жмигулина, прекрасно знающая его нравъ и привычки, и вошедшая во вкусъ этихъ милыхъ привычекъ, сейчасъ-же его успокаиваетъ:

Скажите, пожалуйста! Вы, кажется, были прежде совсѣмъ другихъ правиловъ насчетъ этого. Не очень на мужей-то смотрѣли, что имъ нравится, что нѣтъ. (12).

И Бабаевъ начинаетъ волочиться за Таней.

Я опять ее увижу (весело мечтаетъ онъ)... Такая была она миленькая, нѣжненькая. Другіе говорили, что она немножко простенькая. Развѣ это порокъ въ женщинахъ? (13).

Таня, обрадовавшаяся тоже встрѣчѣ съ нѣкогда нравившимся ей человѣкомъ, проситъ его, чтобы отношенія между ними остались дружески-чистыми. Онъ, не придавая ни ей самой, ни ея словамъ никакого значенія, сейчасъ-же соглашается, но потомъ преспокойно отказывается отъ своего обѣщанія.

А уговоръ?.. вчерашній. Помните, тамъ на берегу (напоминаетъ ему Таня въ отвѣтъ на его назойливость).

— Нужно очень помнить! (нагло-небрежно возражаетъ онъ). Да и не было никакого уговора.... Не хочу я знать никакихъ уговоровъ.

Онъ наивно и нагло откровененъ съ Таней,—онъ доказываетъ ей любовь свою такого рода соображеніями:

Я вѣдь не говорю тебѣ, что я никогда не видалъ женщинъ красивѣе тебя, умнѣе. Вотъ тогда ты мнѣ могла-бы прямо въ глаза сказать, что я лгу. Нѣтъ, я видѣлъ и лучше тебя, и умнѣе, только не видалъ я никогда такой миленькой, добренькой, такой простенькой женщины, какъ ты. (45).

О судьбѣ этой „простенькой“ женщины онъ нисколько не думаетъ и не хочетъ думать. „Вотъ вы лучше посовѣтуйте, какъ мнѣ всю жизнь съ мужемъ-то жить“, проситъ она; а онъ отвѣчаетъ: „ну да, какъ-же! нужно мнѣ очень!“—Ему и въ голову не приходитъ, что предметъ его легкаго развлеченія можетъ страданьемъ и даже смертью заплатить за нѣсколько весело имъ проведеннныхъ дней.—Онъ философически смотритъ на интрижки и видитъ въ нихъ даже нѣчто возвышенное и прекрасное: если нельзя поправить той бѣды, что вышли замужъ, учитъ онъ Татьяну Даниловну,

такъ можно, душенька... хоть на время усладить свое существованіе, чтобы не совсѣмъ заглохнуть въ этой пошлой жизни. (20).

Наивный эгоизмъ Бабаева, презрительно-снисходительное отношеніе къ Танѣ и къ простой русской жизни, съ высоты своего барства и европейскаго полу-просвѣщенія, комически выражены поэтомъ въ сценѣ 2-ой картины I акта, гдѣ Бабаевъ ожидаетъ на берегу рѣки свиданія. Онъ говоритъ, что ужасно не любитъ дожидаться, и что женщины вообще любятъ помучить.

„Конечно (прибавляетъ онъ), это къ Танѣ не относится: она, я думаю, рада-радехонька, что я пріѣхалъ; я говорю про женщинъ намъ равныхъ. Я думаю, онѣ мучатъ для того.... какъ-бы это сказать... а мысль совершенно оригинальная... для того, чтобы впередъ вознаградить себя за тѣ права, которыя онѣ потомъ теряютъ. Вотъ что значитъ быть среди хорошаго ландшафта, такъ сказать наединѣ съ природой! Какія прекрасныя мысли приходятъ въ голову! Если эту мысль развить, конечно, на досугѣ, въ деревнѣ, можетъ выйти миленькая повѣсть или даже комедія въ родѣ Альфредъ Мюссе. Только вѣдь у насъ не съиграютъ. Такія вещи нужно играть тонко, очень тонко; тутъ главное—букетъ". (18).

Очень комической представляется и самоувѣренная глуповатость Бабаева въ сценѣ разговора его съ Таней, когда онъ пришелъ къ ней въ домъ. Онъ, наивно не желая и подумать—о какой жизни говоритъ, спрашиваетъ Таню:

Веселитесь-ли вы здѣсь? есть ли у васъ развлеченія?

Онъ заводитъ рѣчь о хозяйствѣ, объ домашнихъ обязанностяхъ хозяйки, и снисходительно-высокомѣрно, съ легкимъ юморомъ, очень довольный собою, замѣчаетъ:

Я спрашиваю, а и самъ хорошенько не знаю, въ чемъ заключаются эти обязанности.

Вліяніе легкомысленной жизни въ домѣ помѣщицы Бабаевой сказалось въ характерахъ Татьяны Даниловны и Лукерьи Даниловны, дочерей бѣднаго приказнаго Жмигулина, семейству котораго Бабаева покровительствовала.

Особенно вошла во вкусъ легкомысленно-пошлой жизни *Лукерья Даниловна*. Это одинъ изъ наиболѣе ярко обрисованныхъ у Островскаго комическихъ типовъ.—Лукерья Даниловна свысока смотритъ на бытъ, среди котораго приходится ей съ сестрою жить. „Мы съ

простонародьемъ никогда не знались", ядовито говоритъ она зятю, намекая на его родню. Воображая, что ея коснулось образованіе, она презрительно смотритъ на все, въ чемъ, по ея мнѣнію, нѣтъ благороднаго тона. „Вамъ по благородству вашему и знать-то это низко", замѣчаетъ она Бабаеву про хозяйство и его принадлежности: тамъ употребляются

слова низкія и даже довольно грязныя, которыхъ при людяхъ воспитанныхъ никогда не говорятъ. . . . Къ хозяйству относится кухня и всякія простонародныя вещи: сковорода, сковородникъ, ухватъ. Развѣ это не низко? (35).

Лукерья Даниловна очень конфузится, разсказывая Бабаеву про замужество сестры Тани.

Въ это время (говоритъ она) посватался за Таню. . . . я просто даже стыжусь вамъ сказать. . . . Вы такъ милостиво меня принимаете, интересуетесь моей сестрой, и вдругъ этакое невѣжество съ нашей стороны!

„Что-жь дѣлать!.. чѣмъ же вы виноваты?" снисходительно ободряетъ ее къ дальнѣйшему разсказу Бабаевъ; и, скрѣпя сердце, развязная дѣвица продолжаетъ:

Но, ахъ! я право всегда такъ конфужусь этого родства, что вы себѣ представить не можете. Ну, однимъ словомъ обстоятельства наши были такія, что она принуждена были выйти за лавочника.

Интересно, Что Лукерья Даниловна въ-сущности понимаетъ, что Красновъ хорошій человѣкъ; но только нравственная точка зрѣнія на людей и жизнь кажется ей низкой и несоотвѣтствующей благородному тону, котораго она набралась въ домѣ своей благодѣтельницы.

Онъ изъ ихняго круга очень хорошій человѣкъ (разсказываетъ она Бабаеву про зятя) и очень любитъ сестру; только все, знаете закоренѣлость какая-то въ ихнемъ званіи. Какъ хотите судите, а все-таки онъ отъ мужика недалеко ушелъ. А ужь этой черты

характера, хоть 7 лѣтъ въ котлѣ вари, все не вывари шь. Впрочемъ, надо правду сказать, онъ для дому хозяинъ отличный: ни дня, ни ночи себѣ покою не знаетъ, все хлопочетъ да бѣгаетъ. И для сестры теперь все, что только-бы ей ни пожелалось, даже послѣднюю копѣйку готовъ отдать, только-бы ей угодить. . . только одно: обращеніе его тяжело, да вотъ еще разговоръ его насъ очень конфузитъ. Совсѣмъ, совсѣмъ не такого я Танѣ счастья ожидала. (11).

Все простое, честное, искреннее, сердечное кажется Лукерьѣ Даниловнѣ невѣжествомъ и неблагородствомъ:

Это вы очень горячи къ любви-то, а мы совсѣмъ другаго воспитанія (33),

язвитъ она зятя.—„Онъ будь тѣмъ доволенъ, что ты за него замужъ-то пошла (учитъ она сестру); а то еще вздумалъ надъ поведеніемъ наблюдать“.—Вообще нравственныя понятія и чувства у Лукерьи Даниловны не въ уваженіи. Она спокойно и самоувѣренно учитъ сестру обманывать мужа.

Нашей сестрѣ безъ хитрости никакъ жить нельзя (говоритъ она), потому мы слабый полъ, со всѣхъ сторонъ обиженный.

Ты переломи себя (продолжаетъ она), „принеси ему покорность: мужики это любятъ“; притворись, что влюблена въ него,—онъ уши-то и развѣситъ.

Я должна буду противъ сердца говорить (возражаетъ Краснова).

— Такъ что-жь за бѣда! Почемъ онъ знаетъ, что́ у тебя на сердцѣ. Нешто ему понять, что притворное обращеніе, что настоящее. Ты посмотри, послѣ такихъ твоихъ деликатностей, онъ такъ въ тебя ввѣрится, что ты хоть въ глазахъ у него амурничай, онъ и то не будетъ замѣчать (51).

Лукерья Даниловна и учитъ сестру свою „амурничать“; изъ желанія поддержать благородное знакомство съ Бабаевымъ и пустить этимъ пыли въ носъ своимъ городскимъ знакомымъ, она сводитъ сестру съ скучаю-

щимъ ловеласомъ. думая, къ тому-же, что связь Тани будетъ дѣломъ очень благороднаго тона. Довольная собою, она начинаетъ уже и фамильярничать съ Бабаевымъ:

До свиданія! (говоритъ она, уходя отъ него) Покойной ночи, пріятнаго сна! Розы рвать, жасмины поливать!. Только какой вы! Ой, ой, ой! Ну ужь молодецъ, нечего сказать! Я только смотрѣла да удивлялась. (23)

Татьяна Даниловна стоитъ нравственно гораздо выше сестры: мы видѣли, что она считала дурнымъ дѣломъ связь съ Бабаевымъ и просила его быть съ нею въ отношеніяхъ чистой дружбы.

Только голубчикъ, Валентинъ Павлычъ (умоляетъ она), если вы не хотите моего несчастія на всю мою жизнь, чтобы намъ такъ и любить другъ друга, какъ мы теперь любимъ, чтобъ вы ничего больше и не думали. А то лучше Богъ съ вами, отъ грѣха подальше... потому что я хочу въ законѣ жить.

Мы видѣли, что Татьянѣ Даниловнѣ не хочется притворяться передъ мужемъ любящей, лгать и говорить противъ сердца.

Но она недалека, слабохарактерна, нетверда въ нравственныхъ правилахъ, и потому легко подпадаетъ подъ растлѣвающее вліяніе сестры.—Она не можетъ оцѣнить мужа и его любви. Когда онъ, внѣ себя отъ восторга, повѣрилъ ея притворному чувству, она говоритъ:

Несчастная я, несчастная! Говорятъ, надо любить мужа; а какъ я могу его любить? Грубый, неотёсанный, ласки медвѣжьи! Сидитъ—ломается, какъ мужикъ.

Бабаева ставитъ она гораздо выше, потому что у него манеры благороднѣе,—и измѣняетъ нравственному долгу.

Справедливость требуетъ сказать, что ее все-таки тяготитъ обманъ:

что хорошаго обманывать-то? (говорить она Бабаеву). Да и противно; не такой у меня характеръ. (71).

Есть въ Татьянѣ Даниловнѣ и нѣкоторая честность: когда мужъ сказалъ ей, что повѣритъ ея слову—была она у барина или нѣтъ,—она не захотѣла солгать и тѣмъ спасти себя, она сказала правду.—Но правда не такъ сильна въ ней, чтобы повести къ примиренію съ нравственнымъ закономъ. Наивно, или глупо, не понимая мужа, она тутъ-же прибавляетъ: „ужь лучше вы меня оставьте, чѣмъ намъ обоимъ мучиться; лучше разойдемтесь!“

Таковъ одинъ міръ, съ которымъ соприкасается своей жизнью Левъ Красновъ, міръ барскаго и чиновничьяго полу-образованія.

Происхожденіе, родство сближаютъ Краснова съ другимъ міромъ. Передъ нами въ драмѣ типическія личности Курициныхъ, Аѳони, дѣдушки Архипа.

Курицынъ человѣкъ прямой и простой, въ то-же время самодуръ въ самомъ грубомъ и первобытномъ смыслѣ слова. На женщину вообще, а на жену въ отношеніи ея къ мужу въ особенности, смотритъ онъ презрительно.

Не трожь, пущай ихъ! Я люблю, когда бабы браниться свяжутся (30),

говоритъ онъ шурину, когда жена его завела перебранку съ невѣсткой.

Жену надо учить, бить не жалѣя, по его понятію, держать въ повиновеніи.

Балуешь ты свою жену (удивляется онъ на Льва Краснова)... Да, воля и добрую жену портитъ. А ты бы съ меня примѣръ бралъ, училъ-бы ты ее уму-разуму, такъ лучше бы дѣло-то, прочнѣй было. Спроси вотъ, какъ я твою сестру школилъ, небу жарко было (28).

И онъ разсказываетъ, какъ иногда, заспоривши съ пріятелями о томъ, у кого жена обходительнѣе, онъ приводитъ всѣхъ къ себѣ въ домъ и показываетъ результаты своей выучки, заставляя жену по первому слову: „чего моя нога хочетъ?“ кланяться въ ноги.

Вздорная и сварливая, завистливая жена его, родная сестра Льва Родіоныча, вполнѣ раздѣляетъ взгляды мужа; сгоряча да сдуру она было замѣтила на его похвальбу суровостью:

> Да ужь вы, Мануйло Калинычъ, извѣстный варваръ, кровопивецъ! Вамъ только-бы надъ женой ломаться да власть показывать, въ томъ вся ваша жизнь проходитъ (28):

но она сейчасъ-же и очувствовалась и опомнилась:

> Это я такъ къ слову только, Мануйло Калинычъ! А что, конечно, сестрица, съ нашей сестрой безъ острастки нельзя. Не даромъ говорится: жену бей, такъ щи вкуснѣй. (28—29).

Она говоритъ это вполнѣ искренно: она такъ дѣйствительно и думаетъ, что женѣ необходимо кулачное ученье мужа.—Но она вознаграждаетъ себя за терпѣніе побой своего „кровопивца“ сварами да ссорами съ тѣми, отъ кого не зависитъ. Ея первое удовольствіе обидѣть словомъ невѣстку:

> Кажется, не изъ барскаго роду взята (язвитъ она Татьяну Даниловну), а изъ приказнаго. Не велика дворянка. Козелъ да приказный—бѣсова родня. (30).

Она наговариваетъ брату на Татьяну Даниловну; выслѣживаетъ ее и открываетъ ея сношенія съ Бабаевымъ,—открываетъ на зло ей и брату, чтобъ отомстить за себя.

По душевной злобѣ она похожа нѣсколько на младшаго брата—Афоню. Но тотъ превзошелъ ее въ злобѣ.

Аѳоня и дѣдушка Архипъ—напоминаютъ намъ куз-

неца Еремку и старика Илью въ драмѣ „Не такъ живи какъ хочется“. Но только они нарисованы поэтомъ гораздо ярче, художественнѣе, жизненнѣе, нежели тѣ. Они важны въ драмѣ по ихъ вліянію на Льва Краснова, по ихъ отношеніямъ къ нему.—Обратимся прежде къ характеру самого Краснова.

Левъ Родіонычъ *Красновъ* — человѣкъ хорошій, хорошій даже по отзыву Лукерьи Даниловны. Онъ любилъ свою родную семью и, вѣрный тому, что считалъ нравственнымъ долгомъ, заботился о ней, работалъ на нее.

> Я тридцать лѣтъ для семьи бобылемъ жилъ (говоритъ онъ), до кроваго пота работалъ, да тогда только жениться-то задумалъ, когда весь домъ устроилъ. Я тридцать лѣтъ себѣ никакой радости не зналъ. (30).

Женился онъ на Татьянѣ Даниловнѣ по любви — и дѣйствительно любитъ ее, и не только любитъ, а и уважаетъ. Онъ самъ ее никогда не обидитъ и никому въ обиду не дастъ; онъ не позволитъ сказать ей неласковаго, рѣзкаго слова. Мы видѣли уже изъ словъ Лукерьи Даниловны, что Танѣ хорошо живется: мужъ сдѣлаетъ для нея все, чего-бы она ни пожелала.—Женившись. онъ готовъ для жены измѣнить образъ жизни своей: ей не нравится — и онъ совсѣмъ оставилъ вино; онъ считаетъ ее образованной и гораздо болѣе его благовоспитанной — и хотѣлъ-бы и въ этомъ сравняться съ нею:

> будь я помоложе (говоритъ онъ), я-бы для Татьяны Даниловны во всякую науку пошелъ. Я и самъ вижу, чего мнѣ не хватаетъ-съ, да ужь теперь года ушли. Душа есть-съ, а воспитанія нѣтъ-съ. А будь я воспитанъ-съ... (33).

Но и безъ воспитанія онъ уменъ, здраво смотритъ на вещи. Онъ очень недоволенъ самодурными замашками зятя своего Курицына и его совѣтами—какъ обращаться съ женой.

Ничего въ этомъ нѣтъ хорошаго, одинъ куражъ. (29).

говоритъ онъ въ отвѣтъ на разсказъ Курицына о спорѣ съ пріятелями насчетъ почтительности женъ. Онъ, защищая свою Татьяну Даниловну, ссорится съ родными, выгоняетъ даже сестру и не хочетъ знаться съ нею.

Красновъ вспыльчивъ, горячъ. Выгнавши родственниковъ за обиду жены, онъ говоритъ Татьянѣ Даниловнѣ:

Вы еще не знаете моего характера, я подчасъ самъ себѣ не радъ.

— Чтò-жъ вы сердиты, чтó-ли, очень? (спрашиваетъ она).

Не то, что сердитъ, а горячъ: себя не помню, людей не вижу въ этомъ разѣ. (32).

Но, будучи такимъ, онъ умѣетъ себя сдерживать, умѣетъ владѣть собою. Онъ не хочетъ, чтобы жена его боялась.

Страху-то мнѣ отъ васъ не больно нужно-съ (говоритъ онъ ей). А желательно-бы узнать, когда вы меня любить-то будете?

Благородный сердцемъ, онъ довѣрчивъ; до конца, до послѣдней минуты вѣритъ онъ Татьянѣ Даниловны. Съ благородной гордостью отвергаетъ онъ наговоры на нее родныхъ. Онъ не хочетъ ея знакомства съ Бабаевымъ; онъ, основательно боясь такого сближенія, не хочетъ первоначально пускать жену къ Бабаеву; но потомъ соглашается и на это, потому что вѣритъ.—Человѣкъ тревожный, горячій, чуткій, онъ не можетъ быть спокоенъ втеченіи того получаса, какъ жена у барина; но онъ сдержитъ себя и все перенесетъ.

Что-жъ дѣлать (разсуждаетъ онъ), сразу круто нельзя — вовсе отъ себя оттолкнешь. Само собою, что будетъ думаться, и то, и другое въ голову полѣзетъ. Ну, да вѣдь не разбойникъ-же онъ какой, въ самомъ дѣлѣ! Да и супруга моя, какъ собственно недавно... То-есть, врагъ я самъ себѣ да и только! Вѣдь ничего не можетъ быть дурнаго; а я думаю, да всякіе вздоры прибираю!...

Татьяна Даниловна! (вырывается изъ его сердца крикъ любви и тоски) Сохнулъ я по тебѣ, пока не взялъ за себя; вотъ а взялъ, да все сердце не на мѣстѣ. Не загуби ты парня! Грѣхъ тебѣ будетъ! (29).

Красновъ самъ не свой отъ горя, вслѣдствіе размолвки съ женой; ему и кусокъ въ горло нейдетъ. Но горе мгновенно переходитъ въ безумную радость, когда дѣдушка Архипъ началъ рѣчь о мирѣ. Одно слово жены— и Красновъ вѣритъ ей, вѣритъ вполнѣ, безъ оговорокъ и сомнѣній.—Горячими ласками отвѣчаетъ онъ на этотъ шагъ съ ея стороны:—Но этимъ еще дѣло не оканчивается. Какъ извѣстно, тотчасъ послѣ сцены обмана и притворства Татьяна Даниловна бѣжитъ, научаемая сестрою, къ барину. Страшныя сомнѣнія закрадываются, въ душу довѣрчиво любящаго человѣка, когда, вернувшись домой, онъ не застаетъ жены. А тутъ злобные наговоры родныхъ... И вотъ является она сама, виновная и смущенная. Кажется, дѣло ясно. Но сила любви Краснова такъ велика, что все одолѣваетъ. Онъ еще разъ съ вѣрой обращается къ любимой женщинѣ:

Да не мучь ты меня! Скажи ты мнѣ, какъ на тебя смотрѣть-то какими глазами? Врутъ, что-ль, они? — такъ гнать ихъ вонъ, чѣмъ ни-пóпадя. Аль, можетъ, правду говорятъ? Освободи ты мою душу отъ грѣха. Скажи ты мнѣ, кто изъ васъ врагъ-то мой? Была ты тамъ?

Въ отвѣтъ на сознаніе Татьяны Даниловны Красновъ теряется, отъ душевной боли, отъ стыда, отъ обиды, отъ жалости къ женѣ. Оправившись послѣ перваго мгновенія, онъ хочетъ доискаться совѣсти у виновной; онъ, съ тайной надеждой на возможность примиренія, допрашиваетъ ее:

Съ чего ты загуляла-то? Грѣхъ что-ли тебя попуталъ? сама ты не гадала этого надъ собой, не чаяла? Или своей охотой,

что-ли, на грѣхъ пошла? Теперь-то ты что? Сокрушаешься объ дѣлахъ своихъ, аль нѣтъ?.... Совѣстно тебѣ людей то теперь, аль весело?

Краснову страстно хочется простить жену, и онъ бы простилъ, и все забылъ великодушно, если-бы одно слово примиренія съ ея стороны, сознанія вины своей. Красновъ стоитъ въ эту минуту очень высоко нравственно; онъ очень далекъ въ этотъ мигъ отъ трагическаго исхода драмы... Но онъ не встрѣчаетъ сочувствія, отвѣта и поддержки ни со стороны жены, ни со стороны родныхъ. Сознавая фактъ преступленія, Татьяна Даниловна не признаетъ своей виновности. А Аѳоня подталкиваетъ брата подъ-руку, разжигаетъ въ немъ огонь злобы и ненависти. И благородный порывъ великодушной любви переходитъ въ порывъ вражды; съ духовной выси Красновъ падаетъ въ грязь земли: человѣкъ обращается въ звѣря,—и убійство совершено.—Какъ посмотрѣть на это дѣло? Какъ оцѣнить поступокъ и самую личность Краснова? Поэтъ даетъ въ драмѣ отвѣтъ на эти вопросы.

Тотчасъ послѣ страшнаго дѣла выступаетъ дѣдушка Архипъ—и произноситъ правдивый приговоръ надъ преступникомъ. Приговоръ этотъ—голосъ народа, выраженіе народныхъ идеальныхъ воззрѣній:

Что ты сдѣлалъ? Кто тебѣ волю далъ? Нѣшто она передъ тобой однимъ виновата? Она прежде всего передъ Богомъ виновата; а ты, гордый, самовольный человѣкъ, ты самъ своимъ судомъ судить захотѣлъ. Не захотѣлъ ты подождать милосерднаго суда Божьяго, такъ и самъ ступай теперь на судъ человѣческій! Вяжите его! (80).

Личность, сильная, но не смогшая, въ-концѣ-концовъ, сдержать своей гордости и самовольства, признана несостоятельной судомъ народной правды.

Какой-же внутренній смыслъ драмы? Прежде всего бросается въ глаза тотъ прямой смыслъ ея, что гордая

и энергическая личность, опирающаяся лишь на себя, а не на народную правду и совѣсть, этимъ самымъ идетъ ко злу и гибели,—губитъ другихъ и разрушаетъ себя.

Но за этимъ такъ сказать явнымъ смысломъ есть въ великой трагедіи и другой еще смыслъ, скрытый и тайный. Поэтъ заставляетъ насъ скорбно задуматься надъ личностью Краснова и остановиться въ тяжеломъ недоумѣніи... Личность эта прекрасная; почему же она совершаетъ роковое преступленіе? и притомъ совершаетъ внезапно, почти неожиданно. — Тутъ замѣшаны другіе люди, замѣшанъ бытъ, окружающій Краснова. Съ одной стороны—безнравственность взглядовъ Татьяны и Лукерьи Даниловны, безнравственность отношеній къ жизни ихъ, семьи, изъ которой онѣ вышли, семьи и среды Бабаевыхъ, у которыхъ онѣ воспитались; съ другой стороны — безнравственность злобныхъ чувствъ, злобной чувственной ненависти Аѳони, какъ представителя цѣлой полосы народной дѣйствительности, той полосы, къ которой принадлежитъ и Курицынъ съ женою,— вотъ тѣ прискорбныя обстоятельства, которыя подтолкнули Краснова на страшное преступленіе.—Несостоятеленъ бытъ, среди котораго пришлось жить энергической личности героя драмы, — и эта личность погибла и погубила другихъ. Будь вокругъ нея иные люди— и все было-бы иначе.

А дѣдушка *Архипъ*? Развѣ онъ съ его возвышеннымъ міровоззрѣніемъ, выразитель высшей стороны народной жизни, развѣ онъ не могъ поддержать и остановить заблуждающагося внука?—Въ драмѣ онъ произноситъ правдивый приговоръ надъ преступленіемъ. Но недаромъ онъ выступаетъ дѣятельнымъ, а не со стороны созерцающимъ лицомъ, только *послѣ* совершенія убійства. Поэтъ какъ будто хотѣлъ сказать этимъ, что нѣтъ въ дѣдушкѣ

Архипѣ, т. е. въ той струѣ народной жизни, которую онъ выражаетъ собою, нѣтъ на-столько энергіи, чтобы дѣятельно водворять правду на землѣ; дѣдушка Архипъ можетъ лишь страдательно указывать на эту правду.

Аѳоня оказался дѣятельнѣе: онъ прямо натолкнулъ брата на убійство. Чувственная и злобная стихія оказалась, по взгляду поэта, сильнѣе въ народной жизни, чѣмъ высокое религіозное начало.

Это еще раньше конца драмы сказывается въ самыхъ отношеніяхъ Аѳони и дѣдушки Архипа.

Эти два человѣка — неразлучны, всегда вмѣстѣ; а между тѣмъ они совершенно противоположны.—Дѣдушка Архипъ незлобивъ и кротокъ, и учитъ тому-же Аѳоню: оттого тебѣ и не мило все, говоритъ онъ,

> что ты сердцемъ непокоенъ. А ты гляди чаще да больше на Божій міръ, а на людей-то меньше смотри: вотъ тебѣ на сердцѣ и легче станетъ. И ночи будешь спать, и сны тебѣ хорошіе будутъ сниться. (17).

Благодушно относится старикъ къ людямъ; ему хочется, чтобы всѣ жили въ мирѣ, и съ радостью устраиваетъ онъ примиреніе Татьяны съ мужемъ.

> Хорошо, когда въ домѣ согласіе! (говоритъ онъ). Хорошо, дѣтки, хорошо! Окаянный сквозь землю, Господь по землѣ.

Не таковъ совсѣмъ Аѳоня. Онъ самъ прекрасно опредѣляетъ себя въ разговорѣ съ дѣдушкой Архипомъ:

> Какой я Божій человѣкъ! Я видалъ Божьихъ людей: они добрые, зла не помнятъ; ихъ бранятъ, дразнятъ, а они смѣются. А я дѣдушка, сердцемъ крутъ: вотъ какъ братъ-же; только братъ отходчивъ, а я нѣтъ; я, дѣдушка, злой.

Замѣчательно, что дѣдушка Архипъ его не понимаетъ; онъ думаетъ, что Аѳоня тоскуетъ не по злобѣ на людей, не изъ зависти и ненависти, а потому, что „отъ младости не возлюбилъ міра сего суетнаго“.

Міръ тебя не прельщаетъ (говоритъ онъ), соблазну ты не знаешь, и грѣха, значитъ, на тебѣ меньше. . . . тебѣ не въ чемъ будетъ каяться: ты у насъ, Аѳоня, Божій человѣкъ. (14—15).

Не понимаетъ старикъ Архипъ и другихъ людей; его обмануть легко: ему, напримѣръ, и въ голову не пришло, что Татьяна не искренно, а притворно мирится съ мужемъ.—Аѳоня гораздо проницательнѣе, лучше видитъ жизнь, глубже понимаетъ людей.—Онъ—сознательная сила, но сила злая, разрушительная; дѣдушка Архипъ—представитель правды народной; но правда его—инстинктивная, слѣпая, слабая своей безсознательностью.

И такъ, и въ драмѣ „Гроза", и въ драмѣ „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ" поэтъ, глубоко постигнiй народную жизнь, съ могучей художественной силой изобразившій ее во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, пришелъ къ скорбнымъ сомнѣніямъ въ ея достоинствѣ, въ ея нравственной состоятельности: сильные духомъ люди—Катерина, Левъ Красновъ гибнутъ, задыхаются въ окружающей ихъ средѣ.

Но въ народной жизни поэтъ, однако, видѣлъ такъ много свѣтлаго, такъ много правды, такъ близка и родна ему была эта жизнь, что онъ не могъ ея не любить. И эта любовь художника и человѣка прорывалась порой очень оригинальными параллелями, которыя возникали въ его творчествѣ. Однимъ изъ проявленій такой любви къ народному быту можно, кажется, считать написаніе почти одновременно съ „Грозою" комедіи „*Воспитанница*". Въ этихъ пьесахъ невольно напрашиваются на сравненіе два различныхъ міра—помѣщичій и купеческій, сходные между собою въ самодурствѣ.

Кабанихѣ „Грозы" соотвѣтствуетъ въ „Воспитанницѣ"—старуха Уланбекова. Тихону соотвѣтствуетъ—

Леонидъ. И въ обѣихъ пьесахъ молодая женщина гибнетъ отъ этихъ людей.

Кабаниха страшна своей суровостью и безпощадностью. Но это суровость человѣка вѣрнаго законамъ, ложно понятымъ, но все-таки законамъ. Кромѣ того она женщина честная.—Въ иномъ свѣтѣ представляется намъ *Уланбекова*. Развратная и лицемѣрная старуха, она гнететъ и давитъ всѣхъ и все вокругъ себя во имя своего совершенно безсмысленнаго произвола; кто не угодитъ ей въ мелочахъ, или не угодитъ ея фавориту лакею Гришѣ, или на кого наговоритъ приживалка злобная Василиса Перигриновна, тѣхъ она со свѣту сживетъ. Сама безнравственная, она лицемѣрно заботится о нравственности въ домѣ. И точно также лицемѣрно считаетъ она и выставляетъ себя благодѣтельницей бѣдныхъ, воспитательницей сиротъ и устроительницей ихъ судьбы. Выростивши въ домѣ дѣвушку, она потомъ выдаетъ ее замужъ за кого вздумается, кто понравится почему-либо ея капризной фантазіи. Пользуясь своей силой въ качествѣ богатой помѣщицы, она устраиваетъ насильственные браки, иногда противъ воли не только невѣсты, но и жениха; и тяжела бываетъ жизнь выданныхъ такъ дѣвушекъ. Интересны наставленія, которыя она даетъ обыкновенно выходящей замужъ воспитанницѣ (для возможности произносить подобныя наставленія она, главнымъ образомъ, и воспитываетъ дѣвушекъ и устраиваетъ ихъ судьбу).

И такое трогательное поученіе дѣлаютъ, когда замужъ отдаютъ! (разсказываетъ Потапычъ). Вы, говоритъ, жили у меня въ богатствѣ и въ роскоши и ничего не дѣлали; теперь ты выходишь за бѣднаго, и живи всю жизнь въ бѣдности, и работай, и свой долгъ исполняй. И позабудь, говорятъ, какъ ты у меня жила, потому что не для тебя я это дѣлала: я себя только тѣшила, а

ты не должна никогда объ такой жизни и думать, и всегда ты помни свое ничтожество и изъ какого ты званія. И такъ чувствительно, даже у самихъ слезки.

— „Что-жь, это хорошо", наивно глупо замѣчаетъ на этотъ разсказъ 18-лѣтній сынъ Уланбековой Леонидъ.

Не знаю, какъ сказать, сударь, (отвѣчаетъ Потапычъ). Какъ-то все скучаютъ замужествомъ-то потомъ, сохнутъ больше.

— „Отчего-же, Потапычъ, сохнутъ?" (продолжаетъ несообразительный юноша).

Должно быть несладко, коли сохнутъ. (165).

Сынъ Уланбековой *Леонидъ* возросъ въ атмосферѣ холопства, униженія, баловства. Онъ еще, по молодости, не очерствѣлъ сердцемъ окончательно, но у него уже проявляются задатки будущаго эгоистическаго самодурства. Собственное удовольствіе для него выше всего. Необдуманно и безсердечно губитъ онъ Надю, съ отчаянья отдавшуюся чувству воображаемой любви къ нему; и потомъ у него не хватаетъ совѣсти спасти бѣдную дѣвушку отъ грозящаго ей брака съ пьянымъ и безобразнымъ приказнымъ Неглигентовымъ. Василиса Перегриновна учитъ его, что дѣло сдѣлать довольно просто: надо только попросить Гришу, чтобы онъ смиловался и пошелъ къ барынѣ—просить прощенія. Но Леониду это кажется уже черезъ-чуръ унизительнымъ: онъ лучше согласенъ загубить участь Нади.

Ну, ужь это ему много чести будетъ! (говоритъ онъ про Гришу).

и потомъ безсмысленно пристаетъ къ бѣдной дѣвушкѣ съ безплоднымъ участіемъ, съ нелѣпыми вопросами и восклицаніями: „Какъ-же ты теперь думаешь?" „Да зачѣмъ же ты такъ говоришь?" „Да вѣдь онъ пьяный, скверный такой!" и т. д.

Ахъ, оставьте вы меня! Сдѣлайте милость, оставьте!... Объ одномъ я васъ прошу! оставьте меня, ради Бога! (210).

съ скорбнымъ рыданіемъ отвѣчаетъ ему загубленная Надя.

Комедія „Воспитанница“ изображаетъ намъ весь ужасъ эгоистическаго безсмысленнаго личнаго произвола. Даже впечатлѣніе „Грозы“ смягчается, если сопоставить эту послѣднюю пьесу съ „Воспитанницей“.

Такое сопоставленіе приводитъ насъ къ выводу, что въ народномъ бытѣ Островскій видѣлъ больше правды и свѣта, нежели въ мірѣ людей оторвавшихся отъ народной почвы и гордо и презрительно смотрѣвшихъ на подвластный имъ, ихъ грубой силѣ народъ.

ГЛАВА VIII.

„Бѣдная невѣста“.

„Гроза“ и „Грѣхъ да бѣда“ заканчиваютъ собою рядъ тѣхъ пьесъ Островскаго, которыя изображаютъ народный купеческій міръ такъ-сказать въ немъ самомъ, въ его обособленной, своеобразной, оригинальной жизни.— Эти пьесы, конечно, занимаютъ главное мѣсто въ первомъ періодѣ дѣятельности великаго народнаго поэта.— Но кромѣ нихъ важное значеніе въ этомъ періодѣ имѣютъ и комедіи, въ которыхъ поэтъ рисуетъ *чиновничій* міръ, тотъ міръ, который стоитъ непосредственно надъ купеческимъ и съ которымъ этому послѣднему всего чаще приходится сталкиваться. Пьесы, изображающія чиновничій бытъ, поэтъ писалъ одновременно, параллельно съ комедіями и драмами изъ быта народнаго. Такъ, вслѣдъ за „Свои люди сочтемся“ появилась „Бѣдная невѣста“; а послѣ „Саней“, „Бѣдность не порокъ“ и „Не такъ живи какъ хочется“, предшествуя „Грозѣ“, шла комедія „Доходное мѣсто“.

Въ пьесахъ изъ бюрократическаго міра Островскій остается тѣмъ-же народнымъ поэтомъ, какимъ онъ былъ въ комедіяхъ собственно-бытовыхъ, ибо міросозерцаніе его, его взглядъ на жизнь, его отношенія къ людямъ

въ этихъ его сочиненіяхъ совершенно таковы-же, какъ и въ другихъ: вполнѣ народны, спокойны и благодушны.

Въ какомъ-же освѣщеніи является чиновничій бытъ подъ творческой рукою Островскаго?

Въ чудесныхъ, высоко-поэтическихъ комедіяхъ „Бѣдная невѣста“ и „Доходное мѣсто“ передъ нами являются собственно два міра: спеціально-чиновничій, отъ людей высоко-поставленныхъ на бюрократической лѣстницѣ до мелкихъ подъячихъ и дѣльцовъ, и интеллигентный, отъ лицъ получившихъ дѣйствительно высшее образованіе до лицъ нахватавшихся верхушекъ внѣшней образованности. Приэтомъ собственно-чиновничій бытъ оказывается крѣпче, тверже, устойчивѣе въ своихъ обычаяхъ и законахъ, въ своихъ воззрѣніяхъ, чѣмъ среда интеллигентная, въ которой замѣтна какая-то шатость и которая, во всякомъ случаѣ, находится въ положеніи скорѣй страдательномъ, нежели дѣятельномъ.— Симпатіи автора видимо, по крайней мѣрѣ въ „Доходномъ мѣстѣ“, на сторонѣ образованныхъ людей; но онъ не вѣритъ въ силу и состоятельность интеллигентной среды. Въ жизни образованнаго общества, по его взгляду, царитъ и распоряжается чиновникъ, за которымъ стоитъ длинное историческое прошлое, выработанныя и прочныя формы жизни, дѣятельности и людскихъ отношеній, за которымъ стоятъ крѣпкія традиціи.—Этотъ чиновникъ, съ его взяточничествомъ, съ его грубостью нрава и обычаевъ, изображенъ Островскимъ совершенно оригинально и самобытно: поэтъ не выражаетъ лирическаго негодованія, въ его отношеніяхъ къ избранному имъ быту мы не видимъ Гоголевскаго скорбнаго юмора, онъ рисуетъ жизнь объективно и спокойно; но ничто въ этой жизни и не укроется отъ его зоркаго и трезваго взгляда: вся грязь и пошлость дѣйствительности всплы-

ваютъ наружу и сами говорятъ за себя, сами себя осуждаютъ, несмотря на то, что поэтъ не упускаетъ никогда случая указать въ своихъ герояхъ остатки добрыхъ и свѣтлыхъ чувствъ (а иногда даже и преувеличиваетъ эти чувства). Но его герои являются такъ-сказать сами собою въ комическомъ освѣщеніи, и спокойствіе смѣха поэта надъ ними есть безповоротное осужденіе ихъ неправды и глупости.

Представители чиновничьяго міра въ *„Бѣдной невѣстѣ"* — вдова чиновница Анна Петровна, старикъ стряпчій Платонъ Маркычъ Добротворскій и сравнительно молодой еще, но уже очень опытный дѣлецъ Максимъ Дорофеичъ Беневоленскій.—Интеллигентные лица этой комедіи: бывшій студентъ Хорьковъ, Милашинъ и Меричъ, все молодые люди.

Между этими двумя категоріями героевъ пьесы стоитъ одиноко и безпомощно молодая дѣвушка Марья Андревна. *Марья Андревна*—человѣкъ вполнѣ обыкновенный и простой, въ ней нѣтъ ничего героическаго; но въ ней мы видимъ естественную правду души человѣческой. Душа эта не ищетъ чего нибудь чрезвычайнаго, она просто хочетъ жить и любить, хочетъ быть въ мирѣ со всѣмъ окружающимъ,—но эти естественныя стремленія ея не могутъ осуществиться: цѣной самопожертвованія она покупаетъ спокойствіе матери и смутными и сомнительными надеждами на лучшее будущее поддерживаетъ въ себѣ вѣру въ человѣка послѣ жестокаго разочарованія въ первой же своей искренней сердечной привязанности.

Анна Петровна Незабудкина—женщина не злая, хотя и вспыльчивая. Она искренно любитъ дочь; но ея взгляды на жизнь, на бракъ, на семейныя отношенія такъ простодушно грубы, что участь дочери ея дѣлается

невыносимо-тяжелой. Къ этому присоединяется простодушный и незлобивый эгоизмъ Анны Петровны... Она наслѣдовала отъ мужа домикъ, въ которомъ и живетъ съ дочкой; но этотъ домъ у нея оттягиваютъ по суду.

Вотъ домъ-то отнимутъ (говоритъ она дочери), что тогда дѣлать-то? Ты только подумай, какъ мы тогда жить-то будемъ! А что я! Мое дѣло женское, да я и не знаю ничего: я сама привыкла за людьми жить... Хоть бы ты замужъ, что-ль, Маша, шла поскорѣй. Я бы ужь, кажется, не знала, какъ и Бога-то благодарить! А то какъ это безъ мужчины въ домѣ!... Это никакъ нельзя. (I, 128).

И она хлопочетъ изо всѣхъ силъ найти дочкѣ жениха, старается выдать ее за кого-нибудь, простодушно не думая, что тяжело молодому сердцу отдаться безъ любви и сочувствія, простодушно не допуская, что у Марьи Андревны могутъ быть мечты о счастьи, радужныя грезы о любви.—Анна Петровна поручила Платону Маркычу Добротворскому, который всей душой преданъ ея семейству, присматривать подходящаго для Марьи Андревны жениха по присутственнымъ мѣстамъ между надежными чиновниками. Получивъ отъ Платона Маркыча письмо, въ которомъ тотъ даетъ отчетъ въ своихъ поискахъ, Анна Петровна заставляетъ дочь вслухъ читать это письмо, и на слова Марьи Андревны: „это ужь обидно даже. Ахъ, маменька, что̀ вы со мной дѣлаете!“ спокойно говоритъ:

Никакой тутъ обиды нѣтъ! Ты, Маша, этого не знаешь, это ужь мое дѣло. Я, вѣдь, тебя не принуждаю; за кого хочешь, за того и пойдешь. А это ужь мой долгъ тебѣ жениха найти. (131).

„Я тебя не принуждаю“, говоритъ Анна Петровна. И въ самомъ дѣлѣ, явнаго принужденія она сама не хочетъ дѣлать; но безсознательно постоянно гнететъ и точитъ дочку.

Развѣ я виновата, маменька, (говоритъ та), что мнѣ никто не нравится?

— Какъ это не нравится—я не знаю (возражаетъ Анна Петровна); это такъ, капризъ просто, Маша... ты-то очень разборчива... (128).

А когда Платонъ Маркычъ подыскалъ Беневоленскаго, какъ дѣльца и жениха, Анна Петровна почти порѣшаетъ дѣло, даже безъ совѣта съ Марьей Андревной. Она прямо намекаетъ посѣтившему ихъ Беневоленскому, что ему надо искать „подругу жизни"; она, смотря уже на него какъ на будущаго зятя, старается тутъ-же выторговать, чтобы онъ не пилъ много, когда женится.

Ну, какъ-же, Платонъ Маркычъ? Развѣ ужь изрѣдка, а то какъ-же?

говоритъ она Добротворскому на его замѣчаніе:

Ничего, сударыня, Анна Петровна; мужчинѣ это не мѣшаетъ. Былъ бы добрый человѣкъ. (170).

Тутъ же при Беневоленскомъ, по поводу разговора о современныхъ сочиненіяхъ, что тамъ все про любовь пишутъ, она говоритъ, поучая дочь:

Какая любовь! Все глупости, никогда этого не бываетъ. (172).

А когда Беневоленскій посватался, Анна Петровна не только уговариваетъ дочь согласиться, а настаиваетъ на ея согласіи, требуетъ его:

Ты никакъ съума сошла, какъ я погляжу на тебя (говоритъ она Марьѣ Андревнѣ). Развѣ ты не видишь, что намъ теперь больше дѣлать нечего; не по міру же намъ идти...... не сотни тысячъ за нами, чтобъ такими женихами брезгать: такого-то жениха намъ съ тобой и не дождаться.

Ты дура совсѣмъ, я вижу. Да что съ ней толковать, у нея еще все вѣтеръ въ головѣ; она и сама не знаетъ, что говоритъ... Неужто ея глупости слушать? Скажите, Платонъ Маркычъ, Максиму Дорофеичу, что мы очень рады, чтобы онъ формальное предложеніе сдѣлалъ. (189).

На рѣшительный отказъ Марьи Андревны идти за Беневоленскаго Анна Петровна говоритъ:

А мнѣ кажется, что это только капризъ у тебя; только чтобъ матери напротивъ что-нибудь сдѣлать. Тебѣ меня только разстроить хочется.

Она *проситъ* дочку согласиться:

Коли ты объ себѣ-то не хочешь подумать, такъ ты хоть мать-то пожалѣй. Куда я дѣнусь на старости лѣтъ—я женщина слабая, сырая, ужь и теперь насилу ноги таскаю. Въ кухарки мнѣ что-ли идти? (190).

Она плачетъ, приходитъ въ гнѣвъ и въ отчаяніе:

А! да гори все прахомъ—ничего мнѣ не нужно, коли ужь дочь родная объ моемъ горѣ и подумать не хочетъ. Живи, какъ знаешь, Богъ съ тобой! Вотъ, выростила на свою голову!...

Она убѣждаетъ дочку, что нехорошо остаться „старой дѣвкой“:

Во-первыхъ, ты, коли любишь мать, должна выдти замужъ, а во-вторыхъ, потому что такъ нужно. Что такое незамужняя женщина? Ничего! Что она значитъ! Ужь и вдовье-то дѣло плохо, а дѣвичье-то ужь и совсѣмъ нехорошо! Женщина должна жить съ мужемъ, хозяйничать, воспитывать дѣтей, а ты что-жь будешь дѣлать-то старой дѣвкой? Чулокъ вязать!

Отъ угрозъ и требованій Анна Петровна переходитъ къ ласкѣ и спокойнымъ уговариваніямъ; она наивно начинаетъ доказывать дочери, что любви вѣдь и не бываетъ:

Влюбляются-то, Машенька, только тѣ, которымъ жениться нельзя, либо рано, потому что еще въ курточкахъ ходятъ, либо нечѣмъ жить съ женой: такъ вотъ они и влюбляются. (192).

Когда Марья Андревна рѣшилась выдти за Беневоленскаго, Анна Петровна сама-не-своя отъ радости:

Ну, спасибо, утѣшила ты меня (говоритъ она Машенькѣ). Вотъ теперь я вижу, что ты меня любишь. Обрадовала ты меня....

она называетъ дочку „и красавицей, и умницей“; а на скорбный, почти отчаяньемъ вызванный вопросъ той: „что, маменька, хорошій онъ человѣкъ?“ съ увѣренностью отвѣчаетъ: „Хорошій! ужь я не отдамъ тебя за дурнаго.“ Она не притворяется, говоря эти слова, и съ спокойнымъ сердцемъ выдаетъ дочку замужъ; но она до такой степени наивно-непосредственна, что это не мѣшаетъ ей въ концѣ пьесы такъ-же искренно и прямо высказать сомнѣнія въ зятѣ и въ судьбѣ дочери. Только что заявивши Платону Маркычу, что она и сказать не можетъ какъ рада, что устроила дочь; только что пожелавши Марьѣ Андреввѣ счастья и задавши ей спокойный вопросъ про мужа: „нравится-ли онъ тебѣ?“ она тутъ же прибавляетъ:

„Признаться сказать, скоренько дѣло-то сдѣлали; кто его знаетъ, въ него не влѣзешь“ (241).

Это такъ простодушно-наивно, что на Анну Петровну и сердиться нельзя, какъ и не сердится бѣдная, пожертвовавшая собою дѣвушка.

Наивно-непосредственны и нравственныя воззрѣнія Анны Петровны вообще. Она понимаетъ, что Максимъ Дорофеичъ взяточникъ; но это смущаетъ ее очень мало; она цѣнитъ его, какъ „солиднаго человѣка“, который „съ небольшимъ въ 30 лѣтъ ужь состояніе имѣетъ“; а на замѣчаніе Милашина: „а гдѣ взялъ онъ это состояніе?... у насъ совѣсть есть, оттого и состоянія нѣтъ; состояніе нажить не мудрено“, на это замѣчаніе Анна Петровна отвѣчаетъ практическимъ заключеніемъ: „да. поди вотъ наживи, да тогда ужь и разговаривай!“ Милашинъ продолжаетъ развивать мысль, что нерадостно соединить свою судьбу съ человѣкомъ, котораго того и гляди подъ судъ отдадутъ; а Анна Петровна отвѣчаетъ ему:

Да, очень нужны мнѣ всѣ эти резоны! Я, батюшка, мать! Такъ, зря, дѣла не сдѣлаю. Еще молодъ очень учить-то меня!... Все однѣ фантазіи дурацкія (220).

Нельзя, повторяю, сердиться на подобныя наивныя соображенія малообразованной женщины-старухи, нельзя негодовать на Анну Петровну, какъ и не негодуетъ авторъ комедіи, тѣмъ болѣе, что она дѣйствительно, хоть и не глубоко, по-своему, любитъ дочь. Но нельзя, по внутреннему смыслу пьесы, и сочувствовать ей; поэтъ озарилъ ея образъ такимъ свѣтомъ, который обличаетъ все въ немъ ложное и темное, и заставляетъ насъ скорбно задуматься надъ ея наивно - безнравственными воззрѣніями, унаслѣдованными ею отъ воспитавшей ее среды.

Беневоленскій и Добротворскій — два удивительно-художественно нарисованныхъ типа двухъ чиновническихъ поколѣній.—Максимъ Дорофеичъ, или—какъ онъ самъ выражается—Максимка *Беневоленскій* — человѣкъ еще сравнительно молодой; онъ быстро вышелъ въ люди, сдѣлался дѣльцомъ и съумѣлъ нажить состояніе; оттого онъ самоувѣренъ и самонадѣянъ. Онъ хочетъ жениться, но онъ приэтомъ разборчивъ: невѣста его должна быть барышня хорошенькая и чтобъ ее не стыдно было въ люди показать, чтобъ она „тонъ“ имѣла „свѣтскій“; она должна быть образована и притомъ (и это—главное условіе) хозяйка. „Мое дѣло пріобрѣтать всѣми силами, а ея дѣло хозяйничать“, говоритъ онъ Аннѣ Петровнѣ, разъясняя ей свой идеалъ жены.—Наивно-самоувѣренный, Беневоленскій, однако, способенъ столь-же наивно признать и свою незначительность:

Дѣвушку съ состояніемъ за меня не отдадутъ, по незначительности моего происхожденія и даже самаго положенія въ свѣтѣ,

простодушно говоритъ онъ будущей тещѣ; но это смиреніе не мѣшаетъ ему тутъ-же съ наивной наглостью прибавить:

А есть невѣсты благородныя и образованныя, но бѣдныя—и для нихъ-то, я вамъ безъ гордости скажу, такой женихъ, какъ я,—находка (169).

Максимъ Дорофеичъ очень цѣнитъ себя какъ чиновника:

Я вамъ скажу (говоритъ онъ), я очень доволенъ своимъ мѣстомъ и своимъ начальствомъ. Къ службѣ я человѣкъ усердный, съ подчиненными строгъ (167).

Ко взяткамъ онъ относится очень простодушно и находитъ ихъ дѣломъ вполнѣ естественнымъ; самодовольно хвалится онъ передъ Добротворскимъ новыми дрожками, вороною пристяжкой, „Что̀, хороша?“

Ахъ, проказникъ вы, проказникъ. Максимъ Дорофеичъ! Да вѣдь, чай, некупленная? (замѣчаетъ старикъ).

— Разумѣется.

Бесѣдуя съ Анной Петровной о ея дѣлѣ, Беневоленскій говоритъ, что если можно будетъ устроить, такъ онъ устроитъ, а нѣтъ, такъ не взыщите:

Конечно, кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ; но я вамъ доложу, нынче насчетъ этого очень строго,—

и онъ начинаетъ наивно жаловаться на новыя времена, откровенно признаваясь (съ нѣкоторымъ, даже, своего рода удальствомъ) въ грѣшкахъ:

Нынче держи ухо востро (повѣствуетъ онъ). Я вамъ про себя скажу: въ постоянномъ страхѣ находишься. Нельзя, чтобы грѣшковъ не было; того гляди, подъ судъ отдадутъ, выгонятъ изъ службы, куда дѣнешься? Ну, хорошо я холостой человѣкъ, а другой женатый... (168).

Человѣкъ необразованный и грубый, Максимъ Дорофеичъ выше всего ставитъ трактирныя удовольствія, вино.—Дуня говоритъ про него:

> Чтó я жила—маялась! Пріѣдетъ, бывало, пьяный да ослаберный—такъ какъ обѣснующій какой.

Про подобные загулы онъ самъ въ домѣ Анны Петровны, разумѣется, умалчиваетъ; но вино онъ отстаиваетъ довольно энергически, а о трактирѣ повѣствуетъ съ нѣжной любовью. Когда Анна Петровна выразила мысль, что женихъ долженъ быть не пьющій, онъ возразилъ:

> Въ женщинѣ это порокъ, я съ вами согласенъ; а для мужчины даже составляетъ иногда необходимую потребность. Особенно, если дѣловой человѣкъ: долженъ же онъ имѣть какое-нибудь развлеченіе. Разумѣется, я самъ первый осуждаю тѣхъ, которые имѣютъ къ этому большое пристрастіе.

Максимъ Дорофеичъ любитель музыки (по его словамъ); но не всегда удается ему послушать ее.

> Вообразите, я никогда не видалъ этой оперы (говоритъ онъ про „Роберта-Дьявола")... Какъ-то разъ собрались компаніей, да и то не попали... Мы прямо изъ присутствія зашли обѣдать въ трактиръ, чтобы оттуда отправиться въ театръ Ну, люди молодые, про театръ-то и позабыли; такъ и просидѣли въ трактирѣ. (171).

Наивность этого разсказа соотвѣтствуетъ наивности его заявленія, что онъ теперь совершенно отсталъ отъ литературы:

> Прежде читалъ (говоритъ онъ Марьѣ Андревнѣ), а теперь, знаете-ли, дѣла, такъ рѣшительно ничего не читаю (172).

Съ такою же наивностію и самодовольствомъ сообщаетъ онъ, что хотя „имѣетъ сердце нѣжное, способное къ любви", но такъ какъ у него дѣлъ много, то ему и некогда объ этомъ подумать. Выпивая рюмку за

рюмкой, онъ съ развязностью одобряетъ игру Марьи Андревны на фортепьяно, потому-что—барышни обыкненно сбиваются, а она не сбивается. Онъ обѣщаетъ привезти Марьѣ Андревнѣ „конфектъ“ и съ самоувѣреннымъ восторгомъ объявляетъ Платону Маркычу, что влюбленъ:

Я дѣловой человѣкъ, ты меня знаешь, я пустяками заниматься не охотникъ; но я тебѣ говорю: я влюбленъ. Кажется, этого довольно (175).

Очарованный Марьей Андревной, онъ обѣщаетъ ей „слушаться“ ея „во всемъ“.

Изъ любви къ вамъ я на все готовъ (говоритъ онъ). Вамъ не угодно было, чтобы я водку пилъ—я ее бросилъ; вы мнѣ не приказывали табакъ нюхать—я и не нюхаю.

Но, подчиняясь, Беневоленскій не забываетъ, однако, своего эгоизма и самомнѣнія. „Что-жь, насъ будетъ пара, какъ ты думаешь?“ наивно-самоувѣренно говоритъ онъ Добротворскому про себя и Марью Андревну. Старикъ расхохотался:

Ахъ, вы проказникъ! Ишь ты, какія штучки выдумываетъ!

А Максимъ Дорофеичъ удивляется: „чему-же ты смѣешься?“ Онъ и оканчиваетъ свою роль въ пьесѣ выраженіемъ эгоистической самоувѣренности:

Въ жизни главное дѣло—умъ и предусмотрительность (разсуждаетъ онъ). Что̀ такое я былъ, и что̀ я теперь..... теперь насъ и рукой не достанешь. И капиталъ есть, и жену красавицу нашелъ. Чортъ возьми! (235).

и стуча себя пальцемъ по лбу, онъ съ наивностію прибавляетъ: „вотъ, вотъ чѣмъ пробьемъ себѣ дорогу“.

Въ противоположность Беневоленскому, Платонъ Маркычъ *Добротворскій*—человѣкъ смиренный и чуждый всякаго эгоизма и самомнѣнія.—По взглядамъ своимъ,

однако, на жизнь, на службу, на семейныя отношенія онъ совершенно подходитъ къ Беневоленскому и Аннѣ Петровнѣ. Мы видѣли его снисходительно-сочувственное отношеніе къ даровому пріобрѣтенію Максимомъ Дорофеичемъ дрожекъ и лошадей; мы видѣли его защиту выпивки мущиною. Къ завѣдомому взяточнику Беневоленскому онъ относится съ ласковой нѣжностью, съ какой-то добродушной приниженностью:

Ужъ конечно, что вамъ за крайность на дурной жениться; сами-то вы ишь какой молодецъ! Ахъ, батюшка, голубчикъ!

умиленно говоритъ онъ и треплетъ Максима Дорофеича по спинѣ. Чиновникъ до глубины души, онъ идиллически представляетъ себѣ чиновниковъ и ихъ бытъ, ихъ привычки.

А рому-то что-жъ не захватилъ.

говоритъ онъ оффиціанту на свадьбѣ Марьи Андревны:

Эхъ, братецъ! Не знаешь ты, кого чѣмъ потчивать. Ишь, все дѣловые люди собрались, съ свѣтлыми пуговицами сидятъ (224).

Мы видѣли, какъ Платонъ Маркычъ подыскиваетъ Марьѣ Андревнѣ, по порученію матери, жениховъ по присутственнымъ мѣстамъ (онъ и нашелъ для нихъ Беневоленскаго).—Все это, конечно, не симпатично въ старикѣ стряпчемъ, все это отталкиваетъ насъ отъ него. Но Платонъ Маркычъ чрезвычайно добродушный человѣкъ, и ни капли злобы нѣтъ въ его простомъ сердце. Онъ только никогда не думалъ о той жизни, которая представляется ему въ такомъ идиллическомъ свѣтѣ, его мысль никогда не останавливалась на ея позорныхъ дѣяніяхъ.—Подыскивая выгоднаго жениха бѣдной дѣвушкѣ, сватая грубаго Беневоленскаго, онъ и не думаетъ о томъ, сколько горя причиняетъ Марьѣ Андревнѣ. Самымъ добродушнымъ образомъ уговариваетъ онъ ее

согласиться на просьбы матери; а на ея довѣрчивое признаніе, что она любитъ другаго, молодаго человѣка, спокойно и простодушно замѣчаетъ:

> Свистуны, вѣдь, они, матушка, никакой основательности нѣтъ. Не вѣрьте вы имъ. Ныньче любятъ, а завтра разлюбятъ. Имъ потѣха, а бѣдныя дѣвушки плачутъ. (99).

Съ чувствомъ, со слезами на глазахъ, говоритъ старикъ Марьѣ Андревнѣ, что хлопочетъ изъ любви къ ней, да изъ сердечной благодарности къ покойнику отцу ея:

> Матушка-барышня, я васъ еще вотъ какую зналъ: ребенокъ были несмышленочекъ, на рукахъ носилъ. Вашъ папенька покойникъ мнѣ благодѣтель былъ, въ люди меня вывелъ, я прежде очень маленькій человѣкъ былъ. Какъ умиралъ покойникъ,—ты говоритъ, Платонъ Маркычъ, жену съ дочерью не оставь! Слушаю, говорю. батюшка, Андрей Петровичъ, служить буду пока силъ хватитъ. Я васъ, барышня, больше родной люблю, такъ горько мнѣ будетъ, какъ вертопрахъ какой-нибудь посмѣется надъ вами.

Въ Платонѣ Маркыча дѣйствительно есть сердце, способное понять чужую душу и поддержать ее въ тяжелую минуту. Когда Марья Андревна живетъ мыслью о томъ, что можетъ исправить Беневоленскаго, спасаетъ себя отъ отчаянья этой мыслью, Платонъ Маркычъ, въ противоположность Меричу, безсовѣстно ее разочаровывавшему, поддерживаетъ въ ней надежду.

> Вѣдь это пустяки, нельзя этого сдѣлать, а! Платонъ Маркычъ, не такъ-ли? Все это дѣтскія мечты?

съ затаенной болью говоритъ бѣдная Марья Андревна; а онъ отвѣчаетъ ей сердечными словами бодрости и утѣшенія:

> Звѣри лютые, и тѣ укрощаются...

Да онъ, по добродушію своему, и самъ вѣритъ этимъ словамъ своимъ.

Старикъ дѣйствительно любитъ Марью Андревну. Когда Беневоленскій сказалъ ему о своей бывшей связи съ Дуней, и просилъ уладить это дѣло, Платонъ Маркычъ душевно огорчился:

Что-жь вы, отецъ мой, у меня съ Марьей-то Андревной дѣлаете! Вы этакъ у меня ее уморите, сердечную... А ужь вы, батюшка, эти глупости-то оставьте. (235).

Художественно нарисовалъ Островскій образъ Платона Маркыча. Но невольно напрашивается вопросъ: до глубины ли души старика проникъ анализъ художника? Нѣтъ-ли нѣкотораго рода необъясненнаго противорѣчія между безконечнымъ благодушіемъ Добротворскаго и его чуть не любовными отношеніями къ взяточничеству, плутнямъ всякаго рода, насильному выдаванію дѣвушекъ замужъ и т. д... На существованіе здѣсь какой-то недоконченности и неясности указываютъ нѣкоторыя обстоятельства комедіи: напр. Островскій оставилъ неизвѣстнымъ—беретъ ли взятки самъ Добротворскій и можетъ-ли онъ благодушно-любовно относиться и къ собственной нечестности? Далѣе, слова о томъ, что молодые люди—свистуны, что лучше выдти по разсчету за человѣка основательнаго, вродѣ Беневоленскаго и т. п.—не потому ли эти слова такъ мало возмущаютъ и насъ, и Марью Андревну, что Меричъ дѣйствительно дрянная личность? но какъ мы отнеслись-бы къ этимъ словамъ, если бы на мѣстѣ Мерича былъ другой человѣкъ, достойный, честный, ну, хоть Хорьковъ?—Да и безсознательность Платона Маркыча въ сущности ужь не такъ велика, какъ ее хочетъ изобразить поэтъ; проговаривается-же старикъ Марьѣ Андревнѣ, что не ручается—каковъ Беневоленскій; предлагаетъ-же онъ и Марьѣ Андревнѣ самой всмотрѣться въ него и самой порѣшить дѣло? Наконецъ это послѣднее пред-

ложеніе—неужели и оно безсознательно? неужели старикъ и тутъ не понимаетъ—что говоритъ, не понимаетъ, что дѣло вовсе не въ всматриваніи Марьи Андревны въ Беневоленскаго? самъ-же онъ, тутъ-же, сейчасъ за своимъ предложеніемъ, прибавляетъ:

А все мой совѣтъ—лучше маменьки послушаться, меньше грѣха будетъ.

Не проглядѣлъ-ли Островскій плутоватости въ своемъ Добротворскомъ? не преувеличилъ-ли нѣжности его сердца, благодушія характера?

Какъ поэты противоположнаго Островскому направленія, поэты мрачнаго разочарованія и скептицизма, впадая въ крайность, несправедливо метали порой громы негодованія на людей простыхъ и добрыхъ, вовсе этого не заслуживавшихъ, такъ Островскій въ „Бѣдной невѣстѣ“ впалъ въ крайность спокойнаго и благодушнаго отношенія къ жизни и не прочь былъ обѣлить то, чего обѣлить нельзя. (Можетъ быть даже и къ Аннѣ Петровнѣ онъ черезъ-чуръ снисходителенъ). — Въ „Доходномъ мѣстѣ“ поэтъ уже освобождается отъ этой ошибки, хотя, какъ увидимъ, еще не совсѣмъ.

Къ интеллигентному міру, который съ другой стороны соприкасается съ личностью Марьи Андревны, принадлежатъ въ комедіи три лица: Меричъ, Милашинъ и Хорьковъ.—Это люди съ разнымъ образованіемъ: Хорьковъ проходилъ университетскій курсъ; Меричъ учился „чему-нибудь и какъ-нибудь“, нахватался коекакихъ верхушекъ внѣшней образованности. Но тѣмъ не менѣе всѣ они принадлежатъ къ одному слою общества, къ слою образованному, или цивилизованному.—И всѣ они, по смыслу комедіи, оказываются людьми несостоятельными; ни на кого изъ нихъ не можетъ опереться Марья Андревна.

Въ нравственномъ отношеніи эти люди очень рѣзко отличаются другъ отъ друга. Хорьковъ—человѣкъ честный и сердечный. *Меричъ*—негодяй.

И вотъ этого-то негодяя, не понимая его, и полюбила простая, искренняя дѣвушка Марья Андревна.— Меричъ, человѣкъ совершенно безъ правилъ, по словамъ Хорькова, составилъ себѣ спеціальность изъ волокитства за женщинами. Его величайшее наслажденіе—тщеславно хвалиться своими побѣдами.

> Онъ еще мальчишкой былъ, самъ къ себѣ письма писывалъ, да хвастался товарищамъ въ пансіонѣ, что отъ барышень получаетъ (157—158),

разсказываетъ про него Хорьковъ.

Ослѣпляемый своимъ постояннымъ желаніемъ рисоваться, очень мало думая, не уважая нравственныхъ законовъ, Меричъ готовъ первому встрѣчному открыть тайну обманутой имъ или увлекавшейся имъ дѣвушки.

> Мнѣ всегда жаль, когда хорошенькія дѣвушки замужъ выходятъ,

говоритъ онъ Милашину, съ которымъ даже мало знакомъ.

> Софи Барашкова тоже недавно вышла замужъ. Вы ее не знали?
>
> — Нѣтъ, не зналъ.
>
> Мы были очень привязаны другъ къ другу. Вамъ я могу признаться, Иванъ Иванычъ,—вы, конечно, никому не скажите: она меня очень любила. Вотъ посмотрите, какое она мнѣ письмо написала передъ свадьбой. (Вынимаетъ). Хотите прочесть?
>
> — Зачѣмъ же я буду читать чужія письма? (возмущается Милашинъ).
>
> Какъ хотите!.. Я надѣюсь, что вы никому не скажите. (156—157).

Меричъ чрезвычайно остороженъ (и ему легко быть осторожнымъ, какъ человѣку совершенно холодному);

ухаживая за Марьей Андревной, онъ не прежде признается ей въ любви, какъ узнаетъ, что та выходитъ замужъ.—Порисовавшись передъ нею, упрекнувши ее за положительность и практическія правила, похваливъ иронически за пожертвованіе собой для матери, заявивши, что не хочетъ колебать ея рѣшимости, онъ затѣмъ говоритъ:

Теперь, когда ужь дѣло кончено.... я могу вамъ сказать, что я васъ любилъ, Марья Андревна, любилъ страстно; я васъ до сихъ поръ люблю такъ, какъ никто васъ любить не будетъ!

Меричъ любитъ порисоваться разочарованнымъ, много испытавшимъ въ жизни человѣкомъ, уставшимъ отъ жизни, отъ испытанныхъ чувствъ и волненій. Онъ представляетъ себя затѣмъ жертвой рока и обстоятельствъ.

Онъ такъ тупъ нравственно, что эта тупость переходитъ и на его разсудокъ, затмѣваетъ его.—Когда Марья Андревна разсказываетъ ему о Беневоленскомъ, проситъ его совѣта—какъ поступить, что дѣлать,—онъ не хочетъ объ этомъ разговаривать. „Да ты меня не слушаешь!" замѣчаетъ она.

Я гляжу на твои глазки. Какія они у тебя хорошенькіе. Такъ и хочется поцеловать. Я помню другіе такіе глазки... Она умерла... Бѣдная женщина! Ну, да что толковать о прошедшемъ: будемъ пользоваться настоящимъ. Ахъ, Мери, много я пережилъ... Я боюсь, хватитъ-ли у меня силъ, чтобъ отвѣчать твоей дѣтской любви. Если-бъ я встрѣтилъ тебя, Мери, года два тому назадъ!..

Марья Андревна снова переводитъ разговоръ на дѣло, на жениха,—а Меричъ, не слушая, продолжаетъ свое:

Ахъ, Боже мой, Мери, я люблю тебя! Я радъ случаю, что засталъ тебя одну, а ты мнѣ разсказываешь про маменьку, про жениховъ какихъ-то; до какое мнѣ дѣло до нихъ!

— Тебѣ, кажется, и до меня нѣтъ никакого дѣла, потому что ты не хочешь войти въ мое положеніе! Богъ съ тобой!

скорбно замѣчаетъ ему оскорбленная дѣвушка.—А онъ

начинаетъ сердиться, представляться обиженнымъ и непонятымъ.

Я ужъ и такъ измученъ жизнью (говоритъ онъ), а ты мнѣ не хочешь доставить ни одной минуты неотравленнаго удовольствія.

Любящая Марья Андревна уступаетъ ему, проситъ помириться; а онъ нагло и безсердечно опять заговариваетъ о какой-то прежней своей любви: „ахъ, Мери, я вспомнилъ одну женщину: вотъ это была любовь", и затѣмъ, замѣтивъ неудовольствіе Марьи Андревны, упрекаетъ ее за ревность, говоритъ, что любитъ дразнить ревнивыхъ женщинъ...

Когда Марья Андревна обращается къ нему за рѣшительнымъ словомъ и дѣломъ, проситъ спасти ее отъ Беневоленскаго, онъ притворяется растерявшимся, предлагаетъ поговорить хладнокровно; заявляетъ, что онъ этого не ожидалъ; нагло и глупо спрашиваетъ: „скажи же мнѣ, Мери, сдѣлай милость, чего тебѣ отъ меня хочется?" и затѣмъ безстыдно отказывается отъ женитьбы, ссылаясь на тяготѣющія надъ нимъ какія-то обстоятельства. Наглость его и привычка рисоваться такъ велики, что онъ и теперь, вмѣсто того, чтобы удалиться со стыдомъ, смѣло говоритъ:

То-то вотъ, все еще неопытность! Мнѣ надобно было бѣжать отъ тебя. Зачѣмъ я тебя встрѣтилъ! О судьба, судьба! Мнѣ легчебы было совсѣмъ не видать тебя, нежели смотрѣть, какъ ты страдаешь.

Однако онъ тутъ-же и проговаривается:

я не думалъ (неожиданно заявляетъ онъ), что ты такъ привяжешься ко мнѣ.

— Что же ты думалъ?

Я думалъ, что изъ нашихъ отношеній не выйдетъ ничего серьезнаго.

— Ты хотѣлъ позабавиться отъ скуки, для развлеченія, не правда-ли?

Привычка рисоваться до такой степени въѣлась въ Мерича, что онъ, кажется, самъ начинаетъ вѣрить многому въ своихъ словахъ. Придя на свадьбу Марьи Андревны проститься съ нею, и безсердечно и безсовѣстно намекнувъ ей, что ея мечты объ исправленіи Беневоленскаго—несбыточны,—онъ затѣмъ съ напускнымъ паѳосомъ распространяется съ Милашинымъ о своей любви къ Марьѣ Андревнѣ, объ ея отвѣтномъ чувствѣ, о томъ, какъ ей отъ этого тяжело, и нахально проситъ Милашина:

Сдѣлайте милость, если замѣтите, что она будетъ очень грустить, утѣшайте ее: вы меня этимъ обяжете. И пожалуйста, старайтесь сдѣлать такъ, чтобы ничто ей не напоминало меня. Я на васъ надѣюсь, Иванъ Иванычъ. Прощайте... (232).

Въ этомъ послѣднемъ своемъ явленіи въ пьесѣ Меричъ представляется намъ лицомъ комическимъ,—и здѣсь достойная казнь ему со стороны поэта.

Совершенно иной человѣкъ—*Хорьковъ*,—человѣкъ хорошій, съ сердцемъ. И такъ онъ рѣзко отличается отъ Мерича въ поэтической сценѣ своего объясненія въ любви!

Я теперь не могу ни за кого идти..... (говоритъ ему Марья Андревна).

— Неужели ни за кого?

Рѣшительно ни за кого.

— А если-бъ я за васъ посватался? (Принужденно смѣется). Я шутя васъ спрашиваю.

И за васъ-бы не пошла. Я съ вами дружна, а любить васъ не могу.

— А какъ-бы я любилъ васъ! Какъ-бы я старался угождать вамъ! Съ какой-бы готовностью исполнялъ малѣйшее ваше желаніе! Съ какой-бы благодарностью я принималъ каждую вашу ласку.

Онъ любитъ Марью Андревну, искренно, отъ всей души; но онъ робокъ, лишенъ энергіи, слабъ характеромъ.—Марья Андревна чувствуетъ къ нему дружбу, открываетъ даже ему отчасти свое сердце... и кто знаетъ? будь у него больше иниціативы, воли,—она бы его могла полюбить, и все-бы и въ его, и въ ея жизни пошло иначе; но онъ таковъ по своему характеру, что она даже не знаетъ его какъ слѣдовало-бы:

Я очень жалѣю, что поздно васъ узнала,

говоритъ она ему, уже рѣшившись выдти за Беневоленскаго.—У Хорькова такъ мало энергіи, что онъ, задумавъ спасти любимую дѣвушку отъ Мерича, имѣя въ рукахъ нѣкоторыя средства для этого—письма Мерича, не дѣйствуетъ самъ, а поручаетъ дѣло Милашину,—между тѣмъ какъ ему самому Марья Андревна повѣрила-бы гораздо болѣе.

Самопожертвованіе Марьи Андревны до глубины души растрогало Хорькова; онъ понимаетъ все горе, предстоящее въ жизни бѣдной дѣвушкѣ:

Это жертва... да, жертва. Что-жь, благородно... благородно... слезы... слезы... вѣчныя слезы... чахотка, не живши, не видавши радостей жизни... (223).

Но, умѣя сострадать, Хорьковъ не умѣетъ помочь; умѣя чувствовать—онъ не можетъ дѣйствовать. И таковъ онъ былъ и раньше встрѣчи съ Марьей Андревной: лишенный твердости и самообладанія, онъ не взялъ себя въ руки—и нравственно опустился:

Какой я жалкій человѣкъ! (говоритъ онъ). Однако, что я дѣлаю наконецъ! за что же я гублю себя? Вотъ уже 3 года, какъ я кончилъ курсъ; и въ эти 3 года я не сдѣлалъ ровно ничего для себя. Меня обдаетъ холодомъ, когда я вспомню, какъ я про-

жилъ эти три года! Лѣнь, праздность, грязная холостая жизнь— и никакихъ стремленій выйти изъ этой жизни, ни капли самолюбія (150—151).

Слабость воли, какъ мы видимъ, повела къ потерѣ нравственной чистоты... Хорьковъ сознаетъ, что въ чувствѣ любви къ Марьѣ Андревнѣ заключена возможность его возрожденія.

Для себя я ни на что не рѣшусь, я это знаю (говоритъ онъ). Въ ней мое единственное спасеніе...

Но онъ не рѣшается, не смѣетъ сказать ей о своемъ чувствѣ,—а между тѣмъ въ этомъ чувствѣ, можетъ быть, было и ея спасеніе. Онъ говоритъ, наконецъ, только тогда, когда уже было поздно: когда она любила Мерича и почти рѣшилась выдти за Беневоленскаго. Да собственно говоря—и тогда еще не было поздно, если-бы у Хорькова хватило энергіи и вѣры: Мерича Марья Андревна въ сущности не любила (она его не знала и любила свою мечту, которую воплотила въ немъ), Беневоленскій не могъ бы предстать непреодолимымъ препятствіемъ... но у Хорькова не было душевной силы—и онъ только запилъ съ горя, и окончательно загубитъ себя.

Милашинъ въ нравственномъ отношеніи занимаетъ середину между Меричемъ и Хорьковымъ. Онъ не пошлый человѣкъ; онъ возмущается низостью Мерича; онъ сострадаетъ Марьѣ Андревнѣ. Но онъ эгоистъ, вѣчно думающій только о себѣ, и очень смѣшонъ этой постоянной заботой о своей особѣ, заботой, доходящей до мелочей.

Вы все о себѣ. Вы обо мнѣ-то подумайте хоть немножко (149),

говоритъ ему Марья Андревна, когда онъ, услышавъ о сватовствѣ Беневоленскаго, выражаетъ сокрушенія о своей участи и заявляетъ, что, кажется, этого не перенесетъ.

Когда Хорьковъ, встревоженный отношеніями Марьи Андревны къ Меричу, распрашиваетъ Милашина о посѣщеніяхъ послѣдняго, говоритъ, что нехорошо, что эти посѣщенія часты, Милашинъ наивно - себялюбиво восклицаетъ:

> Да вы представьте мое-то положеніе: каждый день ходитъ чортъ знаетъ зачѣмъ!
>
> — Да вамъ-то что-жъ? (удивленно спрашиваетъ Хорьковъ).
>
> Нѣтъ, какъ хотите, Михайло Иванычъ, это мнѣ ужасно непріятно.
>
> — Тутъ не объ васъ толкъ... (157).

Есть не одно мѣсто въ комедіи, гдѣ Милашинъ комически-жалокъ своими мелочными претензіями, гдѣ онъ изъ эгоизма теряетъ чувство собственнаго достоинства. Такова, напр., одна изъ послѣднихъ сценъ, гдѣ на свадьбѣ Марьи Андревны онъ думаетъ и сокрушается не о бѣдной, пожертвовавшей собой дѣвушкѣ, а о томъ, что она на него не обращаетъ вниманія, во весь вечеръ не сказала съ нимъ ни одного слова.

> Или лицо у меня не такъ выразительно, что-ли? (спрашиваетъ онъ самого себя). Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы лицо мое выражало теперь самую глубокую скорбь,—

и онъ начинаетъ передъ зеркаломъ пытаться выразить скорбь. Здравый смыслъ подсказываетъ ему, что въ стеклѣ отразилось—„глупое выраженіе... смѣшное даже!“ Но и смѣхъ не можетъ остановить его нелѣпыхъ претензій: „нѣтъ, пусть же она замѣтитъ злую иронію въ моихъ глазахъ“, продолжаетъ онъ рисоваться передъ зеркаломъ.—Онъ завидуетъ, унижая свое достоинство, Меричу, съ которымъ Марья Андревна, какъ онъ думаетъ, приходила прощаться... А между тѣмъ онъ не глупъ, нъ человѣкъ добрый и честный...

Меричъ, Хорьковъ и Милашинъ—три типическихъ представителя молодаго поколѣнія интеллигентной среды, и всѣ трое, негодяй, хорошій человѣкъ и человѣкъ средній, всѣ оказываются вполнѣ несостоятельными, ни въ одномъ Марья Андревна не могла найти поддержки. Здѣсь выразился взглядъ поэта на интеллигентную среду, его сомнѣнія въ ней, лучше сказать—его отрицательныя отношенія къ ней. Чиновничество оказалось, по смыслу драмы, гораздо основательнѣе, гораздо надежнѣе, даже умственно и нравственно выше, чѣмъ люди интеллигентнаго общества: старикъ Добротворскій обладаетъ несомнѣнными положительными достоинствами; въ Беневоленскомъ Марья Андревна не только видитъ человѣка, который спасетъ ее и мать отъ бѣдности и униженія,—она надѣется повліять на него, исправить его и даже быть счастливой съ нимъ. Правда, она сомнѣвается въ успѣхѣ своихъ благихъ намѣреній; но сомнѣніе не есть еще невѣріе. Да и въ самомъ поэтѣ нѣтъ этого невѣрія: вопросъ о будущемъ Беневоленскаго остается въ драмѣ открытымъ...

Другое дѣло: правъ-ли поэтъ, такъ принижая образованный слой общества, ставя его ниже чиновническаго міра и идеализируя нѣсколько этотъ послѣдній?

Впрочемъ, идеализація такъ незначительна, непосредственная творческая сила такъ велика въ Островскомъ, что онъ не могъ далеко отойти отъ правды, и его Беневоленскіе и Добротворскіе все-таки не привлекаютъ къ себѣ симпатіи читателей: поэтъ ярко нарисовалъ передъ нами ихъ отталкивающія свойства.

Это усиливается еще введеніемъ въ комедію одного эпизодическаго лица изъ народа—Дуни.—Дуня не изъ лучшихъ людей,—она женщина падшая... И однако—она стоитъ безконечно выше всѣхъ героевъ комедіи

(конечно, кромѣ Марьи Андревны): свидѣтельство, что сердце поэта въ эпоху написанія „Бѣдной невѣсты“ было всецѣло на сторонѣ народа, и тамъ, и только тамъ искало и видѣло нравственную правду.—Дуня любила Беневоленскаго, но не видала съ нимъ счастья. „Что я жила? маялась“, говоритъ она. И вотъ она желаетъ развязаться съ нимъ, и не столько для себя, сколько для него: она надѣется, что онъ, если женится на хорошей барышнѣ, остепенится, порядочнымъ человѣкомъ станетъ... Великодушно отказываясь отъ него, она такъ-же великодушно, съ любовью и состраданіемъ относится къ его молодой женѣ.

Хороша вѣдь, Паша (говоритъ она своей подругѣ про Марью Андревну), ужь можно сказать, что хороша,

и затѣмъ, обращаясь къ Беневоленскому, наказываетъ ему строго и честно:

Только съумѣешь-ли ты съ этакой женой жить? Ты, смотри, не загуби чужаго вѣку даромъ. Грѣхъ тебѣ будетъ. Остепенись, да живи хорошенько. Это вѣдь не со мной: жили, жили, да и былъ таковъ. (237).

Дуня оканчиваетъ эпизодъ своего появленія въ драмѣ грубымъ, вульгарно-ухарскимъ восклицаніемъ: „О! махнемъ рукой, Паша, завьемъ горе веревочкой!.. Адье, мусье!“ Въ этомъ восклицаніи сказались, конечно,—житье ея въ дурной средѣ, циническая грубость ея нрава. Но нельзя не замѣтить, что за этимъ ухарскимъ восклицаніемъ кроется и тоска разбитаго сердца, плачъ по несбывшимся мечтамъ и надеждамъ.

Закончу разборъ „Бѣдной невѣсты“ указаніемъ на одну замѣчательную мысль Апол. Григорьева. Выясняя на этой пьесѣ особенность міросозерцанія Островскаго, оригинальность его отношенія къ изображаемымъ имъ людямъ, критикъ сравнилъ эти отношенія съ отноше-

ніями къ жизни двухъ литературныхъ школъ: лермонтовской, или байронической, и школы сантиментальнаго натурализма (какъ онъ выразился). Писатель-представитель перваго изъ поименованныхъ направленій впалъ бы непремѣнно, говоритъ Григорьевъ, въ идеализацію Мерича, его непризнанныхъ міромъ страданій; а Марью Андревну заставилъ-бы изныть, изнемочь, задохнуться въ окружающей ее пошлой средѣ. —Писатель другаго направленія—идеализировалъ-бы Добротворскаго: добрый старикъ оказался-бы у него влюбленнымъ въ Марью Андревну, и поблажая его старческимъ нечистымъ поползновеніямъ, авторъ женилъ-бы его на молодой дѣвушкѣ (какъ Мошкинъ въ „Холостякѣ" Тургенева женится на своей юной воспитанницѣ) и закончилъ-бы болѣзненной, разслабленной идилліей его семейнаго счастья. —Взглядъ Островскаго на жизнь—иной, болѣе правдивый и вѣрный, болѣе трезвый: спокойно посмотрѣлъ онъ на своихъ героевъ и спокойно, безпристрастно воздалъ каждому по дѣламъ его.

Мысль Григорьева—несомнѣнно прекрасная мысль; хотя надо замѣтить, что вѣрность ея—не есть, однако, абсолютная вѣрность. Мы видѣли, что Островскій въ своей „Бѣдной невѣстѣ" какъ-будто принижаетъ интеллигентный міръ передъ чиновничьимъ; мы видѣли, что онъ, обыкновенно вполнѣ вѣрный правдѣ въ своихъ изображеніяхъ, погрѣшаетъ, однако, нѣсколько противъ этой правды, рисуя характеръ Добротворскаго: старый плутъ (хоть и съ добрымъ сердцемъ, но все-таки плутъ) оказывается у него безконечно-благодушнымъ человѣкомъ.

Таково міросозерцаніе Островскаго въ первой его пьесѣ изъ чиновничьяго быта.

ГЛАВА IX.

„Доходное мѣсто".

Иное уже видимъ мы въ другой его большой комедіи того-же порядка—въ *„Доходномъ мѣстѣ"*.—Здѣсь опять противопоставлены другъ другу—чиновничество и образованный міръ. Но симпатіи поэта клонятся явно на сторону міра образованнаго, и чиновничество нарисовано въ мрачномъ видѣ.

Чиновничій міръ въ „Доходномъ мѣстѣ" представленъ, очень разнообразно,—Вышневскимъ, Юсовымъ, Бѣлогубовымъ и семьею Кукушкиныхъ.—Люди интеллигентнаго общества въ комедіи: Жадовъ, Досужевъ, Мыкинъ, Вышневская.

Поэтъ не только симпатизируетъ въ комедіи образованнымъ людямъ, но онъ и вѣритъ въ этихъ людей, въ ихъ торжество (если не теперь, такъ современемъ) надъ грубымъ міромъ взяточничества и казнокрадства; поэтъ вѣритъ, не смотря даже на то, что его Жадовъ оказывается слабымъ и не героически стоитъ за свои честныя убѣжденія. Комедія написана была въ ту эпоху, когда Островскій начиналъ уже сомнѣваться въ безусловной высотѣ исключительно-народной жизни и когда русское общество было охвачено духомъ свѣтлаго дви-

женія впередъ, когда начинались реформы покойнаго Государя.

„Не стая вороновъ слеталась...“ Такими словами изъ Пушкинскихъ „Братьевъ разбойниковъ“ провожаетъ угощавшуюся въ трактирѣ чиновничью компанію Досужевъ.

Первое мѣсто въ этой стаѣ вороновъ принадлежитъ Аристарху Владиміровичу *Вышневскому*.

Вышневскій занимаетъ довольно высокое положеніе въ служебной іерархіи. Онъ уменъ, образованъ, и хотя не „твердъ въ законѣ“ (по словамъ Юсова), потому что изъ „другого вѣдомства“, но однако можетъ быть названъ настоящимъ дѣльцомъ,—„геній“, по выраженію того-же Юсова. Казнокрадъ и взяточникъ, Вышневскій усвоилъ себѣ скептическій взглядъ на жизнь, на общество, и успокаиваетъ свою совѣсть этимъ напускнымъ скептицизмомъ. Онъ совѣтуетъ племяннику бросить „завиральныя идеи“, прекратить свои проповѣди о добродѣтели и честности—и жить и служить, „какъ служатъ всѣ порядочные люди, т. е. глядя на жизнь и на службу практически“; спокойствіе совѣсти не спасетъ отъ голоду; въ обществѣ замѣтно распространяется роскошь, а рядомъ съ нею не живутъ спартанскія добродѣтели; что-же касается общественнаго мнѣнія, то у насъ его нѣтъ.

Вотъ тебѣ общественное мнѣніе: не пойманъ—не воръ. Какое дѣло обществу, на какіе доходы ты живешь, лишь бы ты жилъ прилично и велъ себя, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку... Я служилъ въ губернскихъ городахъ: тамъ короче знаютъ другъ друга, чѣмъ въ столицахъ; знаютъ, что каждый имѣетъ, чѣмъ живетъ, слѣдовательно, легче можетъ составиться общественное мнѣніе Нѣтъ, люди—вездѣ люди. И тамъ смѣялись при мнѣ надъ однимъ чиновникомъ, который жилъ только на жалованье съ большою семьей, и говорили по городу, что онъ самъ себѣ шьетъ сюртуки,

и тамъ весь городъ уважалъ первѣйшаго взяточника, за то, что онъ жилъ открыто и у него по два раза въ недѣлю бывали вечера“ (174).

Вышневскій не совѣтуетъ Жадову жениться на бѣдной дѣвушкѣ, не имѣя выгоднаго мѣста, не отказавшись отъ своихъ фантазій. Ты обязанъ, говоритъ онъ, прилично содержать жену, платить ей за любовь подарками, довольствомъ, роскошью.

На любовь и семью, на взаимныя отношенія мужа и жены Вышневскій смотритъ цинически-грубо и злобно. Онъ знаетъ, что его жена не любитъ его; да онъ, женясь, и не искалъ любви въ возвышенномъ и благородномъ смыслѣ этого слова; онъ смотрѣлъ на избранную имъ дѣвушку какъ волокита и сатиръ, онъ видѣлъ ея отвращеніе къ себѣ, но онъ (по ея собственному позднѣйшему выраженію) купилъ ее за деньги у родственниковъ, какъ покупаютъ невольницъ въ Турціи, и покупку свою—замаскировалъ бракомъ,—„иначе нельзя было: „родные не согласились-бы“, а для него было все равно. И затѣмъ онъ успокоился: онъ счелъ себя въ-правѣ требовать ласкъ жены за подарки. Видя ея холодность, онъ просилъ ее хоть притвориться любящей: поддѣлка или правда, для него разница не очень велика.

Спокойствіе Вышневскаго, служебное и семейное, порой нарушается непріятными встрѣчами, вродѣ встрѣчи съ Любимовымъ, молодымъ человѣкомъ, который горячо и честно говорилъ въ обществѣ противъ неправды, обличая зло въ глаза, и котораго, за его умъ и чистоту, полюбила Вышневская. Но съ подобными встрѣчами, съ непріятными ему людьми Аристархъ Владиміровичъ раздѣлывается смѣло и безпощадно, не стѣсняясь совѣстью и тому подобными предразсудками. Клеветой,

сплетнями, обвиненіями въ вольнодумствѣ и доносами онъ погубилъ Любимова.

Одерживая и умѣя одерживать такія побѣды, Вышневскій, повидимому, долженъ быть спокоенъ. Онъ, дѣйствительно, и представляется спокойнымъ.—Но въ глубинѣ души его грызетъ червь сомнѣнія и страха. Онъ самъ, въ концѣ комедіи, въ порывѣ отчаянья и самодовольной злобы, внезапно открываетъ это Жадову, когда тотъ пришелъ просить выгоднаго мѣста. Онъ смѣется надъ племянникомъ, отрекающимся отъ завиральныхъ идей, но при этомъ признается ему, что прежде вѣрилъ правдѣ его обличеній и предсказаній:

Признаюсь тебѣ, я вѣрилъ. Я васъ глубоко ненавидѣлъ... я васъ боялся. Да, не шутя. — И что-же оказывается! (успокоительно для себя прибавляетъ Вышневскій). Вы честны до тѣхъ поръ, пока не выдохлись уроки, которые вамъ долбили въ голову; честны только до первой встрѣчи съ нуждой! Ну, обрадовалъ ты меня, нечего сказать!... Нѣтъ, вы не стоите ненависти—я васъ презираю! (250).

„Я васъ презираю!“—Эти слова повидимому свидѣтельствуютъ, что Вышневскій опять успокоился; но спокойствіе его ненадежно, — онъ и самъ это чувствуетъ. Когда Жадовъ очнулся отъ временнаго помраченія совѣсти и ума и опять вернулся къ идеаламъ добра и правды,—и къ Вышневскому вернулись его сомнѣнія и страхи. Онъ гонитъ Жадова вонъ; онъ кричитъ ему: „я задушу тебя своими руками“—и безъ чувствъ падаетъ, пораженный физически, потому что пораженъ нравственно.

И такое же пораженіе терпитъ онъ и въ своихъ отношеніяхъ къ женѣ. Спокойный, повидимому, потому что считаетъ ее обязанной вѣчной благодарностью за избавленіе отъ бѣдности, онъ въ сущности боится порывовъ ея самостоятельности. Когда онъ началъ было злобно и

безпощадно корить ее за неисполненіе долга, по поводу ея писемъ къ Любимову, мѣра ея терпѣнія переполнилась: она въ глаза высказала ему все втеченіи годовъ накопившееся на сердцѣ негодованіе,—и онъ потрясенъ ея правдивыми укорами, потрясенъ такъ-же сильно, какъ завиральными идеями племянника.

Самолюбіе заставляетъ Вышневскаго до конца не выдавать себя: отданный подъ судъ, онъ не хочетъ сознаться, что пострадалъ за взятки,—говоритъ, что его пересилили завистники. Но онъ здѣсь просто лицемѣритъ изъ самолюбія и упрямства. Человѣкъ умный и сознательный, онъ, конечно, понимаетъ, что въ жизни могутъ восторжествовать и свѣтлыя начала.

Юсовъ и *Бѣлогубовъ*, достойные помощники и подчиненные Вышневскаго, въ противоположность ему, живутъ скорѣй безсознательной жизнью. Акимъ Акимычъ Юсовъ, выросшій въ атмосферѣ присутственнаго мѣста, обученный на мѣдныя деньги, весь, всею душою и тѣломъ преданъ службѣ, разумѣя подъ службою—служеніе лицамъ и своимъ матерьяльнымъ интересамъ. Начальство—для него авторитетъ безусловный, мелкій подчиненный чиновникъ—ничтожество.

Обратили на тебя вниманіе, ну, ты и человѣкъ, дышешь; а не обратили—что ты?

поучаетъ онъ Бѣлогубова.

Образованныхъ людей, „верхоглядовъ“ Юсовъ терпѣть не можетъ, потому что въ нихъ нѣтъ почтительности къ начальству, „трепету“. Онъ возмущается „мальчишками“, смѣющими носъ поднимать.

Акимъ Акимычъ нажилъ себѣ состояніе, купилъ 3 домика на имя жены въ отдаленной части города, держитъ четверку лошадей, и доволенъ собою, своей судьбой, своей участью. Разсказавъ Кукушкиной, какъ маль-

чикомъ началъ онъ службу, какъ привели его въ затрапезномъ халатишкѣ въ присутственное мѣсто, какъ сидѣлъ онъ первоначально даже не на стулѣ, а на связкѣ бумагъ, и писалъ не изъ чернильницы, а изъ помадной банки, Акимъ Акимычъ заключаетъ:

А вотъ вышелъ въ люди. Конечно, все это не отъ насъ... свыше... знать, ужь такъ надобно было мнѣ быть человѣкомъ и занимать важный постъ. Иногда думаемъ съ женой: за что такъ насъ Богъ взыскалъ своею милостью? На все судьба... и добрыя дѣла нужно дѣлать... помогать неимущимъ (188).

Акимъ Акимычъ находитъ себя человѣкомъ хорошимъ, успокаиваетъ свою совѣсть мелкою помощью бѣднымъ, покровительствомъ глупымъ, но почтительнымъ молодымъ чиновникамъ, и считаетъ себя исполнившимъ назначенiе человѣка. Со смиреннымъ самодовольствомъ говоритъ онъ, что въ немъ нѣтъ гордости:

А гордости во мнѣ нѣтъ-съ. Гордость ослѣпляетъ... Мнѣ хоть мужикъ... я съ нимъ, какъ съ своимъ братомъ... все равно, ближнiй.

Разсужденiя Юсова о спокойствiи совѣсти доходятъ до идиллическаго сантиментальничанья въ чудесной сценѣ пирушки въ трактирѣ, когда, довольный угощенiемъ своего преданнаго подчиненнаго и ученика, старикъ пляшетъ подъ машину:

Мнѣ можно плясать! (разсуждаетъ онъ). Я все въ жизни сдѣлалъ, что предписано человѣку. У меня душа спокойна, сзади ноша не тянетъ, семейство обезпечилъ—мнѣ теперь можно плясать. Я теперь только радуюсь на Божiй мiръ! Птичку увижу, и на ту радуюсь: цвѣтокъ увижу, и на него радуюсь, — премудрость во всемъ вижу...... Другихъ не осуждаю...... Кого мы можемъ осуждать! Мы не знаемъ, что еще сами-то будемъ!.. Посмѣялся ты нынче надъ пьяницей, а завтра самъ, можетъ быть, будешь пьяницей; осудишь нынче вора, а можетъ быть самъ завтра будешь воромъ. Почемъ

мы знаемъ свое опредѣленіе, кому чѣмъ быть назначено?.... Гордость! гордость! Я плясалъ отъ полноты души. На сердцѣ весело, на душѣ спокойно! Я никого не боюсь! Я хоть на площади передъ всѣмъ народомъ буду плясать. Мимоходящіе скажутъ: „сей человѣкъ пляшетъ, должно быть душу имѣетъ чисту!“ и пойдетъ всякій по своему дѣлу.

„Судьба!“ — часто говоритъ Акимъ Акимычъ. Онъ создалъ себѣ вѣрованіе въ судьбу — и на этомъ успокоился. Когда палъ Вышневскій, онъ пускается по этому поводу въ фаталистическія разсужденія о гордости.

Полноте, какая тутъ гордость! просто взятки (говоритъ ему Вышневская).

— Взятки? Взятки что-съ, маловажная вещь (возражаетъ Акимъ Акимычъ)... Многіе подвержены. Смиренія нѣтъ, вотъ главное... Судьба все равно, что фортуна... Какъ изображается на картинѣ... Колесо, и на немъ люди... Поднимается кверху и опять опускается внизъ, возвышается и потомъ смиряется, превозносится собой и опять ничто... такъ все кругообразно. Устраивай свое благосостояніе, трудись, пріобрѣтай имущество... возносись въ мечтахъ... и вдругъ нагъ!.. Вотъ что раскусить надо! Вотъ что долженъ человѣкъ помнить! Мы родимся, ничего не имѣемъ, такъ и въ могилу. Для чего-же трудимся? Вотъ философія! Что нашъ умъ? Что онъ можетъ постигнуть?

Чудесны эти наивно-глубокомысленныя разсужденія стараго плута; чудесно изобразилъ его образъ Островскій. Но едва-ли и здѣсь поэтъ не погрѣшилъ нѣсколько противъ истины (какъ въ „Бѣдной невѣстѣ“), оставивъ въ тѣни плутоватость Юсова. Не обманываетъ ли старикъ себя самого своею глубокомысленной философіей? не хитритъ ли онъ передъ самимъ собою? не такъ ужь онъ безсознателенъ, чтобы не понимать своей нечестности.

Акимъ Акимычъ покровительствуетъ почтительнымъ молодымъ чиновникамъ, тѣсня „для пользы службы“ — образованныхъ верхоглядовъ и либераловъ. У него (по

его словамъ) больше лежитъ сердце къ простымъ людямъ.

При нынѣшнихъ строгостяхъ (говоритъ онъ), случается съ человѣкомъ несчастіе, выгонятъ изъ уѣзднаго училища за неуспѣхи, или изъ низшихъ классовъ семинаріи: какъ его не призрѣть? Онъ и такъ судьбой убитъ, всего онъ лишенъ, всѣмъ обиженъ. Да и люди выходятъ по нашему дѣлу понятливѣе и подобострастнѣе, душа у нихъ открытѣе.

И вотъ такую открытую и подобострастную душу Юсовъ и нашелъ въ *Бѣлогубовѣ*. Бѣлогубовъ безграмотенъ, невѣжественъ, и самъ смиренно сознаетъ это и не претендуетъ даже на мѣсто выше столоначальника. Но онъ умѣетъ услужить начальству, у него достаточно „трепету" передъ высшими, — и онъ далеко пойдетъ. Человѣкъ ограниченный, онъ, однако, отлично умѣетъ нажиться.

Ты что-то ныньче разгулялся! Должно-быть, ловко хватилъ? (говоритъ ему Юсовъ въ трактирѣ на пирушкѣ).

— Попало-таки! А кому? все вамъ обязанъ.

Зацѣпилъ должно быть?

— Вотъ онѣ-съ.

Да ужь я знаю тебя, у тебя рука-то не сфальшивитъ.

— Нѣтъ, позвольте! Кому же я обязанъ? Развѣ бы я понималъ что, кабы не вы? Отъ кого я въ люди пошелъ, отъ кого жить сталъ, какъ не отъ васъ? Подъ вашимъ крыломъ воспитался! Другой бы того и въ десять лѣтъ не узналъ, всѣхъ тонкостей и оборотовъ, что я въ 4 года узналъ. Съ васъ примѣръ бралъ во всемъ, а то гдѣ-бы мнѣ съ моимъ-то умомъ! Другой отецъ того не сдѣлаетъ для сына, что вы для меня сдѣлали.

И растроганный подвыпившій Бѣлогубовъ утираетъ слезы на глазахъ, и лѣзетъ целовать у Юсова руку и проситъ его зайти какъ-нибудь къ нимъ, осчастливить ихъ:

Мы еще съ женой люди молодые, посовѣтовали бы намъ, поученье-бы сказали, какъ жить въ законѣ и всѣ обязанности испол-

нять. Кажется, будь каменный человѣкъ, и тотъ въ чувство придетъ, какъ васъ послушаетъ (209—210).

Несомнѣнно искренни эти слова. Но едва-ли не также несомнѣнно, что есть въ нихъ и доля обмана и хитрости. Человѣкъ ловкій и осторожный, Бѣлогубовъ, какъ и Юсовъ, понимаетъ гораздо больше, чѣмъ самъ выражаетъ, и въ глубинѣ своей совѣсти, конечно, чувствуетъ, что взятки и есть взятки, а не благое и хорошее дѣло.

И вотъ среди подобныхъ образованныхъ и невѣжественныхъ, сознательныхъ и безсознательныхъ грабителей, казнокрадовъ и взяточниковъ вывелъ Островскій благородную, честную личность *Жадова*. Слабый волею, но чистымъ чувствомъ любящій свои высокіе идеалы, Жадовъ сталкивается съ крѣпкимъ вѣрою въ себя бюрократическимъ міромъ, колеблется, падаетъ, опять подымается...

Василій Николаевичъ Жадовъ—молодъ и лѣтами, и духомъ; онъ честно смотритъ на жизнь, и открыто, смѣло высказываетъ свои благородныя убѣжденія. Зато онъ прослылъ среди Вышневскихъ и Юсовыхъ вольнодумцемъ, человѣкомъ грубымъ и неуважающимъ старшихъ. Вышневскій подсмѣивается надъ нимъ, надъ его непрактичностью:

Представьте (иронически говоритъ онъ про Жадова, обращаясь къ своей женѣ): читаетъ въ канцеляріи писарямъ мораль; а тѣ, натурально, ничего не понимаютъ, сидятъ, розиня ротъ, выпуча глаза. Смѣшно, любезный!

— Какъ я буду молчать (возражаетъ Жадовъ), когда на каждомъ шагу вижу мерзости? Я еще не потерялъ вѣру въ человѣка; я думаю, что мои слова произведутъ на нихъ дѣйствіе.

Онѣ ужь и произвели: ты сталъ посмѣшищемъ всей канцеляріи. (169).

Жадова обвиняютъ въ нетерпимости.—„Одно меня безпокоитъ: ваша нетерпимость“, говоритъ ему сочувствующая его воззрѣніямъ Вышневская: „вы постоянно наживаете себѣ враговъ“.

Да (отвѣчаетъ онъ), мнѣ всѣ говорятъ, что я нетерпимъ, что отъ этого я много теряю. Да развѣ нетерпимость недостатокъ? Развѣ лучше равнодушно смотрѣть на Юсовыхъ, Бѣлогубовыхъ и на всѣ мерзости, которыя постоянно кругомъ тебя дѣлаются? Отъ равнодушія недалеко до порока. Кому порокъ не гадокъ, тотъ самъ понемногу втянется.

— Я не называю нетерпимость недостаткомъ (говоритъ на это Вышневская), только знаю по опыту, какъ она неудобна въ жизни... (168).

Жадовъ полюбилъ молодую дѣвушку Полину, любимъ ею, и, вѣря въ людей, вѣря въ жизнь, вѣря въ свои благородные принципы, смѣло готовъ соединить свою судьбу съ судьбою бѣдной дѣвушки.

Чѣмъ-же вы жить-то будете? (спрашиваетъ его Вышневская).

— А голова-то, а руки-то на что? (отвѣчаетъ онъ). Неужели мнѣ весь вѣкъ жить на чужой счетъ?.. А кто-же будетъ работать-то? Зачѣмъ-же насъ учили-то? Дядя совѣтуетъ прежде нажить денегъ какимъ-бы то ни было образомъ, купить домъ, завесть лошадей, а потомъ ужь завести и жену. Могу-ли я согласиться съ нимъ? Я полюбилъ дѣвушку, какъ любятъ только въ мои лѣта. Неужели я долженъ отказаться отъ счастія оттого только, что она не имѣетъ состоянія?

Дядя всегда (продолжаетъ онъ) поучалъ меня: „поди-ка, поживи, не то заговоришь. Ну, вотъ я и хочу пожить, да еще не одинъ, а съ молодой женой“.

— Да (замѣчаетъ на это Вышневская), позавидуешь женщинамъ, которыхъ любятъ такіе люди, какъ вы (167).

Какою-то отвагой, молодой благородной удалью вѣетъ отъ мыслей и рѣчей, отъ розовыхъ мечтаній и смѣлыхъ и чистыхъ надеждъ и вѣрованій Жадова:

Да, разговаривайте! (говоритъ онъ, оставшись одинъ послѣ спора съ Вышневскимъ и Юсовымъ). Не вѣрю я вамъ. Не вѣрю и тому, чтобы честнымъ трудомъ не могъ образованный человѣкъ обезпечить себя съ семействомъ. Не хочу вѣрить и тому, что общество такъ развратно! Это обыкновенная манера стариковъ разочаровывать молодыхъ людей: представлять имъ все въ черномъ свѣтѣ. Людямъ стараго вѣка завидно, что мы такъ весело и съ такою надеждой смотримъ на жизнь. А, дядюшка! я васъ понимаю. Вы теперь всего достигли—и знатности, и денегъ, вамъ некому завидовать. Вы завидуете только намъ, людямъ съ чистою совѣстью, съ душевнымъ спокойствіемъ. Этого вы не купите ни за какіе деньги. Разсказывайте что хотите, а я, все-таки, женюсь и буду жить счастливо. (176—177).

Такимъ симпатичнымъ, добрымъ и вѣрящимъ является намъ Жадовъ въ началѣ комедіи.

Свои благородныя убѣжденія и воззрѣнія на жизнь онъ старается привить и невѣстѣ своей—*Полинѣ*.—Но вотъ здѣсь и начинаютъ выступать передъ нами слабыя его стороны. Прежде всего онъ оказывается непрактичнымъ, не въ томъ смыслѣ, что смѣло возстаетъ противъ порока, а въ томъ, что не понимаетъ жизни и людей, свои мечты готовъ принимать за дѣйствительность.—Онъ не догадывается, что Полина, будучи очень недалека, не понимаетъ его.

Ну ужъ, Юлинька (говоритъ она сама сестрѣ), вотъ хоть сейчасъ голову на отсѣченіе, ничего не понимаю, что онъ говоритъ. Сожметъ руку такъ крѣпко и начнетъ говорить, и начнетъ... чему-то меня учить хочетъ.

— Чему-же?

Ужъ право, Юлинька, не знаю. Что-то очень мудрено. Погоди, можетъ быть, вспомню, только какъ-бы не засмѣяться, слова такія смѣшныя! Постой, постой, вспомнила! „Какое назначеніе женщины въ обществѣ?“ Про какія-то еще гражданскія добродѣтели говоритъ. Я ужъ и не знаю, что такое. (180).

Далѣе въ комедіи передъ нами сцена бесѣды Жадова

съ Полиной. Простодушная и дѣйствительно, хоть и не глубоко, любящая дѣвушка, Полина откровенно говоритъ, что у нихъ въ домѣ все обманъ и лицемѣріе, а про себя заявляетъ, что она просто „дурочка“,—

> такъ, какъ бываютъ дурочки. Ничего не знаю, ничего не читала... что вы иногда говорите, ничего не понимаю, рѣшительно ничего...

Жадовъ въ восторгѣ отъ ея искренности. „Вы ангелъ!“ восклицаетъ онъ. И онъ отчасти правъ: въ простодушныхъ словахъ Полины въ самомъ дѣлѣ слышится душевная правда. Но, отвлеченный мечтатель, онъ не вникъ въ настоящій смыслъ послѣднихъ словъ своей невѣсты: онъ думаетъ, что она преувеличиваетъ дѣло и называетъ глупостью нетронутость, свѣжесть своей души.

> За то-то я васъ и люблю (говоритъ онъ), что васъ не успѣли ничему выучить, не успѣли испортить вашего сердца. Васъ надобно поскорѣй взять отсюда. Мы съ вами начнемъ новую жизнь. Я съ любовью займусь вашимъ воспитаніемъ. Какое наслажденіе ожидаетъ меня!
>
> — Ахъ, поскорѣй-бы! (195).

отвѣчаетъ она, не понимая опять его словъ, и затѣмъ преспокойно переходитъ къ распросамъ—есть-ли у него такіе знакомые купцы, которые дарили бы ему жилетки, какъ Бѣлогубову?—Жадовъ и тутъ, и при этихъ словахъ остается слѣпъ насчетъ истиннаго состоянія души Полины; отвѣтивъ ей: „ну, нѣтъ, намъ дарить не будутъ; мы съ вами будемъ сами трудиться“, онъ затѣмъ начинаетъ отвлеченно проповѣдовать ей:

> Нѣтъ, Полина, вы еще не знаете высокаго блаженства жить своимъ трудомъ... Тутъ два наслажденія: наслажденіе трудомъ и наслажденіе свободно и съ спокойною совѣстью распоряжаться своимъ добромъ, не давая никому отчета. А это лучше всякихъ подарковъ. Не правда-ли, Полина, вѣдь лучше?
>
> — Да-съ, лучше,

безсознательно даетъ она подсказанный имъ отвѣтъ. А онъ въ восторгѣ:

Вы говорите, что вы дурочка,—я дуракъ! (восклицаетъ онъ, растроганный и умиленный). Смѣйтесь надо мною! Да ужь многіе и смѣются. Безъ средствъ, безъ состоянія, съ однѣми надеждами на будущее, я женюсь на васъ.—Зачѣмъ ты женишься? говорятъ мнѣ.— Зачѣмъ? Затѣмъ, что люблю васъ, что вѣрю въ людей... (197).

Жадовъ понялъ, что Полина вовсе не такъ непосредственна, чиста и нетронута, какъ онъ воображалъ, лишь тогда, когда, женившись на ней и проживъ съ ней больше года, увидѣлъ наконецъ, что слова его не производятъ на нее никакого дѣйствія, что не только она не понимаетъ ихъ умомъ, но—гораздо болѣе,—они не доходятъ до ея сердца, не тревожатъ ея совѣсти. И горько стало у него на душѣ.

Исторія моя коротка (разсказываетъ онъ старому товарищу Мыкину, встрѣтившись съ нимъ въ трактирѣ). Я женился по любви, какъ ты знаешь, взялъ дѣвушку неразвитую, *воспитанную въ общественныхъ предразсудкахъ*, какъ и всѣ почти наши барышни, мечталъ ее воспитать въ нашихъ убѣжденіяхъ, и вотъ ужь годъ женатъ...

— И что-же?

Разумѣется ничего. Воспитывать ее мнѣ некогда, да я и не умѣю приняться за это дѣло. Она такъ и осталась при своихъ понятіяхъ: въ спорахъ, разумѣется, я ей долженъ уступать. Положеніе, какъ видишь, незавидное, а поправить нечѣмъ. Да она меня и не слушаетъ, она меня просто не считаетъ за умнаго человѣка. По ихъ понятію, умный человѣкъ долженъ быть непремѣнно богатъ. (201).

„Да я и не умѣю приняться за это дѣло“, говоритъ Жадовъ: онъ понялъ теперь (какъ мы видимъ изъ этихъ словъ) не только Полину, но и себя,—понялъ свою непрактичность и отвлеченность:

Какой я человѣкъ! Я ребенокъ (говоритъ онъ съ сердечной болью своему новому пріятелю Досужеву), я объ жизни не имѣю никакого понятія.

Онъ началъ смутно догадываться, какъ мы видимъ изъ дальнѣйшихъ словъ его, и о присутствіи въ себѣ, въ своемъ характерѣ еще другаго недостатка—слабости воли.

Мнѣ тяжело! (говоритъ онъ тому-же Досужеву). Не знаю—вынесу-ли я! Кругомъ развратъ, *силъ мало*. Зачѣмъ же насъ учили! (213)

Полина, проживши годъ съ Жадовымъ, не понимаетъ его, не цѣнитъ его честной души, его возвышенныхъ убѣжденій. Въ ней есть кое-что симпатичное и привлекательное: она—добродушна, безхитростна, проста.

Но она, однако, истинная дочь своей семьи.

„Такого глубокаго разврата, какъ въ вашемъ семействѣ, я не видывалъ“,

говоритъ Жадовъ своей тещѣ *Кукушкиной*. — И въ самомъ дѣлѣ, Кукушкина ничему доброму не научила ни Юлиньку, ни Полину.

„Средства мои самыя ничтожныя (говоритъ она зятю, попрекая его), а все-таки онѣ жили какъ герцогини, въ самомъ невинномъ состояніи; гдѣ ходъ въ кухню, не знали; не знали, изъ чего щи варятся; только и занимались, какъ слѣдуетъ барышнямъ, разговоромъ объ чувствахъ и предметахъ самыхъ облагороженныхъ.

Она говоритъ, что по грошамъ набирала съ мужемъ денегъ для воспитанія дочерей въ пансіонѣ.

Для чего это, какъ вы думаете? Для того, чтобы онѣ имѣли хорошія манеры, не видали кругомъ себя бѣдности, не видали низкихъ предметовъ, чтобы не отяготить дитя и съ дѣтства пріучить ихъ къ хорошей жизни, благородству въ словахъ и поступкахъ.

Поставивши себѣ цѣлью — сбыть дочерей поскорѣе съ-рукъ, Кукушкина учила ихъ лицемѣрію (мы видѣли

уже свидѣтельство Полины, что все въ ихъ домѣ было ложью), учила грубо и нагло кокетничать, строить глазки, писать даже любовныя письма.

Юлинька, существо холодное и эгоистическое, вполнѣ усвоила курсъ этой школы, и спокойно по разсчету вышла за Бѣлогубова; онъ ей казался „гнусненекъ“ и былъ противенъ: но она знала, что у него есть знакомые богатые купцы, которые будутъ дарить ему все, что нужно и что она пожелаетъ, и она преодолѣла себя; а затѣмъ стала даже очень довольна своей участью.

> Онисимъ Панфилычъ для дома отличный человѣкъ, настоящій хозяинъ; чего-чего у насъ нѣтъ, когда-бы ты посмотрѣла (217).

говоритъ она сестрѣ.

> Да, я могу про себя сказать, что я счастлива....... Ты не можешь представить, какъ деньги и хорошая жизнь облагораживаютъ человѣка. Въ хозяйствѣ я теперь ничѣмъ не занимаюсь, считаю низкимъ. Я теперь все пренебрегаю, кромѣ туалета.

Полина нравственно выше Юлиньки; и хоть ее и не возмущали (какъ воображалъ Жадовъ, идеализируя ее) домашняя ложь и пошлость, но она и не усвоила ихъ вполнѣ, не предалась имъ всею душою.—Твердыхъ нравственныхъ устоевъ въ ней, однако, нѣтъ; нѣтъ нисколько жажды истины, правды, добра. Она любитъ Жадова; но скорѣй поддается вліянію сестры и матери, чѣмъ его.

> Какъ ты живешь! Ужасно! (стыдитъ ее и жалѣетъ Юлинька). Ныньче совсѣмъ не такой тонъ. Ныньче у всѣхъ принято жить въ роскоши.

Юлинька настраиваетъ сестру противъ мужа, говоритъ про него:

> Представляетъ изъ себя умнаго человѣка, а нынѣшняго тону не знаетъ. Онъ долженъ знать, что человѣкъ созданъ для общества.

Она учитъ Полину: „ты-бы съ нимъ ссориться попробовала“. „Лаской изъ мужчинъ ничего не сдѣлаешь. Ты къ нему ластишься—вотъ онъ и сидитъ сложа руки, ни объ себѣ, ни объ тебѣ не думаетъ“. Она совѣтуетъ Полинѣ пригрозить ему переѣздомъ къ матери, если онъ не перемѣнится, если не пойдетъ просить у дяди доходнаго мѣста.

Еще безнравственнѣе и хуже совѣты даетъ Полинѣ мать:

Бываютъ же такіе мерзавцы на свѣтѣ! (говоритъ она дочери про Жадова)... Ты-то что-жь молчишь, сударыня? Не я-ли тебѣ твердила: не давай мужу потачки, точи его поминутно, и день, и ночь: давай денегъ да давай, гдѣ хочешь возьми да подай. Мнѣ, молъ, на то нужно, на другое нужно. Маменька, молъ, у меня тонкая дама, надо ее прилично принять. Скажетъ: нѣтъ у меня. А мнѣ, молъ, какое дѣло? Хоть укради да подай. Зачѣмъ бралъ? Умѣлъ жениться, умѣй и жену содержать прилично. Да этакъ съ утра да до ночи долбила-бы ему въ голову-то, такъ авось-бы въ чувство пришелъ. У меня бы на твоемъ мѣстѣ другаго и разговору не было.

Кукушкина стыдитъ свою дочку за то, что та любитъ мужа:

У тебя все нѣжности на умѣ, все бы вѣшалась къ нему на шею... А нѣтъ, чтобы объ жизни подумать. Безстыдница! И въ кого это ты такая уродилась! У насъ въ роду всѣ рѣшительно холодны къ мужьямъ: больше все думаютъ объ нарядахъ, какъ одѣться приличнѣе блеснуть передъ другими. (220).

„А вотъ погоди, мы на него насядемъ обѣ, такъ авось подастся“,—предлагаетъ она дочери союзъ, и затѣмъ напускается съ упреками на пришедшаго домой зятя:

Да развѣ я ее для такой жизни готовила? Я-бы лучше руку дала на отсѣченіе, чѣмъ видѣть въ такомъ положеніи дочь: въ бѣдности, въ страданіи, въ убожествѣ.

Видала я примѣры-то

(говоритъ она, низко и безсовѣстно развращая Полину),

> какъ женщины гибнутъ отъ бѣдности. Бѣдность-то до всего доводитъ. Другая бьется, бьется, ну и собьется съ пути. Даже и винить нельзя (225, 227).

„Что? Какъ вы можете говорить при дочери такія вещи!“ въ негодованіи восклицаетъ Жадовъ, и проситъ Кукушкину оставить ихъ домъ.—Онъ начинаетъ затѣмъ серьезно (или, какъ онъ выражается „построже“) говорить съ Полиной; высказываетъ требованіе, чтобы она прекратила сношенія со своими родными...

Но онъ встрѣчаетъ неожиданно для себя (хотя въ сущности и могъ-бы этого ожидать) отпоръ въ Полинѣ: повторяя чужія слова, она заявляетъ ему, что хочетъ жить, „какъ всѣ благородныя дамы живутъ“, что „человѣкъ созданъ для общества“, что ей нѣтъ дѣла до того—на какія средства жить: „кто любитъ, тотъ найдетъ средства“ и т. д. и т. д. и заканчиваетъ требованіемъ, чтобы онъ шелъ къ дядѣ просить доходнаго мѣста,—въ противномъ случаѣ она его оставитъ и уйдетъ жить къ матери.

Жадовъ сначала какъ будто твердо противостоитъ нападеніямъ. Но когда Полина уходитъ, и ему кажется, что она дѣйствительно исполнитъ свою угрозу — покинетъ его, онъ изнемогаетъ и падаетъ духомъ.

> Что-же мнѣ теперь дѣлать? (говоритъ онъ). Господи, Боже мой! Я съ ума сойду. Безъ нея мнѣ незачѣмъ на свѣтѣ жить .... Опять сирота! Чего-жь лучше! Поутру пойду въ присутствіе; послѣ присутствія домой незачѣмъ ходить—посижу въ трактирѣ до вечера; а вечеромъ домой, одинъ, на холодную постель . . . зальюсь слезами И такъ каждый день! Очень хорошо! (Плачетъ). Ну, что-жъ! не умѣлъ съ женой жить, такъ живи одинъ. Нѣтъ, надо рѣшиться на что-нибудь. Я долженъ или разстаться съ ней, или... жить... жить... какъ люди живутъ. Объ этомъ надо подумать. (Задумывается). Разстаться? Да въ силахъ-ли я съ ней разстаться? Ахъ, какая мука!

Нѣтъ, ужь лучше... что съ мельницами-то сражаться! Что я говорю! Какія мысли лѣзутъ мнѣ въ голову! (233).

Въ эту минуту возвращается Полина, за которой онъ послалъ служанку, и самъ-не-свой отъ радости, Жадовъ, въ-попыхахъ, въ тревогѣ, торопясь и волнуясь, пытается еще разъ объяснить женѣ свои возвышенныя идеи и стремленія, правила долга и чести.—И вотъ здѣсь обнаруживается во всей силѣ одна изъ слабыхъ чертъ нравственнаго образа Жадова—его отвлеченность его далекость отъ жизни. Такъ отвлеченна, даже болѣе—разсудочна и холодна его проповѣдь Полинѣ, что она не могла, конечно, подѣйствовать и не подѣйствовала на недалекую женщину.

Ты сумашедшій, право сумашедшій! (искренно воскликнула Полина). И ты хочешь, чтобъ я тебя слушала; у меня и такъ ума-то немного, и послѣдній съ тобой потеряешь.... Нѣтъ, ужь я лучше буду слушать умныхъ людей.

Неуспѣхъ попытки пробудить умъ и совѣсть жены сразилъ Жадова; а ея отвѣтъ на вопросъ: кто-же эти умные люди?—„Кто? Сестрица, Бѣлогубовъ", этотъ отвѣтъ окончательно его подрѣзалъ.—„И ты сравняла меня съ Бѣлогубовымъ", горестно говоритъ онъ, и затѣмъ, когда Полина выразила намѣреніе вторично уйти изъ дому, онъ окончательно падаетъ духомъ—и уступаетъ ея безнравственнымъ требованіямъ:

Вѣдь молодую, хорошенькую жену надо любить (говоритъ онъ), надо ее лелѣять... да, да, да! надо ее наряжать... Ну, что-жь, ничего... ничего... Это легко сдѣлать! (Съ отчаяніемъ). Прощайте юношескія мечты мои! Прощайте, великіе уроки! Прощай, моя честная будущность!

Слабый, безхарактерный человѣкъ не выдержалъ, подался. Слабость воли есть самая печальная, и въ то-

же время одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ образа Жадова. И этой чертою онъ противоположенъ Грибоѣдовскому Чацкому, съ которымъ у него такъ много общаго и въ благородствѣ убѣжденій, и въ смѣлости ихъ высказыванія, въ такъ-называемой „нетерпимости“. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что Жадовъ уступилъ злу съ душевной тоскою, съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Буду сторониться, прятаться отъ своихъ прежнихъ товарищей (говоритъ онъ женѣ)... не буду ходить туда, гдѣ говорятъ про честность, про святость долга... цѣлую недѣлю работать, а въ пятницу на субботу собирать разныхъ Бѣлогубовыхъ и пьянствовать на наворованныя деньги, какъ разбойники... да, да... А тамъ и привыкнемъ.

И, заглушая внутреннія муки, онъ поетъ старинные стихи:

Бери, большой тутъ нѣтъ науки,
Бери, что можно только взять!
На что-жь привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать, брать, брать...

Стихи эти—изъ комедіи конца 18-го вѣка „Ябеда“, Капниста. Ихъ сочинилъ взяточникъ съ поэтическими наклонностями прокуроръ Хватайко. Комедія „Ябеда“, подобно „Доходному мѣсту“, изображала въ сатирическомъ свѣтѣ бюрократическій міръ съ его казнокрадствомъ и взяточничествомъ. Введеніемъ въ свою пьесу приведенныхъ стиховъ Островскій самъ указалъ на историческую связь своей общественной комедіи съ литературой 18-го столѣтія.

Въ 5-мъ актѣ Жадовъ исполняетъ то, на что уже рѣшился: является къ Вышневскому и проситъ доходнаго мѣста.—Но неожиданныя обстоятельства, неожиданный житейскій урокъ отрезвляютъ его и спасаютъ. Не столько фактъ паденія Вышневскаго, сколько на-

смѣшка взяточника надъ слабостью честнаго человѣка, и особенно признаніе взяточника, что онъ боялся честныхъ людей, а теперь перестаетъ бояться,—возвращаютъ Жадова снова на дорогу чести и добра. Онъ смиренно сознаетъ свою слабость: „я не герой, я обыкновенный, слабый человѣкъ; у меня мало воли, какъ почти у всѣхъ насъ". Но, прибавляетъ онъ, „моей слабости вамъ нечего радоваться", потому что она не свидѣтельствуетъ о нравственномъ паденіи жизни, потому что, не смотря на нее:

въ наше время.... общество мало-по-малу бросаетъ прежнее равнодушіе къ пороку, слышатся энергическіе возгласы противъ общественнаго зла... Я говорилъ, что у насъ пробуждается сознаніе своихъ недостатковъ; а въ сознаніи есть надежда на лучшее будущее. Я говорилъ, что начинаетъ создаваться общественное мнѣніе... что въ юношахъ воспитывается чувство справедливости, чувство долга, и оно растетъ, растетъ и принесетъ плоды. Не увидите вы, такъ мы увидимъ и возблагодаримъ Бога.

Одушевленный своими мыслями, своею вѣрою въ пробужденіе въ обществѣ нравственнаго сознанія, Жадовъ крѣпнетъ духомъ, надѣясь на поддержку общественнаго мнѣнія.

Ужь теперь я не измѣню себѣ (говоритъ онъ). Если судьба! приведетъ ѣсть одинъ черный хлѣбъ—буду ѣсть одинъ черный хлѣбъ. Никакія блага не соблазнятъ меня, нѣтъ!.... Если вся жизнь моя будетъ состоять изъ трудовъ и лишеній, я не буду роптать... Одного утѣшенія буду просить я у Бога, одной награды буду ждать, чего, думаете вы?... Я буду ждать того времени, когда взяточникъ будетъ бояться суда общественнаго больше, чѣмъ уголовнаго. (251).

Эти энергическія слова сдѣлали два дѣла: смутили и поразили наглую самоувѣренность Вышневскаго, и пробудили чувство и совѣсть въ Полинѣ. Вернувшись

къ своимъ чистымъ идеаламъ, Жадовъ не удерживаетъ болѣе жену:

> Полина, теперь ты можешь идти къ маменькѣ, я тебя держать не стану (говоритъ онъ);

но Полина сама остается,—для нея настала возможность возрожденія.

Личность Жадова, центральная въ комедіи „Доходное мѣсто", поясняетъ намъ собою и своими отношеніями къ другимъ личностямъ смыслъ пьесы.

Изобразивъ Жадова человѣкомъ безхарактернымъ, Островскій выказалъ этимъ свое скептическое отношеніе къ образованному обществу, призналъ его нравственно-колеблющимся и шаткимъ. Но это совсѣмъ не то, однако, что мы видѣли въ „Бѣдной невѣстѣ", гдѣ представителями образованнаго міра явились люди вполнѣ несостоятельные. Жадовъ лишенъ энергіи, слабъ; но онъ не только хорошій человѣкъ, а еще и человѣкъ способный дѣлать дѣло и нравственно подняться и подняться высоко, когда встрѣтитъ поддержку въ обществѣ; а такую поддержку онъ, дѣйствительно, и находитъ въ комедіи.— Кромѣ того въ „Доходномъ мѣстѣ" проходитъ передъ нами, по выраженію Аполлона Григорьева, тѣнь Чацкаго (критикъ разумѣетъ Любимова). Все это указываетъ намъ, что отношенія поэта къ образованному обществу теперь не отрицательныя, что онъ видитъ возможность торжества правды въ этомъ обществѣ.

ГЛАВА X.

„Въ чужомъ пиру похмѣлье".—„Тяжелые дни".

Около того же времени, когда рисовалъ типическую фигуру представителя интеллигенціи, Островскій создалъ и одинъ изъ наиболѣе яркихъ типовъ купеческаго міра—знаменитаго *Тита Титыча Брускова.*

Безхарактерность—слабая сторона человѣка интеллигенціи Жадова. Невѣжественное самодурство—отличительный дурной признакъ представителя земщины Брускова. Но какъ много прекраснаго въ слабовольномъ Жадовѣ, такъ много симпатичнаго и въ милѣйшемъ самодурѣ Титѣ Титычѣ.

Титъ Титычъ Брусковъ является героемъ двухъ пьесъ: комедіи *„Въ чужомъ пиру похмѣлье"* и сценъ *„Тяжелые дни"*.

По поводу Тита Титыча, устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ первой пьесы, Островскій даетъ опредѣленіе самодурства.—Квартирная хозяйка Ивановыхъ Аграфена Платоновна такъ говоритъ про Брускова: „дикій, властный человѣкъ, крутой сердцемъ".—„Что такое: крутой сердцемъ?" спрашиваетъ Иванъ Ксенофонтычъ.—„Самодуръ", отвѣчаетъ она, и затѣмъ поясняетъ:

Самодуръ—это называется, коли человѣкъ никого не слушаетъ, ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужь всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежать, а то бѣда... (II, 120).

Самодурство тѣсно связывается съ невѣжествомъ и темнотою. Та-же Аграфена Платоновна говоритъ про Брускова:

„Хоть онъ и плутоватъ, а человѣкъ темный. Онъ только въ своемъ домѣ свирѣпъ, а то съ нимъ что хочешь дѣлай, дуракъ дуракомъ; на пустомъ спугнуть можно" (120).

Титъ Титычъ самовольничаетъ надъ домашними, какъ ему взбредетъ въ голову. Умный сынъ его Андрюша скрывается, потому что онъ хочетъ женить его „насильственнымъ образомъ", и для этого возитъ по невѣстамъ на-смотрины.

Жена, хоть въ-сущности и не боится его, потому что онъ больше грозенъ на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, не смѣетъ, однако, пикнуть передъ нимъ.

Настасья! смѣетъ меня кто обидѣть? (кричитъ онъ).

— Никто, батюшка, Китъ Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите (отвѣчаетъ она).

Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денегъ заплатилъ на своемъ вѣку.

Возможность платить деньгами за безобразіе очень нравится Титу Титычу. Явившись къ учителю Иванову искать скрывающагося „Андрюшку", онъ грозитъ, что сдѣлаетъ обыскъ, позоветъ квартальнаго.

Такъ тебѣ и позволятъ въ благородномъ домѣ безобразничать!.. (возражаетъ Аграфена Платоновна). Да ну, коли на то пошло, дѣлай обыскъ. А не найдешь, чѣмъ отвѣтишь?

— Не ваша печаль, это наше дѣло (продолжаетъ онъ свое). За безобразіе заплатимъ (131).

Возможность „заплатить" пріучила Тита Титыча давать волю рукамъ.

Ты меня выведешь изъ терпимости (говоритъ онъ Аграфенѣ Платоновнѣ), въ тѣ поры я въ себѣ не властенъ: я тебя прибью.

Привыкши по своимъ безобразіямъ и другимъ дѣламъ обращаться къ чиновному судейскому міру, зная по опыту подкупность чиновниковъ, Титъ Титычъ увѣренъ, что деньгами можно все сдѣлать; притомъ на законъ и законниковъ онъ смотритъ какъ-то наивно-суевѣрно, какъ на нѣчто всемогущее.

Можешь ты такое прошеніе написать (говоритъ онъ своему ходатаю по дѣламъ Захару Захарычу), чтобы въ Сибирь сослать по этому прошенію?

— Кого, Титъ Титычъ?

Троихъ человѣкъ. Тебѣ все равно, что одного, что троихъ?

— Все равно, Титъ Титычъ.

Надоть сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку ихъ. Я такъ хочу. (149).

Самъ невѣжественный (хотя далеко не глупый), Брусковъ окруженъ фантастически-невѣжественной средой. Удивительно характеренъ въ этомъ смыслѣ разговоръ Настасьи Панкратьевны, жены Брускова, съ гостьей Ненилой Сидоровной.

На что ему много-то знать? (разсуждаетъ Настасья Панкратьевна про сына Андрюшу). И такъ боекъ, а какъ обучатъ-то всему, тогда съ нимъ и не сговоришь; онъ мать-то и уважать не станетъ; хоть изъ дому бѣги.

— Да, вотъ на-счетъ ученья-то (вторитъ ей Ненила Сидоровна). У насъ сосѣдка отдала сына учиться, а онъ глазъ и выкололъ.

О другомъ своемъ сынѣ, сумашедшемъ „Купидошѣ", Настасья Панкратьевна разсказываетъ, что онъ „ума рехнулся" по театру.

— Говорятъ (замѣчаетъ на это Ненила Сидоровна), маленькихъ нехорошо по головѣ бить, глупѣютъ отъ этого.

Кто ихъ знаетъ, можетъ и правда (соглашается съ словами молвы Настасья Панкратьевна).

И затѣмъ обѣ старухи, призвавши Купидошу, просятъ его потѣшить ихъ—представить что-нибудь изъ театральнаго.

Въ такомъ-же духѣ характеренъ въ „Тяжелыхъ дняхъ“ разговоръ Настасьи Панкратьевны съ стряпчимъ Мудровымъ о книгахъ и о страшныхъ словахъ.— Мудровъ говоритъ, что книги есть всякія, и что нетвердымъ умамъ свѣтскихъ книгъ читать нельзя.

„Я могу, я читаю, я всякую книгу читаю. Я читаю, а самъ не вѣрю тому, что написано; какіе бы мнѣ документы ни приводили, я не вѣрю; хоть будь тамъ написано, что дважды два четыре, я не вѣрю, потому что я твердъ умомъ“ (III, 305).

говоритъ Мудровъ.—А затѣмъ онъ пугаетъ Настасью Панкратьевну страшными словами.

„Да, есть слова, есть-съ. Въ нихъ, сударыня, таинственный смыслъ сокрытъ, и сокрытъ такъ глубоко, что слабому уму-съ...

— Вотъ этихъ-то словъ я, должно быть, и боюсь (говоритъ Настасья Панкратьевна). Богъ его знаетъ, что оно значитъ, а слушать-то страшно.

„Вотъ, напримѣръ (продолжаетъ Мудровъ), металлъ. Что-съ? Каково слово! Сколько въ немъ смысловъ! Говорятъ: презрѣнный металлъ! Это одно значитъ; потомъ говорятъ: металлъ звенящій. Глаголъ временъ, металла звонъ“....

— Ну, будетъ, батюшка, будетъ. Не тревожьте вы меня! Разуму у меня немного, сообразить вашихъ словъ я не могу; мнѣ цѣлый день и будетъ представляться“. (306).

Самъ невѣжда, Титъ Титычъ не хотѣлъ учить Андрея, не смотря на то, что тотъ стремился къ просвѣщенію.

Я вотъ помоложе былъ, учиться захотѣлъ, такъ и то не велѣли (говоритъ Андрей Титычъ Лизаветѣ Ивановнѣ).... Диви-бы негдѣ было учиться, али-бы денегъ не было; а то денегъ уголъ непочатый лежитъ, дѣвать куда- не сообразимъ..... Одинъ капризъ, одна только амбиція, что вотъ я неученъ, а ты умнѣе меня хочешь быть. (II, 126).

Запрещаетъ Титъ Титычъ Андрюшѣ учиться на скрипкѣ, ходить въ театръ. „Съ твоимъ-ли рыломъ", говоритъ, „такія нѣжности разводить".

У насъ все равно, что загулялъ, что въ театрѣ просидѣлъ это на одномъ счету (поясняетъ Андрей Титычъ).

Таковы темныя черты въ характерѣ Брускова.—Но этотъ самодуръ и невѣжда оказывается человѣкомъ незлобивымъ и добродушнымъ.—Когда Аграфена Платоновна взяла съ него тысячу рублей за Андрюшину росписку, онъ досадуетъ, сердится, бранится; но въ сущности онъ не злобствуетъ на то, что его обманули (какъ онъ думаетъ).

Деньги-то взять умѣли! Вы меня хоть попотчуйте чѣмъ за мои деньги-то (говоритъ онъ).

А когда вернувшійся домой старикъ Ивановъ гонитъ его вонъ, онъ отвѣчаетъ дружескимъ приглашеніемъ:

Поѣдемъ ко мнѣ! Выпьемъ вмѣстѣ, пріятели будемъ. Что̀ ссориться-то! (136).

И если этого-же Иванова Титъ Титычъ, вернувшись домой, хочетъ въ Сибирь сослать; то это потому, что тотъ не пожелалъ быть пріятелемъ, а началъ ссориться.

Брусковъ мало того, что добродушенъ, онъ способенъ порой подниматься и гораздо выше въ нравственномъ смыслѣ: онъ благоговѣйно преклоняется душою передъ безкорыстіемъ и чувствомъ чести, которыя проявилъ передъ нимъ учитель Ивановъ. Самодуръ, не привыкшій встрѣчать себѣ препятствій, онъ смиренно сноситъ проклятія, этого Иванова, проклятія, которыхъ вовсе не заслужилъ, потому что ни въ чемъ не виноватъ: его-же обманули, да его-же и проклинаютъ (ибо Ивановъ, по отвлеченности своей не разобралъ дѣла). Но онъ сноситъ и несправедливое оскорбленіе, когда видитъ въ оскор-

бителѣ высокую душу и честныя нравственныя побужденія.—Для виду, для поддержанія своего самодурнаго достоинства, кричитъ Титъ-Титычъ:

Держи его! Вотъ видишь ты, съ какой сволочью связываешься! (155).

Но вслѣдъ затѣмъ онъ задумывается возвышенною думой:

Деньги и все это—тлѣнъ, металлъ звенящій! (говоритъ онъ). Помремъ — все останется,

и рѣшаетъ отправить сына къ Ивановымъ свататься за дочку.

Поѣзжай къ учителю, проси, чтобы дочь отдалъ за тебя. Онъ человѣкъ хорошій.

— Помилуйте, тятенька (пугается Андрей Титычъ), онъ и прежде-то-бы не отдалъ, а теперь мнѣ и глаза показать нельзя.

Я тебѣ приказываю, слышишь! Проси, кланяйся въ ноги. Онъ и постарше тебя да кланялся. (156).

Таковъ-же, какъ въ разсмотрѣнной пьесѣ, Титъ Титычъ и въ чудесныхъ, поэтическихъ сценахъ „*Тяжелые дни*“.

Онъ представляется здѣсь совсѣмъ ошалѣвшимъ отъ самодурства освирѣпѣвшимъ.

И прежде тятенька были люди (разсказываетъ Андрей Титычъ), а теперь ужъ описать нельзя. До того дошли, что никакихъ себѣ границъ не знаютъ.

— Воюетъ, чтó-ли, очень? (спрашиваетъ Досужевъ).

Теперича въ газетахъ про черкесовъ пишутъ, что они злые хищники и бунтовщики; такъ повѣрьте душѣ моей, что ни одному черкесу того не сдѣлать, что тятенька могутъ. (III, 292).

Особенно достается въ этихъ обстоятельствахъ Андрею Титычу.

Помыкаютъ мною такъ, хуже чего быть не можетъ (разсказываетъ бѣдный юноша). Повезутъ меня невѣсту смотрѣть, куда

имъ вздумается, и сейчасъ тамъ изъ-за приданаго или изъ чего другаго ссору заведутъ, крикъ подымутъ, такъ домой и уѣдутъ. Потомъ въ другомъ мѣстѣ то-же самое. Вотъ теперь въ Таганкѣ: повѣрите-ли, съ матерью невѣсты два раза нехорошими словами ругались; поругаются, недѣли двѣ не ѣздятъ, потомъ опять помирятся. А ужъ я, не то, чтобъ сказать что́, а и дышать-то не смѣю. (292—293).

Но, однако, судьба такъ помыкаемаго и самодурно-притѣсняемаго Андрея Титыча устраивается въ „Тяжелыхъ дняхъ" самымъ благополучнымъ образомъ, къ счастью его и любимой имъ дѣвушки. И это благодаря высокому свойству дикаго Титъ Титыча—свойству преклоняться передъ человѣческимъ благородствомъ: полюбивъ Досужева, Титъ Титычъ женитъ сына на Кругловой, потому что Досужевъ этого хочетъ.

Выигравши въ судѣ дѣло, Брусковъ повезъ чиновниковъ угощать въ Марьину рощу. Тамъ все шло благополучно; но подвернулся промышляющій своей физіономіей сочинитель фальшивыхъ документовъ Перцовъ—и Титъ Титычъ побилъ его.

Такихъ дѣловъ надѣлали, что страшно сказать (повѣствуетъ Андрей Титычъ матери)... барина прибили-съ.

Другой эксплуататоръ купечества, вышедшій тоже, какъ и Перцовъ, изъ среды мелкаго чиновничества, Мудровъ, ведущій дѣла Титъ Титыча, очень радъ этому случаю, потому что, говоритъ онъ,

это дѣло хорошее.

— Что́-жъ тутъ хорошаго? (спрашиваетъ Настасья Панкратьевна).

Для меня, сударыня, хорошее, собственно для меня (поясняетъ онъ). Давно я такого дѣла дожидаюсь.

Является домой самъ герой событія, и начинается юридическое собесѣдованіе. Вѣря во всемогущество

законниковъ, Титъ Титычъ приказываетъ Мудрову писать „кляузы“.

Пиши, что будто я... въ изступленіи ума.

— Въ изступленіи ума? Ну, на цѣпь (замѣчаетъ Мудровъ).

Какъ такъ на цѣпь?

— Такъ, на цѣпь. Для предупрежденія, чтобъ ты кого до смерти не убилъ.

Нѣтъ, „того не надо. Ты пиши, что я... въ здравомъ разсудкѣ.

— А въ здравомъ разсудкѣ, такъ въ смирительный домъ.

Ну, такъ дѣлай, что знаешь: ты за это деньги берешь. (317—318).

Мудровъ мудро совѣтуетъ Титу Титычу скрываться:

Твоя натура заставляетъ тебя скрываться (говоритъ онъ), законъ самосохраненія.

— Развѣ есть такой законъ?

Есть....

Но Мудровъ перехитрилъ—слишкомъ много, 5000 р., запросилъ за свои хлопоты,—и Титъ Титычъ прогналъ его. Исполняя, однако, совѣтъ прогнаннаго юриста, Титъ Титычъ засѣлъ скрываться въ тарантасъ.

Андрей Титычъ приводитъ къ отцу новаго дѣльца—Досужева. Досужевъ слыхалъ уже, что за человѣкъ его кліентъ и, не смотря на свою привычку къ такого рода людямъ, немножко побаивается:

Посмотримъ (разсуждаетъ онъ самъ съ собой), что это за звѣрь Титъ Титычъ! Ужъ я не радъ, что взялся за дѣло-то! Вѣдь, чортъ его знаетъ, поколотитъ, пожалуй. (330).

И дѣйствительно, вызванный изъ тарантаса, гдѣ сидѣлъ „точно сирота какая“ (по словамъ Настасьи Панкратьевны), Китъ Китычъ начинаетъ показывать свой нравъ новому знакомому:

Ну, садись, гость будешь! (говоритъ онъ).

— Я не люблю садиться, я лучше стоя (отвѣчаетъ Досужевъ).

Сказано, садись, такъ и садись. Что ты, какъ бѣсъ будешь передо мной вертѣться! Терпѣть не могу.

— Ну, будь по-твоему; сяду,

и Досужевъ хочетъ подвинуть стулъ...

Ты что тамъ еще? Не смѣй трогать стульевъ! Они на мѣстѣ поставлены. Садись вотъ здѣсь, подлѣ меня!

— Ты не очень командуй!

Да коли ты не порядокъ дѣлаешь, какъ-же тебѣ не сказать!

Затѣмъ начинается разговоръ о дѣлѣ, въ которомъ Титъ Титычъ заявляетъ, что не хочетъ мириться, а хочетъ быть оправленъ совсѣмъ, чтобы чистъ былъ. Досужевъ отвѣчаетъ, что это невозможно.

Буянить твое дѣло, а мириться такъ вотъ не хочешь!

— Да ты съ кѣмъ говоришь! (кричитъ Титъ Титычъ). Учить что-ли ты меня пришелъ у меня-то въ домѣ! Хочу буянить, и буяню; нѐшто ты мнѣ заказать смѣешь!..... Ты человѣкъ посторонній! Зачѣмъ ты ко мнѣ въ домъ зашелъ? Тебѣ что тутъ нужно? Ишь ты, влѣзъ въ гостинную, разсѣлся, тоже важничаетъ. Какъ ты смѣлъ придти меня безпокоить? Я вотъ сейчасъ велю тебя со двора согнать, чтобы ты и носу сюда показывать не смѣлъ. Я тебя и знать не хочу. (332).

Послѣ долгихъ пререканій (во время которыхъ, узнавъ, что Перцову придется заплатить только 100 рублей, Титъ Титычъ находитъ: „это ничего! это на чести, не дорого! это и въ другой разъ, коли случится....“), послѣ долгихъ пререканій дѣло оканчивается ко всеобщему удовольствію.—Титъ Титычъ плѣненъ, пораженъ и безкорыстіемъ Досужева, и (главное) его ходатайствомъ за Андрюшу. Онъ исполняетъ просьбу Досужева—соглашается на бракъ сына съ Кругловой, хотя, для поддержанія своего достоинства, и заявляетъ:

„ты не подумай, что это я тебя послушалъ! Это я самъ. А если-бъ не я самъ, никто-бъ меня на свѣтѣ... Слышишь ты, я самъ. Слышишь ты, что я тебѣ говою? (334—335).

Оканчиваетъ онъ, однако, тѣмъ, что наивно и простодушно сознается, что дѣло устроилъ Досужевъ; а Досужеву, тотчасъ послѣ его словъ: я для сына твоего хлопочу“, говоритъ:

Понимаю. Ты приходи ко мнѣ чаще, я тебя полюбилъ. (335).

Повидимому совершенно слабый и умственной темнотой своей, и тѣмъ, что зависитъ отъ нелѣпаго произвола своихъ самодурныхъ капризовъ, Титъ Титычъ носитъ, однако, въ своей душѣ такіе (по указанію Островскаго) твердые нравственные устои, съ которыхъ его ничто не можетъ сдвинуть. И этой твердостью онъ совершенно противоположенъ Жадову.

Очень интересна въ „Тяжелыхъ дняхъ“ личность *Досужева.*—Впервые мы знакомимся съ Досужевымъ въ „Доходномъ мѣстѣ“.

Это человѣкъ образованный, умный, знающій жизнь, энергичный, но болѣзненно тронутый душою. Онъ близко знакомъ съ чиновничьимъ міромъ и энергически характеризуетъ его опредѣленіями: „стая вороновъ“, „ослы во львинной шкурѣ“. Жизнь, должно быть, трудно далась ему и надломила его: онъ пьетъ....

Признаться вамъ сказать, я никакъ не разберу, что вы за человѣкъ? (говоритъ ему Жадовъ).

— А вотъ, изволите-ли видѣть (опредѣляетъ онъ себя), во-1-хъ—я веселый человѣкъ, а во-2-хъ—замѣчательный юристъ. Вы учились, это я вижу, и я тоже учился! Поступилъ я на маленькое жалованье; взятокъ брать не могу—душа не переноситъ, а жить чѣмъ-нибудь надо. Вотъ я и взялся за умъ: принялся за адвокатство, сталъ купцамъ слезныя прошенія писать (212).

Встрѣтился онъ съ Жадовымъ въ трактирѣ, куда пришелъ повидаться по дѣлу съ купцомъ:

Я вотъ карася дожидаюсь (заявилъ онъ Жадову).

— Какого карася?

Придетъ съ рыжей бородой, я его буду ѣсть.

Прощается Досужевъ съ Жадовымъ словами смиреннаго самоосужденія:

„Ты меня строго не суди! Я человѣкъ потерянный. Постарайся быть лучше меня, коли можешь“ (214).

Въ „Тяжелыхъ дняхъ“ личность его болѣе опредѣлилась; оказывается, что, чувствуя „злобу неукротимую“ къ своимъ кліентамъ (какъ онъ выражался въ „Доходномъ мѣстѣ“), онъ въ то-же время ихъ любитъ, онъ оберегаетъ ихъ отъ эксплоатаціи разныхъ проходимцевъ изъ бюрократическаго міра. Въ его лицѣ въ комедіяхъ Островскаго образованный человѣкъ подалъ руку земщинѣ и заключилъ съ нею союзъ противъ тяготѣющихъ надъ нею взяточниковъ и казнокрадовъ. Затѣмъ мы видѣли уже въ Досужевѣ добраго человѣка, помогающаго хорошимъ людямъ. Остроумно подсмѣиваясь надъ невѣжествомъ среды, на пользу которой посвятилъ свой трудъ, Досужевъ въ то-же время любовно относится къ этой средѣ.

ГЛАВА XI.

Трилогія о Бальзаминовѣ.—Общія заключенія о первомъ періодѣ дѣятельности Островскаго.

Параллельно съ типами Жадова и Брускова художественная фантазія Островскаго создала одинъ изъ самыхъ яркихъ типовъ русской литературы—*Бальзаминова.*—Молодой чиновникъ Бальзаминовъ—герой трехъ пьесъ: „*Праздничный сонъ—до обѣда*“, „*Свои собаки грызутся—чужая не приставай*“ и „*За чѣмъ пойдешь—то и найдешь*“.

Существо добродушное и глупое, Бальзаминовъ поставилъ цѣлью своей жизни—жениться на богатой и жить въ праздности и роскоши. Никакихъ нравственныхъ принциповъ у него нѣтъ. Онъ искренно убѣжденъ, что имѣетъ право на богатство, во 1-хъ потому, что ему хочется быть богатымъ, во 2-хъ потому, что у него „много вкусу“.

Деньги всякому пріятно имѣть-съ (говоритъ онъ Неуѣденову)... Особенно если человѣкъ со вкусомъ-съ, просто долженъ страдать. Хочется жить прилично, а способовъ никакихъ нѣтъ-съ. Вотъ хоть-бы я...... А въ мечтахъ все представляется богатство, и даже во снѣ снится; притомъ-же вкусу много. (II, 289—290).

Я человѣкъ съ большимъ вкусомъ-съ, у меня вкусу-то гораздо больше, чѣмъ у Устрашимова (говоритъ Бальзаминовъ въ другой

пьесѣ купчихамъ Антрыгиной и Піоновой), а средствъ къ жизни нѣту-съ. Слѣдственно, я долженъ ихъ искать. Кабы мнѣ теперь средства-съ.... (Ш, 33).

Да и совсѣмъ не отъ зависти я хочу жениться на богатой (споритъ Бальзаминовъ съ свахой Красавиной), а оттого, что у меня благородныя чувства. Развѣ можно съ облагороженными понятіями въ бѣдности жить? А коли я не могу (логически разсуждаетъ онъ) никакими средствами достать себѣ денегъ, значитъ я долженъ жениться на богатой.—Ахъ, маменька (обращается онъ къ матери), какая это обида, что все на свѣтѣ такъ нехорошо заведено! Богатый женится на богатой, бѣдный — на бѣдной. Есть-ли въ этомъ какая справедливость? Одно только притѣсненіе для бѣдныхъ людей. Если-бъ я былъ царь, я бы издалъ такой законъ, чтобъ богатый женился на бѣдной, а бѣдный—на богатой; а кто не послушается—тому смертная казнь. (Ш, 50).

Нажива, матерьяльная, денежная нажива, притомъ безъ труда,—вотъ безсознательный принципъ жизни Бальзаминова.

И та „пучина“ (по выраженію Досужева), пучина невѣжества и грубости, среди которой Бальзаминовъ ищетъ богатой дуры, которая-бы за него вышла, даетъ ему основаніе и полное право надѣяться на такую наживу.

Молоденькая Капочка, дочь глупой, лѣнивой и слабовольной купчихи Ничкиной, пламенно желаетъ выдти за Бальзаминова, потому что, какъ она выражается, „для ея чувствъ нѣтъ границъ“ и женщины „рождены со слабостями“; купцы ей не нравятся, потому что носятъ бороду; а Бальзаминовъ плѣнилъ ее въ одну минуту, при первой-же встрѣчѣ, потому что былъ „въ голубомъ галстукѣ“ и посмотрѣлъ на нее (какъ она воображаетъ) „съ такой душой въ глазахъ, даже уму непостижимо! а потомъ взялъ опустилъ глаза довольно гордо“.

Вдову Антрыгину онъ плѣнилъ тѣмъ, что написалъ ей „амурное письмо“.

Другой вѣдь напишетъ (разсказываетъ про этотъ случай сваха Красавина (просто срамъ; а это хоть барышнѣ дай, такъ ничего. Отъ этого письма она и приди въ чувство; ужь оченно ей понравилось, что учтиво пишетъ-то, что охальства-то никакого нѣтъ. А онъ еще въ концѣ-то стихъ прибавилъ: „Взвѣйся, вихорь, вѣтерочекъ, отнеси ты сей листочекъ—въ объятія тому, кто милъ сердцу моему“. А на пакетѣ-то надписалъ: „лети туда, гдѣ примутъ безъ труда“. Стихомъ-то ужь онъ ее больше и убѣдилъ (III, 10).

„Убѣждаетъ“ онъ также, или пытается „убѣждать“—завитыми кудрями, да словами, „умными“ и похожими на французскія; послѣднему учитъ его мать.

Умныхъ ты словъ не знаешь (говоритъ она ему, сокрушаясь о немъ, объ его простотѣ).

— Это, маменька, нужды нѣтъ (отвѣчаетъ онъ). Въ нашемъ дѣлѣ все отъ счастья; тутъ — умомъ ничего не возьмешь. Другой и съ умомъ да лѣтъ пять даромъ проходитъ; а я вотъ и неуменъ, да женюсь на богатой.

Вотъ что, Миша, есть такія французскія слова, очень похожія на русскія; я ихъ много знаю, ты бы хоть ихъ заучилъ когда, на досугѣ. Послушаешь иногда на именинахъ или гдѣ на свадьбѣ, какъ молодые кавалеры съ барышнями разговариваютъ — просто прелесть слушать.

— Какія-же это слова, маменька? Вѣдь, какъ знать, можетъ быть, они мнѣ и на пользу пойдутъ.

Разумѣется, на пользу. Вотъ слушай! Ты все говоришь: „я гулять пойду!“ Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: „я хочу проминажъ сдѣлать“.

— Да-съ, маменька, это лучше. Это вы правду говорите! Проминажъ лучше.

Про кого дурно говорятъ, это—мараль.

— Это я знаю-съ.

А вотъ если кто заважничаетъ, очень возмечтаетъ о себѣ, и вдругъ ему форсъ-то собьютъ—это „асаже“ называется.

— Я этого, маменька, не зналъ, а это слово хорошее. Асаже, асаже... (III, 15).

Дѣло „Бальзаминова“, т. е. хожденіе по улицамъ мимо оконъ богатыхъ невѣстъ, не—трудно и заманчиво,

но, однако, и не безъ терній: то предстоитъ опасность (какъ предостерегаетъ его матъ), что „ревнивый мужъ или отецъ вышлетъ дворника съ метлой“, то начнутъ дразнить сидѣльцы у лавокъ, то кучера примутся травить собаками.

„Какое необразованіе свирѣпствуетъ въ нашей странѣ, страсть! (жалуется самъ Бальзаминовъ). Обращенія не понимаютъ, человѣчества нѣтъ никакого! Пройду по рынку мимо лавокъ лишній разъ — сейчасъ тебѣ прозвище дадутъ кличку какую-нибудь. Почти у всякихъ воротъ кучера сидятъ, толстые, какъ мясники какіе! только и дѣла, что собакъ гладятъ, да играютъ съ ними; а собаки-то, маменька, какъ львы. Вѣдь, по нашему дѣлу иногда нужно разъ десять мимо оконъ-то пройти, чтобы замѣтили тебя, а они развѣ дадутъ? Сейчасъ засвищутъ, да и давай собаками травить...... Развѣ они знаютъ учтивость“. (Ш, 42—43).

Бываютъ непріятности и посерьезнѣе. Такъ, въ пьесѣ „Свои собаки грызутся—чужая не приставай“ чиновникъ Устрашимовъ грозитъ побить Бальзаминова, за соперничество; въ сценахъ „Зачѣмъ пойдешь—то и найдешь“ отставной офицеръ Чебаковъ эксплоатируетъ его, заставляя одѣваться башмачникомъ и передавать письма, рискуя поплатиться боками. Но самый непріятный для Бальзаминова случай—это изгнаніе изъ дома Ничкиныхъ. Въ самый день знакомства, когда должна была повидимому уже благополучно рѣшиться судьба Бальзаминова, къ Ничкиной пріѣзжаетъ ея братъ Неуѣденовъ, простой и грубоватый, но дѣльный купецъ, человѣкъ со здравымъ смысломъ. Онъ сразу понимаетъ, что за женихъ у племянницы, и безцеремонно выживаетъ его изъ дому. Онъ, сначала обиняками, называетъ намѣреніе Бальзаминова посвататься—ловкой и нечестной спекуляціей; его самого—аферистомъ, намекаетъ, что ему „вся цѣна-то двѣ копѣйки ассигнаціями“; а на замѣчаніе разсер-

дившейся Капочки: „вы, дяденька, оттого такъ разсуждаете, что вы совсѣмъ необразованы“, говоритъ:

Именно, мой другъ, необразованы. Не одна ты это говоришь. Вотъ и тѣ голые-то, которыхъ мы обуваемъ да одѣваемъ, да на безпутную ихъ жизнь деньги даемъ, тоже насъ необразованными зовутъ. Имъ бы только отъ насъ деньги-то взять, а родни-то хоть вѣкъ не видать.

Эти слова, наконецъ, проняли старуху Бальзаминову; она встаетъ и говоритъ:

Послѣ такихъ словъ, намъ съ тобой, Миша, кажется, здѣсь нечего дѣлать.

— Да, похоже на то (прямо заявляетъ Неуѣденовъ). На ворѣ-то видно, шапка горитъ.

Но Бальзаминовъ остается невозмутимъ.

Я этихъ словъ, маменька, на свой счетъ не принимаю (говоритъ онъ).

— Нѣтъ, я на вашъ счетъ (успокаиваетъ его Неуѣденовъ). Вотъ маменька-то ваше поумнѣе—сейчасъ поняла.

Я за большимъ, пожалуй, не погонюсь: мнѣ хоть-бы что-нибудь дали (простодушно пробуетъ торговаться Бальзаминовъ).

— Вѣдь у тебя ни гроша нѣтъ, такъ тебѣ все барышъ, что ни дай (возражаетъ ему Неуѣденовъ).

Въ такомъ случаѣ, прощайте-съ. Я не ожидалъ (заканчиваетъ изгоняемый женихъ) (293).

Въ этой удивительно-художественной сценѣ съ замѣчательной яркостью обрисовывается передъ нами характеръ Бальзаминова. Мы видимъ здѣсь и его ненасытную и настойчивую жажду денегъ, и его необидчивость (съ одной стороны, происходящую отъ не имѣнія чувства человѣческаго достоинства, съ другой стороны отъ несомнѣннаго его добродушія и даже кротости), и его глупость.

Человѣкъ добрый и незлобливый, Бальзаминовъ необыкновенно глупъ. И глупость его не секретъ. Объ

ней знаетъ и сокрушается мать; объ ней знаютъ кухарка Матрена, сваха Красавина.

Эхъ, молодо, зелено! (разсуждаетъ старуха Бальзаминова). Все счастье себѣ хочетъ составить, прельстить кого-нибудь. А я такъ думаю, не прельститъ онъ никого; разумомъ-то онъ у меня больно плохъ. Другой и собой-то, изъ лица-то неказистъ, такъ словами обойдетъ; а мой-то умныхъ словъ совсѣмъ не знаетъ. Да, да! Ужь и жаль его...... На мои-то бы глаза лучше и нѣтъ тебя, а другіе-то нынче разборчивы. Поговорятъ съ тобой, ну и увидятъ, что ты умомъ-то недостаточенъ. А кто-жь этому виноватъ... Глупенькой ты мой! (II, 254).

Чрезвычайно интересенъ споръ Бальзаминова съ Красавиной и Матреной объ умѣ.

Ты самъ разсуди! Какую тебѣ невѣсту нужно? (говоритъ Красавина).

— Извѣстно какую, обыкновенную.

Нѣтъ, не обыкновенную. Ты человѣкъ глупый, значитъ...

— Какъ-же, глупый! Ишь ты дурака нашла!

А что, уменъ? (вмѣшивается въ разговоръ Матрена).

— Ты молчи, не твое дѣло! (кричитъ Бальзаминовъ на кухарку).

Ты послушай! (продолжаетъ сваха). Ты человѣкъ глупый; значитъ тебѣ...

— Да что ты все: глупый да глупый! Это для тебя я, можетъ быть, глупъ, а для другихъ совсѣмъ нѣтъ. Давай, спросимъ у кого-нибудь.

Давай, спросимъ! Да нечего и спрашивать. Ты повѣрь мнѣ: я человѣкъ старый, обманывать тебя не стану.

Какой ты, Михайло Митричъ (вмѣшивается опять Матрена), какъ погляжу я на тебя, спорить здоровый! Гдѣ-жь тебѣ съ ней спорить!

— Какъ-же не спорить, когда она меня дуракомъ называетъ?

Она лучше тебя знаетъ. Коли называетъ, значитъ правда. (III, 52).

Бальзаминовъ сердится на обижающихъ его сваху и Матрену. Сердце его на сваху держится потомъ довольно долго. Но въ сущности настоящаго гнѣва и

злобы въ душѣ его нѣтъ. Человѣкъ безхитростный и добродушный, не себялюбивый и отнюдь не гордый, онъ даже вскорѣ сознается (и что особенно цѣнно, сознается передъ самимъ собою), что въ вышеприведенномъ спорѣ онъ былъ неправъ. Попавши въ садъ Пѣженовыхъ въ образѣ башмачника, онъ приходитъ къ заключенію, что теперь надо объясняться въ любви, и начинаетъ сокрушаться, что „ничего не придумалъ, никакихъ словъ не прибралъ".

Эка голова! (бранитъ онъ себя). Что ты будешь дѣлать. Будь тутъ столбъ или дерево покрѣпче, такъ-бы взялъ да и разбилъ ее въ дребезги. Сваха-то давича правду говорила, что я дуракъ. (Ш, 68).

Обратимъ вниманіе еще на одну черту Бальзаминова: онъ—мечтатель, любитель мечтаній. Мечты его чрезвычайно разнообразны и комичны. То онъ, въ сумеркахъ, начинаетъ представлять себя генераломъ, или человѣкомъ высокаго роста и брюнетомъ необыкновенной красоты; то съ наслажденіемъ раздумываетъ о томъ, какъ было-бы хорошо сшить себѣ „голубой плащъ на черной бархатной подкладкѣ"; то вообразитъ себя владѣльцемъ дома (подъ окнами котораго ходитъ по своему „дѣлу"), хозяиномъ, сидящимъ „поутру за чашкой кофею въ бархатномъ халатѣ..."

Вы не знаете, маменька (говоритъ онъ), какое это удовольствіе—мечтать. Иногда такъ занесешься, занесешься, даже вскрикнешь: „Эй, четверню закладывать въ карету!" (Ш, 7).

Но самая замѣчательная сцена мечтаній Бальзаминова, это въ послѣдней пьесѣ трилогіи. Помечтавъ о томъ, какъ было-бы хорошо жениться и на Пѣженовой и на Бѣлотѣловой заразъ и соединить ихъ сады, Михаилъ Дмитричъ говоритъ:

Нѣтъ, маменька, самъ чувствую, что начинаетъ все путаться въ головѣ, такъ даже страшно дѣлается. Плановъ-то много, а обдумать

